Год в поисках
Ва
JAPANLAND
Карин
Мюллер

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

От издателя

Дышащая впечатлениями и эмоциональными переживаниями, пропитанная яркими наблюдениями и красочными описаниями людей, мест, событий, историй, ситуаций – книга "Japanland. Год в поисках "Ва" пленяет не меньше, чем сама Япония во всей ее многообразной неповторимости. Режиссер-документалист и свободная душа Карин много лет жила по принципу Уолта Уитмена "Всегда сопротивляйся и никогда не подчиняйся", но… Серьезное увлечение дзюдо привело автора к осмыслению и пониманию "Ва" – слова-иероглифа, означающего спонтанное достижение гармонии. Гармонии, за которой она отправилась в Японию.

Путешествие длиною в год в корне изменило прежние представления автора. Можно ли найти счастье в беспрекословном подчинении? Так ли необходимо упорство в достижении любой, даже самой незначительной внешне цели?

- Карин Мюллер
  - «Всегда сопротивляйся, никогда не подчиняйся».
  - ЯПОНИЯ – СТРАНА ВОСХОДЯЩЕГО СОЛНЦА
  - ГЛАВА 1
  - ГЛАВА 2
  - ГЛАВА 3
  - ГЛАВА 4
  - *Зал.
  - ГЛАВА 5
  - ГЛАВА 6
  - «Да».
  - ГЛАВА 7
  - ГЛАВА 8
  - ГЛАВА 9
  - ГЛАВА 10
  - ГЛАВА 11
  - ГЛАВА 12
  - ГЛАВА 13
  - ГЛАВА 14
  - ГЛАВА 15
  - ГЛАВА 16
  - ГЛАВА 17
  - ГЛАВА 18
  - ГЛАВА 19

- ГЛАВА 20
- ГЛАВА 21
- «Ясёй, ясёй, ясёй!»
- ГЛАВА 22
- И я решаю ехать.
- ГЛАВА 23
- ГЛАВА 24
- ГЛАВА 25
- ВА
- БЛАГОДАРНОСТИ

Карин Мюллер

Japanland. Год в поисках "Ва"

«Всегда сопротивляйся, никогда не подчиняйся».

Режиссер-документалист и свободная душа, Карин Мюллер всю свою жизнь воспринимала эти строки Уолта Уитмена* близко к сердцу. «Ни перед кем не отчитываться» – таков был девиз ее жизни. По крайней мере, ей так казалось… Пока в один прекрасный день она не взглянула на свою жизнь со стороны. Существование в безликой вашингтонской квартире, неустроенная личная жизнь – к этому ли она стремилась? Все это время она что-то делала неправильно. Чем сопротивляться, не лучше ли поддаться течению? За годы занятий дзюдо она выучила одно слово – ва, которое в японском языке означает состояние гармонии. И Карин решила отправиться на его поиски.

Так началось путешествие длиною в год, в ходе которого Карин, глядевшей на жизнь с западной стороны, предстояло научиться ценить такие восточные принципы, как беспрекословная преданность и упорство при достижении даже самой незначительной цели. Попутно попадая в неловкие, а порой и невероятно забавные ситуации, она познала, как это трудно на самом деле быть японцем. Она встретила множество удивительных людей со свойственными им предрассудками и чисто человеческими странностями.

Это Юкико – хозяйка дома, в котором поселилась Карин, ставшая ее приемной мамой и наставницей. Она весь день готовила блюда, которым позавидовал бы любой шеф-повар, и придиралась к каждому шагу непутевой Карин.

Все сноски в книге – примечания переводчика и редактора. Американский поэт (1819-1892), певец мировой демократии, всемирного братства людей, не знающих социальных границ.

_____

Это Гэндзи – хозяин ее дома и инструктор по дзюдо, обладатель шестого дана и управляющий огромной корпорацией, он тем не менее не смел дома прекословить жене.

Это Дзюнко – «сестричка» Карин, своенравная представительница нового поколения японцев, которая агрессивно отстаивала современные принципы и презирала старомодных родителей, но вместе с тем полностью зависела от них. Через 2 года ей пришлось выйти замуж и забыть о круглосуточных тусовках.

Это Роберто – уроженец Бразилии, посвятивший несколько лет жизни древнему искусству изготовления мечей. Он стал

учеником знаменитого мастера Масамунэ, который тратил сотни часов, выковывая самурайский меч – гордость любого воина и настоящую драгоценность, оцениваемую в десятки тысяч долларов.

Борцы сумо, гейши, буддистские монахи и знаменитые японские бизнесмены, трудоголики, положившие жизнь на алтарь корпоративной карьеры, – все они повстречались Карин на ее пути.

За год, проведенный в путешествии по Японии, судьба постоянно бросала ей вызов, будь то жизнь в герметичном мире японской семьи или паломничество к островным храмам. Карин никогда не отказывалась ни от каких крайностей, не теряла самообладания и оптимизма и достигла того самого состояния ва.

Карин Мюллер обладает не только удивительной находчивостью, но и особым даром к точному наблюдению и метким описаниям. Среди жестоких реалий повседневной жизни она умеет вдруг подметить моменты удивительной красоты… Повествуя о своих триумфах, жалких неудачах и оплошностях, она не превращает рассказ о путешествии в повествование о себе самой.

Насыщенная впечатлениями, эмоциональными переживаниями, яркими наблюдениями и красочными описаниями людей и мест, книга пленяет не меньше, чем сама Япония во всем ее многообразии и противоречии.

Эми Родес,
вице-президент издательства «Rodale»

Посвящаю эту книгу всем людям,
которых я встретила в Японии.

ЯПОНИЯ – СТРАНА ВОСХОДЯЩЕГО СОЛНЦА

Двадцать первый день рождения я встретила в деревушке на одном из далеких островов Филиппин. Празднуя почти в полном одиночестве, в маленькой хижине из пальмовых листьев, я получила открытку от брата. Ее украшало изображение молодой женщины, карабкавшейся вверх по склону навстречу бородатому гуру, восседавшему на вершине. Брат зачеркнул подпись и поверх нее нацарапал: «Все еще ищешь смысл жизни?» Досадная проницательность со стороны человека, который в свои годы успел получить две степени Массачусетского технологического института и теперь присматривался к Гарвардскому университету. Моя же карьера в сравнении с его напоминала лихорадочное трепыхание птички, пытающейся убежать от накатывающих волн.

Отработав в Корпусе мира, я надела строгий серый костюм и поступила в консультационную фирму. Потом открыла собственный бизнес. Обручилась. У нас появился щенок и дельтаплан. Я заставила квартиру африканскими фиалками и декоративными альбомами экзотических стран, в которых теперь мне уж точно не придется побывать. Потом мы расстались. Я продала свою компанию и следующие 8 лет колесила по миру с видеокамерой. Я искала смысл жизни в хижине кечуа* на озере Титикака, среди вьетнамских морских цыган, приютившихся в заброшенных пещерах залива Халонг, и в Камбодже на замысловатых барельефах Ангкор Вата**, изображающих битвы индуистских богов с демонами.

_____

* Племя южноамериканских индейцев численностью около 12 млн человек, живущее в Перу, Боливии, Эквадоре.

** Храм начала XII века в Ангкоре, Камбоджа. Важнейшая индуистская и буддистская святыня, пример классической кхмерской архитектуры и символ Камбоджи (изображен на ее государственном флаге).

_____

Однажды утром я проснулась и обнаружила, что живу в безликом здании, напоминающем отель на 12 сотен идентичных номеров в Вашингтоне, и иногда хожу на свидания с разведенным адвокатом, который, в свою очередь, иногда ходит на свидания еще как минимум с двумя такими же, как я. Вскарабкавшись на пресловутую вершину, получив работу на телеканале National

Geographic», я занималась подготовкой к эфиру документального сериала, отснятого мной в Южной Америке.

И все же та открытка ко дню рождения до сих пор не давала мне покоя. Смысл жизни. Может, его поиски – это слишком по-детски или же я слишком рано прекратила искать? Одно ясно – здесь, в тесных квартирах-ячейках, залитых светом флуоресцентных ламп, где все мечтают лишь о собственном месте для парковки в подземном гараже и выстраиваются за ним в 8-летнюю очередь, – здесь мне этот смысл не найти.

Но, как ни уставали напоминать родители, мне уже исполнилось 34 года, и время поджимало. Я перепробовала себя в десятке специальностей, успела выучить 6 языков и 3 из них забыть, испытала все существующие хобби – от составления букетов до управления самолетом. Мои отношения с мужчинами были похожи на купание в ледяном фьорде в середине зимы: большие надежды, отчаянный прыжок, вполне предсказуемый ужас – и с визгом наутек Все это наводило на малоприятную мысль: проблема не в окружающем мире. Проблема во мне.

Было лишь одно место, где все мои заботы отступали хотя бы на время. Три раза в неделю, пристегнув к велосипеду спортивную сумку, я выруливала на центральные улицы и ехала в Академию дзюдо. После долгих часов борьбы, падений и барахтанья на матах я возвращалась домой, промокнув от пота и не чувствуя ног. Но в те ночи мой покой не нарушали ни беспокойные сны, ни бесконечное самокопание, когда просыпаешься ранним утром и уже не можешь заснуть.

Дзюдо я занялась вскоре после увольнения из Корпуса мира и усердно изучала его 11 лет. Это увлечение оказалось более долговечным, чем все мои романы, чем все обещания стать лучше, вместе взятые. В конце концов, я научилась не просто силе и равновесию, не просто приобрела уверенность в самозащите почти в любых обстоятельствах. Было еще кое-что. Большинство моих инструкторов были японцами, вся жизнь которых была полностью посвящена совершенствованию этого безмерно сложного искусства. Они точно светились изнутри почти неземным спокойствием и внутренней силой. Они всегда говорили, что невозможно овладеть боевым искусством по-настоящему, не понимая основополагающей философии. А чтобы понять философию, говорили они, надо понять Японию. Внутренний покой, который японцы обретают, глядя на простые предметы и созерцая природу, их готовность пожертвовать собственными нуждами ради общего блага – все это было мне совершенно чуждо и оттого еще сильнее завораживало. Что заставляет монаха по семь часов в день смотреть на стену? Как

может гейша потратить всю жизнь на постижение элегантности единственного жеста в чайной церемонии?

Сосредоточение. Гармония. Ва*. Я даже не знала, что на самом деле означает это ва, но мне очень хотелось урвать от него кусочек для себя.

Проблема была в одном. Очевидно, что подобного знания нельзя достичь спонтанно, съев волшебный пирожок. Нужно отдать усилиям все сердце, всю душу. Уехать в Японию, прикоснуться к тамошней культуре и верованиям. Стать японкой. Этому следует посвятить минимум год времени, может, и больше, и немало средств.

Последние 10 лет я только и делала, что карабкалась на вершину горы. Можно ли теперь все бросить и, поддавшись дурацкому порыву, кинуться на поиски какого-то там счастья и покоя? Отчасти мне уже хотелось перестать метаться, может, даже завести семью. Барахтаясь на мате, я уже не замечала в себе прежней гибкости, как в 25 лет. После усердной тренировки просыпалась с болью в мышцах, с трудом передвигая ноги, и синяки теперь заживали медленнее. А в Японии, как известно, и маты жестче, и инструкторы суровее.

_____

*Концепция ва (гармонии, согласия, бесконфликтности) является определяющим фактором жизни японцев. Из-за островной географии японцам веками приходилось селиться тесными группами, а выращивание риса делало людей в общине взаимозависимыми, поэтому они всеми силами старались избежать конфликтов и неурядиц друг с другом, наладить групповую гармонию.

_____

Подумав как следует, я решила, что идея с Японией нелепа, и стала вскользь вворачивать ее в разговоре с людьми, при первой же усмешке готовясь дать отступной: «Это не я придумала».

Мой старый друг, 28 лет проживший в Японии, женившийся на японке и воспитавший троих детей, с ответом долго не тянул. „Можно стать частью японского общества только в одном случае, – сказал он, – если твои родители – японцы и ты родился в японской деревне”.

Менее пессимистичным был ответ моего бывшего профессора востоковедения. «Легко, – ответил он. – Следующие 30 лет посвяти изучению японского этикета, после чего можешь начать говорить через куклу-чревовещателя, надев на голову бумажный мешок».

«Ты? – фыркнул давнишний приятель, с которым мы вместе летали на дельтаплане. – Ха!»

Наконец за чашкой, кофе я встретилась с коллекционером, 30 лет изучавшим антикварные деревянные гравюры и построившим чудесный домик на уединенном островке внутреннего Японского моря. Он выслушал меня, несколько минут молчал, затем спросил: «Что говорят все остальные?»

Я призналась, что их реакция не слишком оптимистична.

«Но вы же все равно поступите по-своему», – сказал он.

«А как же».

«Далеко же вам еще до японки», – рассудительно заключил он.

Принять решение о поездке оказалось самым легким делом. Хотя японцы ряды туристам, они с настороженностью относятся к тем, кто пытается бросить на местную культуру и традиции более чем поверхностный взгляд. Мое намерение взять видеокамеру, чтобы запечатлеть свой прогресс, значительно осложняло дело.

Полгода я тщетно искала хоть кого-нибудь, кто станет моим пропуском в японскую общину. И вот, когда я уже была готова опустить руки, такой человек появился.

Мурата-сан приходил на занятия дзюдо с неизменной пунктуальностью каждый вечер понедельника. Несмотря на почтенный возраст (69 лет), он был крепок, как дуб, и быстр, как нападающая кобра. Как-то раз, услышав о моих планах отправиться в Японию и снять документальный фильм, он тихо предложил подыскать для меня принимающую семью в Токио. Спустя всего несколько дней он связался со своей старой группой по дзюдо из одного престижного токийского университета. На ежеквартальном собрании было сделано объявление, и Гэндзи Танака*, обладатель черного пояса шестой степени, тут же поднял руку. Он не только за символическую сумму предложил мне в аренду пустующую квартиру в своем доме, но и вызвался стать моим сэнсэем – проводником по загадочному миру Японии.

_____

*Имена, малоизвестные топонимы, понятия переведены по правилам японской транскрипции, а общеизвестные топонимы приведены, как в атласе.

_____

ГЛАВА 1

Мой новый дом в Фудзисаве* престижен по всем меркам: до пляжа 5 минут пешком, до железнодорожной станции – 15 и меньше часа езды до Токио. Не квартира, а целый дом с узкой полоской садика, опоясывающей стены подобно тонкому слою лака. От пытливых взглядов соседей и иностранцев мое новое жилье защищает высокая цементная стена, внутри которого – вотчина моей приемной мамы Юкико.

Есть два типа пожилых женщин. Те, что позволяют волосам седеть, а ягодицам и бедрам полнеть, сидят, спокойно положив руки на колени, и на их лицах постепенно проступают морщины, запечатлевая на губах постоянную улыбку. Выходя из дому, они уже не берут с собой зонтик и редко пылесосят под кроватью.

А есть такие, как Юкико. Она так часто ходит к парикмахеру, что тот уже стал ей близким другом. Длинные стройные ноги затянуты в узкие брюки, а исходящая от нее аура аристократичности не мешает быть королевой стиля – она словно дама викторианской эпохи в безукоризненно отутюженных джинсах. Юкико вызывает у меня зависть, потому что самой мне никогда не удавалось выглядеть так элегантно, хоть я и вдвое моложе. И страх – потому что я никак не могу понять, когда она улыбается от сердца, а когда фальшиво.

_____

*Город в центральной префектуре Ка нага ва, неподалеку от Токио, с населением около 400 тыс. человек

_____

Юкико встретила Гэндзи, когда ей уже исполнился 21 год. Недолго прослужив помощницей медсестры в больнице, она 2 года провела дома, обучаясь кулинарии и домашнему хозяйству. Получив от Гэндзи предложение руки и сердца, она достигла величайшей цели в жизни. Двое детей родились один за другим. Сейчас Юкико 58; у нее домработница на полный рабочий день, безупречно покрашенные в черный цвет волосы, гладкая кожа без единой морщинки и своя вотчина, простирающаяся от почтового ящика до забора на заднем дворе. Мужчины в Японии могут управлять компаниями, содержащими несколько тысяч работников, но в доме господствует женщина, и все остальные – ее подданные.

Этот на первый взгляд незначительный факт позднее для всех нас обернется серьезными последствиями. Дело в том, что, подняв руку тогда на собрании в порыве минутного великодушия, Гэндзи пригласил меня не только в свой дом, но и в дом жены, не

поинтересовавшись, хочет ли она меня там видеть.

Разногласия между нами начались с первого же дня. Юкико очень консервативна, я – нет. Скажем, она просто убеждена, что все новомодные кухонные приспособления типа микроволновок разрушают пищу. Я не стала ее разубеждать: в доме всего одна микроволновка, и теперь она стоит в моей кухне, что вполне меня устраивает. В моей приемной семье все дивятся, как только мне за считаные минуты удалось расшифровать назначение всех кнопочек без знания японских слов. Я не стала рассказывать, как на прошлой квартире у меня сломалась духовка и только через год у меня дошли руки ее починить. В моем доме микроволновка используется чаще телефона.

Юкико также против сушки одежды в барабане. Увы, она также против, чтобы я сушила ее таким способом, поэтому обычно приходится пробираться на второй этаж тайком с охапкой мокрого белья, когда она уходит за покупками. Правда, в последнее время, уходя из дому, она повадилась включать сигнализацию в прачечной. Все время забываю об этом, пока не открою дверь и не услышу высокочастотный писк Тут приходится бросать мокрую одежду на пол и бежать вниз, где происходит мой односторонний разговор с охранной системой. Лихорадочно жму кнопки, в то время как металлический женский голос произносит всегда по-разному: „Хандзи-мандзи! (Пожалуйста!)” В моем распоряжении всего 90 секунд – за это время не успеешь разглядеть все японские картинки под кнопочками, не то что разгадать нужную комбинацию цифр.

Наконец сигнализация замолкает, и я сажусь у телефона со вспотевшими ладонями, повторяя про себя самые смиренные слова извинения по-японски и пытаясь вспомнить код на эту неделю прежде, чем позвонят из охранной конторы. Готова поспорить, будь мы в любой другой стране, охранники сказали бы, увидев номер дома: «Это опять та двинутая иностранка со своим бельем», И проигнорировали бы вызов. Но мы в Японии; здесь охрана всегда перезванивает в течение 5 минут. Если спрятать телефон под подушку, то через час придет человек в официальной униформе, чтобы произвести личную проверку. Он все расскажет Юкико, та расскажет Гэндзи, и он вызовет меня наверх для объяснений, хихикая за бокалом джин-тоника. Юкико это кажется забавным. Я другого мнения.

Но несмотря на различия между нами, я очень хочу, чтобы мы подружились. Дисциплинирую себя, стараясь стать своим человеком в доме Юкико и вписаться в ее систему приоритетов. Если для этого придется научиться подбирать мельчайшие пушинки с пола спальни, гладить носки, простыни и нижнее

белье, распределять мусор по семнадцати разным контейнерам для дальнейшей переработки и стать кулинарным экспертом – да будет так

Если честно, мне даже хочется немного восполнить пробел по части ведения домашнего хозяйства. Эта сторона моей жизни долго оставалась без внимания. В последние 15 лет под хорошим обедом я подразумевала то, что можно съесть быстрее, чем приготовить в микроволновке, само приготовление при этом должно занять меньше времени, чем загрузка почты.

С Юкико я об этом помалкиваю. Она даже не пользуется электронной почтой, зато начинает готовиться к ужину, едва успев помыть посуду после завтрака. Полвека она шла к идеалу японской женщины, на этом пути проявляя самодисциплину токийского клерка, нацелившегося на должность главы компании. Но проблема в том, что в начале своего обучения она была юной и восприимчивой 18-летней девушкой. Я же, в сравнении с ней, похожа на старый скрипучий дом с ненадежным фундаментом и въевшимися привычками, которые приходится вырывать с корнем.

Так что Юкико с присущей ей деликатностью взялась превратить меня из нецивилизованной деревенщины в нормальную японку, какой японка и должна быть.

И впервые за всю свою взрослую жизнь мне стало страшно.

Гэндзи, мой хозяин и инструктор по дзюдо, – 6 футов с гаком*, 200 фунтов** сплошных мышц, широкоплечий, ходит всегда прямо. В свои 60 лет он передвигается с гибкостью кошки и природным изяществом атлета, тренирующегося с детства. В редкий для японца момент непринужденного общения Гэндзи предложил, чтобы я называла его Гасом, но мне сложно пойти на это – не стану же я звать Мурзиком бенгальского тигра.

_____

* Более 180 см.

** Около 90 кг.

_____

Несмотря на свой внушительный вид, такого добряка, как Гэндзи, я в жизни не встречала. К таким подходят, чтобы спросить дорогу к железнодорожной станции, и можете быть уверены – он немедленно бросит все свои дела и отведет вас куда нужно. Гэндзи уже начал седеть, и характер постепенно отпечатывается на лице, как это бывает у пожилых, – вокруг глаз улыбчивые морщинки, умное, наблюдательное выражение. Но мне больше всего нравится, как он смеется. Откидывает голову и весь начинает трястись от хохота, тут же развенчивая японский

стереотип сурового бизнесмена, чопорно восседающего за столом в конференц-зале.

Еще недавно Гэндзи возглавлял одну из крупнейших токийских корпораций. Человек, занимающий подобную должность, должен уметь моментально улаживать разногласия и одним взмахом ладони группировать пустившиеся в бегство войска. Все это он умеет, и при этом ему даже не приходится говорить «нет». Вот пример истинно японского тактичного стиля общения: Гэндзи спокойно выслушивает про очередную из моих идиотских затей, кивает головой, будто мои слова его впечатлили, и отвечает: «Да, но…» За этим «но» следует пауза, деликатно повисающая в воздухе. Я тут же понимаю, что на мое предложение наложено вето; не нужно ничего говорить прямо и начинать спор. Тема закрыта. Японцы привыкли понимать друг друга без слов; этим искусством Гэндзи владеет в совершенстве.

Но под кротким нравом Гэндзи скрывается почти фанатичная вера в две основные японские добродетели: долг и послушание. Он заботится обо мне, а я обязана делать так, как он говорит. Несмотря на кажущееся мягкосердечие, мой хозяин не из тех, кому станешь перечить.

Как и большинство успешных бизнесменов из Токио, Гэндзи учился в частной школе, достойно выдержал сложнейшие выпускные экзамены и впоследствии оказался в лучшем токийском частном университете. К 21 году у него была не только ученая степень по экономике, но и черный пояс шестой степени по дзюдо – поразительное достижение для таких лет. Оказавшись перед трудным выбором, он не колебался и принял престижную позицию в одной из старейших и авторитетных страховых фирм Токио. Дзюдо пришлось отодвинуть на второй план.

Следующие 35 лет были посвящены восхождению на крутую гору корпоративной иерархии: гольф по выходным, бары по будням, редкие встречи с терпеливой женой и спящими детьми. Искренняя преданность долгу наконец была вознаграждена коротким пребыванием на самой вершине – 2 года Гэндзи служил президентом. Теперь же он очутился на другой стороне горы, согласившись на должность управляющего несколькими маленькими филиалами (роль по большей части декоративная). Гэндзи ждет 60-летия, но, прежде чем предаться спокойному созерцанию в свободное время (с детского сада оно появится у него впервые), ему предстоит исполнить еще одно обязательство: он должен найти мужа для единственной дочери Дзюнко.

Моя новая „сестричка” одевается по последней моде, весьма самоуверенна и даже чуть нагловата. Теоретически она мне – младшая сестра (моложе по возрасту). Но поскольку она умеет

читать, писать, говорить, ориентироваться в городе и вообще делать почти все лучше меня, соотношение здесь явно перекосилось в другую сторону. Порой меня это бесит. Кое в чем я, может, и дам ей сто очков вперед, но в японском пригороде мои достоинства никому не нужны. Скажем, я умею править дельтапланом и стричь лам. Лучше знаю дзюдо – Дзюнко в зал никогда не ходила. Но главное, что отличает меня от Дзюнко, – не настоящее и прошлое, а перспективы на будущее.

Со стародавних времен и по сей день каждая японская девочка живет с родителями до тех пор, пока какой-нибудь серьезный и честолюбивый молодой человек не принимает на себя заботу о ней, взяв ее замуж Иногда молодая женщина устраивается на работу – не столько ради зарплаты, сколько для облегчения поиска мужа (обычные требования: серый костюм, самурайские принципы и желание работать, работать и в перспективе много зарабатывать). Ее собственный доход почти не имеет никакого значения, так как все расходы (от супа до орешков) оплачиваются заботливым папой.

Но на случай, если одинокая жизнь придется дочке слишком уж по вкусу, японцы придумали одну ловушку.

Не так давно, как только молодой женщине исполнялось 25 лет, ее полушутя-полусерьезно называли «рождественским пирожком», имея в виду товар, который, залежавшись после 25-го числа, резко падает в цене. В последнее время срок годности увеличился на пару лет, но если к 30 годам поход к алтарю так и не замаячил на горизонте, отец «пирожка» ударяется в панику и почти неизменно оказывается на пороге местного свата, чтобы устроить омиаи – договорный брак.

Вспомним, что на дворе XXI век и Япония стоит на втором месте по уровню экономического развития в мире. Можно было бы предположить, что услуги свах в столь развитой стране канули в небытие, подобно ленте для печатных машинок… Но нет, на деле все совсем наоборот. Одна треть японских браков до сих пор заключается по договоренности. Только в отличие от феодальных времен невеста с женихом знакомятся не у самого алтаря, а пораньше. Им разрешается даже отвергнуть одного-двух кандидатов. Но свахе по-прежнему достается почетное место за свадебным столом и пухлый конверт с деньгами от отца невесты, освободившегося от «лежалого товара».

Дзюнко уже исполнилось 27 лет, и значит, душевное состояние ее отца сейчас колеблется где-то между сильным беспокойством и дикой паникой. У японцев свой способ навязывать моральные правила: фирма, где служит Дзюнко, по негласному закону должна уволить ее по достижении 30-летнего

возраста. Ведь ее наняли прежде всего как потенциальную невесту для перспективных молодых людей, работающих по 14 часов в день и потому не располагающих свободным временем для поисков жены. Хотя ее должность называется иначе, чем «незамужняя в поисках мужа», стоит ей выйти замуж, и работать ей больше ни к чему. Если же, не дай бог, Дзюнко забеременеет, будучи не замужем, ей придется найти новое место. И наконец, будущие управляющие фирмой должны общаться только с девушками высоких моральных принципов, поэтому Дзюнко обязана жить дома под бдительным присмотром родителей.

Зато в стране, где феминистское движение и борьба за равноправие добились не слишком большого успеха, процветают фирмы «Pierre Cardin» и «Calvin Klein». Нынешние японцы – первое поколение, выросшее в мирную эпоху. Недоумевающим родителям, вся жизнь которых прошла в подчинении принципам дисциплины и самопожертвования, остается лишь беспомощно наблюдать за детьми, взращенными на продукции «Hello Kitty»* и сотовых телефонах. Поколение, к которому принадлежит и Дзюнко, в Японии называют новыми людьми. Молодые женщины с зарплатой 40000 долларов в год не имеющие при этом никаких расходов, стали основной целевой группой для рыночных компаний. Газеты окрестили их принцессами-дармоедками, они – сбывшаяся мечта модных дизайнеров. Своим любимым брэндам молодые японки придумывают прозвища: «мисс Шанель» и «Сано Лауренто»; их усилиями продажи фирмы «Gucci» выросли на 600%, в то время как остальная Япония с трудом оправляется после четвертого по счету экономического кризиса.

У Дзюнко мало расходов, еще меньше обязанностей и никакого почтения к системе, которая, дав вкусить немного свободы, вскоре вынудит ее с утра до вечера просиживать в тесной квартирке, где, помимо уборки и телевизора, делать будет нечего.

_____

*Японская компания (основана в 1960 году) по производству сувениров и подарков с изображением персонажей мультфильмов, самый популярный из которых – кошка Kitty.

_____

Но при этом ее одежду стирает мама, а случись ей опоздать на последнюю электричку, папа даст 200 долларов на такси. Ей бы хоть сделать вид, что она проявляет немного уважения. Гэндзи собирается навести справки в том самом университетском сообществе, которое привело меня на порог его дома. Может, у кого-то из его товарищей есть сын, которому нужна жена.

А что же будет, если Дзюнко засидится и внезапно окажется

перед перспективой остаться на всю жизнь старой девой?

В Японии существует традиционный закон наследования, согласно которому все имущество достается старшему сыну. Он получает не только дом, но и землю, якобы для того, чтобы не делить владения, которые иначе в результате постоянного дробления могут превратиться в ничто. Другим детям уготована судьба идти куда глаза глядят и самим заботиться о себе. Но тут есть одна оговорка. Старший сын (точнее, его молодая жена) взамен обязан позаботиться о родителях, которые считают само собой разумеющимся поселиться в его доме на последние десять – двадцать лет своей жизни. А незамужние дочери, которые со временем превращаются в докучливых тетушек, достаются в нагрузку с наследством. К счастью, к тому времени, как вся эта братия селится вместе, у старшего сына может появиться пара восприимчивых дочерей, которым будет полезно на дурном примере тетки увидеть, чем заканчивается неправильное поведение со стороны женщины. Другими словами, девушки могут быть спокойны: о них обязательно будут заботиться с колыбели до гроба.

Я думаю, что неплохо они устроились.

ГЛАВА 2

Фудзисава стоит на старой дороге Токкайдо. Этот знаменитый почтовый маршрут когда-то соединял два крупных японских города – Эдо* и Киото, по которому передвигались курьеры, шпионы и войска. Впервые узнав, что мне предстоит здесь жить, я по глупости представила сцену с деревянной гравюры XIX века: ветхие домишки из дерева и торговцы золотыми рыбками, разложившие свой товар вдоль дороги, вручную выложенной плитами.

_____

* Название города Токио до 1869 года.

_____

Увы, из-за престижного расположения (рядом пляж и всего час езды до Токио) цены на жилье в Фудзисаве давно уже вышли за все разумные пределы. Заасфальтирован чуть ли не каждый дюйм земли, а пригородные дома стоят так тесно, что между ними едва втиснется цветочный горшок. Земли катастрофически не хватает, жителям не разрешается даже купить машину, прежде чем они не докажут, что есть место для парковки. Добрую половину тротуаров занимают торговые автоматы, набитые всем, что только в голову придет – от сигарет и спиртного до мешков с рисом. Поутру толпа служащих серьезного вида послушно направляется к станции, аккуратно разделив волосы стандартным пробором 7/3. Юные серферы в черных и неоновых гидрокостюмах едут в противоположном направлении, крепко пристегнув доски к велосипедам. Собачки здесь крошечные, все кошки гуляют на поводках, ролики давно не в моде, все катаются на скейтах, а пляж по колено утопает в мусоре.

Обилие неоновых вывесок и плотная пригородная застройка, однако, не делают Фудзисаву менее провинциальной. Прилежные домохозяйки сажают плющ, чтобы скрыть не по-соседски недружелюбные стены, и соревнуются на самую яркую цветочную корзинку. На парковке у бакалейной лавки ни одного свободного места – все уставлено велосипедами. Непрерывным потоком приезжают и уезжают молодые мамы с младенцами: грудники крепко пристегнуты к спине или торчат из велосипедной корзинки. Мамы покупают свежие овощи и фрукты – немного, на один день, загружают в корзину детей и покупки и спокойно отправляются дальше, в магазин тофу или рыбную лавку.

10:30 утра. Я стою в местном супермаркете и пытаюсь угадать, что за пакет держу в руках.- с солью или сахаром. Я уже

нюхала его, тихонько лизнула полиэтилен, осмотрела крупинки со всех углов, но так и не поняла. Все дело в том, что по-японски я не читаю, и это вызывает чувство странного дискомфорта. В заднем кармане у меня японско-английский словарь, но его можно листать хоть все утро и без толку. Шанс наткнуться на иероглиф, обозначающий слово «сахар», равен примерно 1:42000, так как японские словари составлены не в алфавитном порядке.

С сегодняшнего утра мне приходится идти в супермаркет уже в третий раз. Я уже притащила домой масло, которое выглядело, как сыр, и йогурт, на запах и по консистенции неотличимый от молока. А теперь целый час хожу по отделу замороженных продуктов, внимательно разглядывая говяжий фарш – согласно списку Юкико он должен быть обезжиренным и без добавления свинины Менеджер встал так чтобы меня видеть, и теперь следит, не трогаю ли я пальцем рыбу. Я прошлась по отделу с водорослями и украдкой заглянула в «Уголок плохих хозяек», где с тоской глянула на запыленные бутылки кока-колы, приютившиеся за леденцами от кашля. Юкико наверняка в кухне нетерпеливо постукивает ножкой и ждет, пока я доставлю несколько простых ингредиентов, без которых приготовление ужина не начать. Ведь уже как-никак 11 утра!

Вручив покупки Юкико, следующие несколько часов учусь отмерять деревянным половничком нужное количество белого мисо и постепенно растворять его в горячей – ни в коем случае не кипящей – воде. Мы готовим порцию соуса с морскими водорослями и тунцовой стружкой, без которого не обходятся многие японские блюда. В супермаркете он продается в бутылках, но Юкико все делает сама!

В 3 часа дня удается сбежать ненадолго в свою комнату (прежде чем приступить к сервировке стола перед ужином). По токийским меркам, моя квартира огромна – одна спальня и гостиная с маленькой кухней в алькове с одного конца. Такие апартаменты становятся по карману молодой семье лишь тогда, когда младший ребенок идет в колледж Спальня в традиционном японском стиле с ковриками-татами 2-дюймовой толщины из рисовой соломы – пружинистыми, как мох, со слабым запахом кислого сена. Сквозь прозрачные бумажные стены льется мягкий оранжевый свет, а двери раздвижные, на деревянных рейках – никаких тебе петлей. Как и во всех японских комнатах, здесь почти нет мебели и вещей. Тонкие стены не предназначены для гвоздей и крючков, повесить картину или ролики просто негде Татами слишком мягкие, на них не поставишь ни гардероб, ни книжные полки, ни стулья. Единственный шкаф предназначен для постельного белья; головоломку, швейные принадлежности или

походное снаряжение спрятать некуда. Свое грязное белье я храню на холодильнике, а чтобы читать в кровати, пришлось приспособить фонарик

Гостиная, напротив, сделана по западному образцу, полы из твердой древесины, крепкие стены. Семье моих хозяев явно очень нравится западная мебель, но вот что с ней делать, они пока не совсем уяснили. В моей гостиной целых пять тяжелых кресел, большой диван, обеденный стол, кофейный столик, телевизор и буфет для фарфора, и между ними – редкие островочки свободного пространства, точно на плавучем рынке в Венеции. Но даже здесь нет ни шкафов, ни книжных полок, и мне приходится раскладывать свое добро маленькими муравьиными холмиками, которые то и дело вываливаются из разных мест и углов и осуждающе глядят на меня из-за дивана. Я человек довольно неуклюжий и теперь живу в постоянном страхе что, если ударюсь ногой о кофейный столик? Поскользнусь о слишком мягкое кресло? Венец моих кошмаров – тот, в котором я проваливаюсь через бумажную стену.

Совсем скоро, в 6 часов, будет ужин – кульминация 4-часового похода по магазинам и 3-часового стояния у плиты. Стол скрипит под тяжестью десятка изощренных блюд. Для каждого за столом накрыто красивое место с хрупкими фарфоровыми мисочками и крохотными чашечками для разнообразных гарниров. Принятие пищи происходит по принципу тщательно поставленного балета: тофу с кунжутом окунается в голубую мисочку с соевым соусом и рыбной стружкой, но ни в коем случае не с маринованным имбирем. Кабачок поливают майонезом, но никак не маслом. Чашку с рисом можно поднимать к лицу, но не вздумайте склонять лицо над чашкой – это неслыханная грубость. И никаких салфеток на столе: Юкико считает, что тем, кто умеет вести себя за столом, они просто ни к чему.

Дзюнко стучит мне в дверь почти в полночь. Я весь вечер учила японский; мозги разбухли, точно их мариновали в антитараканной жидкости. Я утратила последнюю способность соображать.

Дзюнко признается, что на днях ходила на сумо и познакомилась с ёкодзуной*.

«Ёкодзувд», – нетерпеливо повторяет она, так и не дождавшись моей реакции.

Речь об одном из трех лучших сумотори** Японии. Дзюнко даже немного с ним поболтала.

После поединка его танимати*** отвел ее в сторонку и предложил написать борцу письмо. Оказалось, молодой ёкодзуна

ищет жену. Так как он родился в Америке, Дзюнко хочет написать ему по-английски. И ей нужна моя помощь.

_____

*Букв, перевод – великий чемпион.

** Борец сумо.

*** Патрон команды борцов.

Если честно, я рада. Все-таки есть от меня хоть какая-то польза. Достаю листок бумаги и пишу: «Здравствуйте. Благодарю за прекрасный вечер. Как здоровье?» – и еще несколько строчек обнадеживающей льстивой чепухи. Кладу письмо в конверт, и Дзюнко ставит свою подпись. Она очень довольна. Может; сегодня у меня, наконец, появился друг?

«Родителям не говори», – заявляет она на пороге.

«Ладно», – по глупости соглашаюсь я.

Лишь в полдень следующего дня во время чистки маленьких луковиц до меня доходит, что же я наделала.

«Дзюнко, – признается мама-сан многозначительным шепотом, – увлеклась сумотори. Он ёкодзуна». Она не на шутку удивлена, что мне известно, кто такой ёкодзуна. Гэндзи очень обеспокоен. Разумеется, Юкико уверена, что я не стану поощрять интерес Дзюнко.

Кажется, пора во всем признаться. И, по правде, я больше всего боюсь не Гэндзи, а Юкико. Минутное колебание – и подходящий момент утерян.

„Ни в коем случае”, – отвечаю я, с усиленным усердием снимая луковую шелуху.

Но потом мне все же становится любопытно: а что плохого в том, чтобы общаться с борцами сумо? В Японии лучшие борцы не только знамениты и купаются в деньгах, они к тому же регулярно входят в десятку самых сексуальных мужчин в стране.

Я, конечно, не стану спрашивать Юкико – лучше узнаю сама В Японии 32 школы сумотори и все они находятся в Токио. Ежедневные тренировки открыты для всех, даже для иностранцев, коль скоро те не поленятся встать в 4:30 утра ради этого зрелища Сумо и бейсбол уже давно соревнуются за звание национального спорта в Японии. Оба вида спорта как нельзя лучше удовлетворяют страсть японцев к спортивной статистике, хотя у сумо есть преимущества: так, борцам позволено несколько раз в течение карьеры менять имя, устраивать праздник в честь выигранного поединка, нового звания и даже новой стрижки. Окончательным голосом в пользу сумо является и то, что это чисто японский спорт. Сумо упоминается уже в ранних японских исторических хрониках. С начала V века нашей эры сумо стало придворным ритуалом и развлечением японцев. Другими

словами, сумо – это уникальное японское явление.

Правда, в июле 1972 года уроженец Гавайев по имени Джесси Кахуалуа стал первым иностранцем, одержавшим верх в поединке сумо. Лишь 21 год спустя его протеже Чэд Роуэн был награжден титулом ёкодзуны – великого чемпиона.

После этого в страну хлынул поток иностранных сумотори. Борцы приезжали с Гавайев. Раньше в Японии слыхом не слыхивали о жестоких сквозняках и суровых зимах Алтайских гор Северного Китая, а теперь ряды сумотори наводнили молодые монголы с телами гладиаторов и затравленным, отчаянным выражением глаз. Видимо, просочился слух, что сумотори высшей категории независимо от исхода поединка получает больше президента Монголии. Начинающему монгольскому борцу оставалось лишь полюбить сырую рыбу и сменить имя (если прежде его звали, скажем, Цолмонбаяр Мунхбат или Арюнбаяр Унуряргал).

Я прибываю в школу, когда дворники потихоньку уступают место первым рядам служащих в одинаковых серых костюмах и с портфелями, спешащих начать очередной 15-часовой рабочий день. Борцы сумо встают раньше всех: тренировка начинается в 5 утра и обязательно на голодный желудок В сумоистской общине царит одна из строжайших иерархий в мире, это своего рода анклав феодализма в океане стеклянных небоскребов и сверхскоростных поездов. Ученики первыми выходят на круг, после чего каждый час их сменяют категории борцов по восходящей. В полдень устраивается перерыв, и новички помогают старшим принять ванну, терпеливо начищая тонны зыбкой ягодичной плоти и спинных мышц. По той же ранговой системе сервируют обед: младшие должны прислуживать, пока высшая каста предается чревоугодию. После обеда все удаляются для довольно продолжительного сна: считается, что это помогает переработать съеденное в жир. Ученики всецело в распоряжении старших по рангу, которые постоянно требуют, чтобы им сделали массаж, и весь день гоняют младших по всяким поручениям.

По сути ученики ничем не отличаются от европейских крепостных XV века: за все свои труды они получают лишь жилье и стол. Раздаваемые привилегии, возможно, покажутся тривиальными современному наблюдателю: право носить зонтик, шелковый пояс и хранить одежду в бамбуковом сундуке. Но у этих молодых людей лишь одна цель: выиграть достаточно поединков, чтобы подняться по статусу и присоединиться к высшей касте сумотори. Все хотят стать великими чемпионами, а своего добивается лишь 1 из 700.

Поскольку у борцов подозрительно маленькие животы и коротко остриженные волосы, делаю вывод, что попала на тренировку новичков. Школа выглядит на удивление скромно – не больше гаража на одну машину. Женщинам не разрешается ступать на площадку из утоптанной глины: это осквернение священной земли. Здесь всего один круг, на котором борются двое, в то время как остальные 16 окружили их и наблюдают за поединком. В сумо довольно простые правила: ни одна часть тела борца, кроме стоп, не должна касаться земли, и нельзя выходить за пределы круга. В теории существует около 70 приемов, помогающих свалить противника на землю, но обычно на тренировке борцы пытаются вытолкнуть друг друга за круг, иногда помогая себе кулаками.

Я сижу на деревянном возвышении, в приличном отдалении, чтобы ненароком не осквернить круг своим нечистым присутствием. Тренировка почти окончена, и борцы принимаются за растяжку. Даже очень грузные сумотори на удивление грациозны: они как балерины, на которых надели несколько покрышек Расставив ноги, борцы наклоняются вперед и пытаются дотронуться носом до колен, встречая препятствие в виде шарообразного брюха. Закончив, встают и зачитывают кодекс чести сумо. Я подсаживаюсь к седому бизнесмену, который с момента моего прихода сидит по-турецки и то смотрит на борцов, то сверяется с книжечкой спортивной статистики. Он любезно переводит для меня кодекс.

Пять часов наблюдений за горами плоти, сталкивающимися друг с другом подобно тектоническим плитам, навели меня на мысль: чтобы преуспеть в сумо, нужно быть сильным, уметь держать равновесие и много есть. Но я поняла совершенно неправильно, как объяснил мой новый друг. Согласно кодексу хороший сумоист вовсе не придает значения физическому аспекту – равно как и японский лучник не смотрит на цель, чтобы слиться со стрелой в одно целое. Борец сумо выигрывает поединок, лишь будучи внимательным, прямым, вежливым и справедливым. Кодекс сумо недвусмысленно высказывается на этот счет: лишь высокоморальный атлет достигает превосходного результата.

Это мнение, поведал мне мой сосед, зародилось еще в незапамятные времена, когда молодой борец Акаси, направлявшийся в город, чтобы подзаработать, вдруг увидел девушку, которую застигла гроза, когда она принимала ванну. Отведя взор, Акаси поднял ее вместе с ванной и занес в укрытие. Скромность и мощь – вот сочетание, способное вскружить голову даже Дзюнко!

А вот и недавний пример: Сирануи, ставший свидетелем того, как командор Перри со своей черной эскадрой вступил в Токийский залив в 1853 году, взвалил на голову 140-фунтовый мешок, а 3 другие водрузил на плечи и принялся топать, показывая глупым американцам, кто их противник Те несколько раз стрельнули из пушек, и японцы поспешно подписали мирный договор. Неудивительно, что в Федерации сумо так недолюбливают иностранцев.

Но из всех легендарных сумоторо, о которых рассказывал мой собеседник, мне больше всего понравился Кокуна. Он, должно быть, так глубоко проникся сумоистским духом, что когда лошадь лягнула его в живот, то сама и упала.

Старшие по рангу борцы закончили тренироваться и идут в ванную, сопровождаемые новичками. Я хочу ускользнуть, но тут жена владельца школы приглашает меня с ними пообедать. Эта миниатюрная женщина кажется еще меньше в окружении груд человеческой массы. У нее добрые глаза и мягкая, ненавязчивая манера себя держать. Я принимаю приглашение не столько ради обеда, сколько ради возможности с ней поговорить. Можно уважать этику сумо, но не хотела бы я стать похожей на борца!

В понимании борцов владелец школы – суровый и требовательный отец, его жена – им мать. Ее твердая, но нежная рука помогает испуганным мальчишкам свыкнуться с мыслью, что теперь они живут в XVIII веке. Она приглушает их переживания насчет прыщей и общения с девочками (точнее, его отсутствия) и доносит неприятные новости, например о том, что они не смогут получить водительские права, пока не уйдут из спорта (обычно это случается лет в 35).

А в данный момент ее беспокоит кое-что посерьезнее: одному из молодых борцов предстоит операция на колене – всего-то после трех поединков. Его будущее в сумо поставлено под сомнение.

Еще один мальчик, которому только исполнилось 16 лет, недавно послал телеграмму родителям с просьбой выслать немного денег на расходы. Получив их, он сразу же уложил свои скудные пожитки и сбежал домой, в далекий Кюсю. Из школы уже послали за ним. Родители вряд ли поддержат сына: обучение в токийской школе считается за большую честь, особенно в деревнях, где перспектив не так уж много. А что, если ребенок ни в какую школу не захочет возвращаться и бросит обучение, не успев сделать себе имя и вернуть средства, вложенные в него? Ну что тут сказать – японскому обществу ни к чему человек-гора с начальным школьным образованием и неумеренным аппетитом. Так что почти никто не бросает.

Приходит парикмахер и раскладывает свои принадлежности у входа. Открыв банку, зачерпывает толстый шмоток чего-то похожего на ушную серу, растирает между ладонями и начинает энергично массировать полудлинные волосы первого борца. Расчесав и пригладив волосы, он сооружает на голове блестящий высокий шлем, из которого торчит хвостик – точь-в-точь радарная антенна.

Давно перевалило за полдень, и я проголодалась так, что готова съесть и ушную серу. Новички медлительно накрывают низкий стол и выносят громадный котел с похлебкой сумотори. Похлебку, иногда приготовленную чуть иначе, едят почти в каждый прием пищи. Это не просто любимое блюдо учеников, но и подсказка, чем заняться после ухода на пенсию. Похлебка сумотори не только знаменита, но и очень популярна. Начав проигрывать поединки, многие борцы уходят из спорта и открывают рестораны.

К моему удивлению, похлебка состоит из полезных и питательных ингредиентов: капуста, лук и всевозможные овощи в прозрачном бульоне с маленькими кубиками жареного тофу и кусочками курицы. Лишь когда приносят второй огромный ушат, я понимаю, как это ученики так стремительно толстеют: рис. Они глотают пиалу за пиалой с тем же мрачным сосредоточением, с каким толкали друг друга на тренировочной площадке. Когда доходит моя очередь обедать, младшие ученики выстраиваются за мной, сцепив за спиной руки, и молча следят, не нужно ли наполнить полупустой стакан пива или подложить добавки рагу. Можно только догадываться, как болят сейчас их голодные животы и мышцы, трудившиеся с восхода солнца. И все же они умудряются стоять с каменным видом. Таков кодекс сумо.

Перед уходом жена владельца школы дарит мне большой календарь, украшенный фотографиями. Сплошные животы, набедренные повязки и монументальные столкновения. На одном из снимков борцы наряжены в длинные вечерние платья, при полном макияже, в женских париках. «Ежегодная церемония», – объясняет хозяйка. Вид у сумоистов довольный.

Вернувшись домой, дарю календарь Дзюнко. Он висит на стене ее спальни ровно неделю. Увидев опустевшую стену, я понимаю, что долгожданный ответ от ёкодзуна так и не пришел.

ГЛАВА 3

Переполох с сумотори, кажется, улегся, но не окончательно. Юкико отложила домашние дела и составляет список достойных холостяков из их окружения. Гэндзи встречается со старым школьным приятелем, владельцем закусочной в Токио. Через некоторое время приходит биография молодого человека, написанная от руки его матерью. Юкико дотошно изучает письмо – Дзюнко усердно игнорирует. Приходится применить давление, и она неохотно соглашается на встречу: «Только посмотреть». Определена дата: воскресный бранч в китайском ресторане в городе. Присутствуют родители обеих сторон и, разумеется, дети.

Проявив неизменную вежливость и немалое мужество, Гэндзи приглашает на встречу и меня. Не желая ставить под угрозу переговоры на столь деликатную тему, неохотно отказываюсь. Но стоит семье вернуться домой, набрасываюсь с расспросами.

«Ну, как он?» – взволнованно спрашиваю я.

Гэндзи снимает ботинки и задумчиво говорит: «Ну, он хороший человек».

О Боже! Все так плохо?

Заходит Юкико с коробкой шоколадных конфет размером с микроволновку. Дзюнко еще в ресторане, пьет кофе с потенциальным мужем.

«Он оказался неразговорчивым», – объясняет Гэндзи уже в кухне за чашкой зеленого чая и стаканом виски. Коробка громоздится посреди стола. Цвета тикового дерева, она снабжена дюжиной выдвижных ящичков с крошечными серебряными ручками и похожа на шкатулку для драгоценностей – символ серьезных намерений претендента, который обошелся ему примерно в 300 долларов.

Юноша оказался не то что немногословным – он вообще не открыл рта весь вечер, разве что для того, чтобы положить еду, и мать отвечала за него почти на все вопросы. Гэндзи с Юкико не слишком уверены, что они с общительной Дзюнко друг другу подходят, но тем не менее настаивают, что все хорошо провели время.

Через час приходит Дзюнко в раздражении и какая-то запыхавшаяся. Она попросила своего жениха высадить ее у ближайшего супермаркета, чтобы он не узнал ее адреса. Да, не самое удачное начало брачных приготовлений.

«Он только и говорил что о себе! – объявляет она, падая на стул и выдвигая ящички шоколадной шкатулки. – И какой сноб! Стал внушать мне, что без него его фирма просто рухнет, что он

там совершенно необходим. Что в старших классах по математике у него были высшие баллы, а учитель назвал его гением!» Шоколад тревожными темпами исчезает.

«А еще у него куча друзей, в том числе и из высшего общества, и все они от него без ума. Ха!»

Жених так утомил Дзюнко, что она несколько раз зевнула и даже задремала, подперев ладонью подбородок, пока вдруг не встрепенулась и не очнулась. Он ничего не заметил.

Но гораздо хуже то, что молодой человек ни разу не поинтересовался, чем занимается Дзюнко, какие у нее увлечения. Словом, нарушил главное правило первого свидания.

Пусть свадьбы не будет, коробка с шоколадом останется у нас. Уничтожив несколько рядов конфет, решаем, что делать дальше. Дзюнко и Гэндзи убеждены, что молодой человек ею не заинтересовался. Я также уверена, что вся его напыщенность была попыткой произвести впечатление, хоть и не собираюсь признаваться, ценой скольких свиданий получен этот драгоценный опыт. Гэндзи считает, что надо подождать и посмотреть, как поведет себя претендент. Мне же кажется, что гораздо более гуманно опередить его, чтобы в случае чего он мог изменить ответ и заявить, что Дзюнко ему тоже не понравилась.

Мы пьем чай и придумываем всякие отговорки.

«Ты так нужен своей компании, что дома мне будет одиноко», – предлагает Дзюнко.

«Может, сказать, что Дзюнко сейчас слишком занята и не может ходить на свидания?» – спрашивает Гэндзи.

«А может, просто сказать: ты – высокомерный зануда?» – советую я.

Доедаем шоколад, приходим к общему выводу, что жених все же хороший человек, и идем спать.

На следующий вечер караулим у двери Гэндзи.

«Какие новости?» – спрашиваем.

«Нехорошие», – отвечает он. По-японски это означает: хуже атомной бомбы.

День начался нормально.- он сел на свое обычное место в купе первого класса с выпуском «Financial Times». Но на работе не успел даже просмотреть утреннюю почту, как разразилась катастрофа. Зазвонил телефон. Голос на том конце был полон радости и волнения. Оказывается, свидание прошло великолепно, сын просто в восторге. Можно сказать, сделка уже на мази.

Гэндзи понятия не имел, что ответить. Не успел он даже выпить утренний кофе, не говоря уж о том, чтобы придумать какую-никакую отговорку, как тут такое началось! Пробормотав нечто невнятное, он в конце концов закончил разговор, соврав,

что Дзюнко поздно вернулась домой и он еще не успел с ней поговорить.

Дзюнко удивлена и рассержена. Теперь ей придется самой сообщать об отказе молодому человеку, а такой договоренности не было. И вот Гэндзи, к моему изумлению, соглашается пойти в закусочную к отцу жениха и обговорить все от ее имени.

Раньше мне казалось, что свидания с мужчинами – это то, что принято делать наперекор родителям, а не по их просьбе. Стала бы я просить папу найти мне подходящего парня? Конечно нет, как и не стала бы спрашивать, какой тип тампонов предпочесть! С другой стороны, мой отец никогда не предлагал написать за меня

письмо: «Дорогой Джон…» и все такое прочее. Вся эта катавасия со сватаньем имеет свои плюсы.

Постепенно Гэндзи удается внушить самому себе, что в какой-то степени он уже намекнул владельцу закусочной, каков будет ответ. Ясно же, что если бы жених хоть немного приглянулся Дзюнко, она бы сразу сказала об этом отцу. Осталось лишь выждать несколько дней, пока страсти не улягутся.

Через неделю он приходит в закусочную перед самым закрытием. Сердечно поприветствовав друга, он приглашает его в ближайший бар.

«Жалко, что так вышло с молодыми», – Гэндзи расстроенно качает головой.

«Да, – соглашается отец жениха, потягивая виски, – но чего еще ждать от нынешнего поколения? У них на все есть свое мнение».

Отцы размышляют о сложностях общения с «новыми людьми» и выпивают по паре двойных порций. Дружеские отношения восстановлены; на нетвердых ногах приятели возвращаются домой.

Признаюсь, новое поколение японцев и японок меня просто завораживает. Их мир похож одновременно на декорации футуристического фильма и разворот журнала для тинейджеров. В нем каждый час появляются супермодные новинки, и с той же скоростью на их смену приходят новые; уследить за ними – работа не из легких. Здесь все одержимы дизайнерской одеждой, здесь правит оригинальность и последние тенденции, и на основе местных изобретений регулярно возникает та или иная всепланетная мания: сегодня это аниме и манга (японские комиксы), завтра – тамагочи (виртуальные питомцы). Желая узнать о следующей глобальной тенденции в развитии потребительской электроники, представители иностранных маркетинговых компаний приезжают сюда и, встав на одно колено, берут интервью у 14-летних школьниц.

Это отдельный мир внутри большого мира, тайное лицо Японии, существующее бок о бок со служащими в костюмах и домохозяйками на велосипедах. Почти альтернативная реальность, как мир гейш и борцов сумо; субкультура, находящаяся в рамках общества. но вместе с тем живущая по собственным законам и в своей системе координат.

Юкико угрюмо бормочет что-то о тайном инопланетном вторжении и наказывает мне держаться от «новых людей» подальше.

Втайне я надеялась войти в этот мир с помощью Дзюнко, но в последнее время мне удается увидеть ее лишь мельком, по выходным. Почти каждый вечер она веселится в Токио, в полночь приезжает домой последней электричкой, а в 6:30 утра с усилием вытаскивает себя из кровати.

Отчаявшись ждать помощи от «сестрички», начинаю искать другие пути влиться в круг японских «новых людей». По слухам, в воскресенье вечером молодежь собирается в центре Токио, заполняя сверкающие неоном бутики. В руках у них пакеты с дизайнерскими лейблами и большие стаканы латте с эмблемой «Starbuck». Они скачивают гороскопы по мобильному Интернету и щебечут, точно стая воробышков. Рядом, у станции Харадзюку, тротуары забиты начинающими музыкантами: все стараются перекричать друг друга.

Как-то воскресным утром сажусь на электричку до Токио, якобы для того, чтобы посетить знаменитый храм Мейдзи. Спустя 2 часа высаживаюсь на станции Харадзюку, слышу диско 1970-х и начинаю идти в том направлении. Диско сменяется роком образца начала 1990-х. Повсюду панковские челки, проколотые брови; чем дальше, тем экстремальнее прически и цвет волос, вплоть до кислотно-зеленого, все больше ботинок с массивными 9-дюймовыми каблуками. Должно быть, я уже близко.

Шестеро ребят в ярко-оранжевых комбинезонах танцуют под музыку Village Peop1e, подражая Траволте. Выходит неплохо. Рядом стоят трое молодых людей в темных очках, у одного на руке белая перчатка, на шее болтаются пустышки. Волосы обесцвечены, а сверху одеты кудрявые черные парики.

Мое внимание приковывает дикого вида группа: энтузиазма у них куда больше, чем зрителей. На солисте – верхняя часть от костюма медведя: пушистая морда, мохнатые уши. Гитарист – викинг-завоеватель в рогатом шлеме. Рога то и дело мотаются вперед и назад, когда он трясет головой. Он выглядит довольно впечатляюще, но тут дело доходит до сложного пассажа, и он сосредоточенно высовывает язык – это портит все дело. Доиграв песню, ребята по-ковбойски разворачивают микрофоны и уходят

на перерыв;

«Понравилась музыка?» – на отличном английском спрашивает медведеголовый.

«Супер», – решаю соврать я.

«А костюм?»

«Фантастика», – на этот раз отвечаю я абсолютно искренне. Парень в точности как плюшевый мишка, что сидел у меня в детстве на полке над кроватью. Он учится на первом курсе экономического факультета Токийского университета – попал туда, выдержав тяжелейшие школьные экзамены. А жить в свое удовольствие осталось всего 4 года: после окончания учебы, став в беличье колесо корпоративной системы, так и пробегаешь в нем до конца жизни. Черные волосы торчат во все стороны, одна прядь выкрашена в фиолетовый. По выходным он носит смешную обувь, делает макияж, но ни в коем случае не татуировку и пирсинг – ничего такого, что останется на всю жизнь. В понедельник утром снова надо выглядеть как все, зато сегодняшний день принадлежиттоль-коему.

На обратном пути к станции то и дело попадаются магазинчики, где одевается тусовка с Харадзюку. В некоторых продается обувь. Поддавшись искушению, заглядываю в один из них.

Прохожу мимо гигантских башмаков снежного человека, выставленных на самом виду. Лишь мельком взглянув на ботиночки из блестящей лакированной кожи, артистично украшенные кляксами, имитирующими птичье гуано, и даже не остановившись поглядеть на невероятно красивые, усыпанные стразами вечерние туфли с тонкими иглами-каблуками, я направляюсь прямиком к сапожкам на самой высокой, тонкой и неустойчивой платформе, которые способны разом превратить меня в 6-футовую модель. Подбегает продавец и принимается усердно отговаривать меня от покупки. Не достигнув успеха, он зовет еще двоих, и те присоединяются к нему, кивая и поддакивая в унисон. Не хочу ли я лучше заплести африканские косички?

«Нет, – отвечаю я, – мне очень нравятся эти сапоги». •

Открыв несколько десяток коробок, они, наконец, находят пару, которая теоретически должна налезть на мои исполинские лапы. Меня приглашают в кожаное кресло и устраивают поистине королевскую примерку: трое продавцов пытаются надеть один сапог. Лихорадочно вспоминаю, не дырявые ли у меня сегодня носки, не забыла ли я побрить ноги. Пятка проскальзывает в сапожок с помощью гладкой деревянной ложечки; узкий мысок больно стискивает пальцы. Но это только начало.

Я не могу застегнуть молнию. Дергаю ее, стягиваю края, но

кожа совсем не эластичная, и между металлическими зубьями торчит два дюйма ноги. Продавцы окружили меня кольцом, вздыхают и что-то бормочут себе под нос.

Раньше я всегда гордилась своими ногами. Как-никак, они стойко выдержали несколько марафонов и путешествий с тяжеленным рюкзаком на спине. Когда я катаюсь на гоночном велосипеде, некоторые велосипедисты даже делают мне комплименты! А теперь мои ножки превратились в гигантские, неуклюжие, шишковатые отростки.

Наконец один из продавцов догадывается зашнуровать верх сапог фиолетовыми шнурками.

И вот торжественный момент настал. Двое продавцов берут меня под руки, третий хватает прямо под лопатки. Как 90-летнюю старушку, меня поднимают из кресла и устанавливают на шатающиеся конечности. Мои ассистенты следят за малейшим колебанием, не опуская рук ниже чем на дюйм от моих локтей. Помнится, когда мне было 8 лет, родители подарили на Рождество ходули и потом точно так же меня страховали!

Я шагаю вперед, 9-дюймовые каблуки царапают пол. Продавец демонстрирует, как рывком переставлять ноги, чтобы создать инерцию – тогда сапог весом в 5 фунтов сам сделает шаг. У меня как будто вдруг вырос лишний сустав, повернутый не туда, куда нужно… Выступаю, как жирафа, резко поднимая и опуская ноги: за ступней вперед выбрасывается колено, потом грудь и, наконец, шатающаяся голова.

Дойдя до середины зала, на секунду теряю равновесие и становлюсь на край одной платформы. Накренившись вперед, начинаю падать – точно самолетный винт после остановки, постепенно замедляющий свое вращение, как в покадровой съемке. Но

мои страховщики начеку. Меня ставят обратно на ноги и тактично намекают, что лучше бы вернуться в кресло, пока все конечности целы.

В конце концов, снимаю сапоги и покупаю косичку, а про себя даю клятву сесть на диету и сломать обе ноги, если понадобится, но избавиться от вульгарных выпирающих мышц – чтобы ножки стали тонкими, как прутики! Трое продавцов выстраиваются в линию и кланяются с явным облегчением. У самого выхода замечаю, что девушка покупает фиолетовые шнурки: неужели благодаря мне появилась новая тенденция?

По пути домой думаю о мальчике в медвежьем костюме. Однажды он станет директором компании, облысеет, но втайне от всех наверняка будет вспоминать то время, когда играл в плохой группе и носил маску мохнатого медведя. Пусть Дзюнко и ее

сверстники не находят понимания у старшего поколения, но сдается мне, что будущее Японии все же в хороших руках.

ГЛАВА 4

Дзюдо состоит из двух основных принципов. Во-первых, нужно лишить противника равновесия. Если он крупнее вас, попробуйте досадить ему, чтобы в момент неконтролируемой ярости он набросился на вас, тем самым потеряв равновесие. Как только это произойдет, нужно лишь перегородить ему путь – броситься вперед или подсунуть банановую корку, главное, чтобы поскользнулся. После чего исполняется танец победителя – приятная мелочь, я сама его придумала. Он очень похож на балетные па на цыпочках, которые исполняют футболисты, когда бегают в конце игрового поля с мячом. Но в додзё* Гэндзи почти у всех черные пояса, и все крупнее меня фунтов на 50. Боюсь, мой победный танец здесь не пригодится.

Боковым зрением замечаю быстрое движение; почти незаметное нажатие на бедро, и комната вдруг начинает вращаться, потолочные светильники сливаются в одно яркое флуоресцентное пятно и оказываются под ногами… Я ударяюсь об пол с характерным звуком – так шмякается о кафельную плитку мокрая лягушка.

_____

*Зал.

_____

Я притворяюсь, что разглядываю мат, а на самом деле перевожу дыхание. Как-то я слышала, что японские маты для дзюдо похожи на толстые матрасики из простеганной рисовой соломы. В связи с этим у меня почему-то возникло представление о японском додзё как о зале, залитом теплым золотистым светом, где пахнет весной и лежат снопы свежесрезанного сена – как в деревенском амбаре в пору урожая. Сейчас, прижавшись щекой к полу, я понимаю, что то была ложная реклама. Мат сделан из пластика – тонкий виниловый коврик на жестком полу из деревянных досок. Какое сено? Какие матрасики? Точь-в-точь кухонный пол в доме моих родителей.

«Легко отделалась», – говорит Гэндзи. Наверное, когда он был мальчиком, маты для тренировок делали из настоящей простеганной соломы – читай острые занозы, читай сломанные пальцы. А я еще легко отделалась, замечает он, позволяя мне встать.

Гэндзи переходит к более интересному противнику – стене. Он тихонько опирается о стену, собирая энергию в кулак, и резко выбрасывает ногу, описав в воздухе дугу, живот ударяет по дереву. Стена мощно вздрагивает, как будто по ту сторону только что взорвалась граната. Гэндзи уступает мне место. Я собираюсь с силами и всем телом набрасываюсь на стену, выбросив ногу в сторону. И ничего. Какие там гранаты – хоть бы маленький салютик, хоть хлопушка! Гэндзи наблюдает, руки в боки. Спустя 15 минут дверь по-прежнему упрямо стоит на месте, а мои берцовые кости превратились в большую красную ссадину. Впервые за всю мою взрослую жизнь я не втягиваю, а нарочно выпячиваю живот, чтобы смягчить силу удара. Опустошаю сознание, заставляя мозг не чувствовать боли. Наклоняюсь вперед. Становлюсь сгустком энергии Разворачиваюсь. Ударяю.

Где-то на 118-й раз с влажным звуком рвется кожа на стопе. До середины пятки все ободрано. Аллилуйя! Морщу нос в притворном разочаровании и ковыляю к Гэндзи.

«Заклей», – говорит он и кивает в сторону грязной катушки белого хирургического пластыря, что лежит на подоконнике. Толстый кусок подошвы завернулся наружу, как кусок старого пергамента. Осторожно прикладываю его на место, встаю и поворачиваюсь на стопе – она мягкая и влажная, как протухший ломоть ветчины.

А стена все не поддается. Остается только молиться, чтобы

случилось землетрясение.

После тренировки дожидаюсь Гэндзи на улице. Когда Мурата-сан впервые рассказал мне о нем, еще в Штатах, я пришла в полный восторг – черный пояс шестой степени, противник, чья боевая техника прославилась на всю Японию. Я тут же представила себе крошечного сморщенного старичка с растрепанными седыми волосами и неприветливой миной, говорящего с сильным акцентом. Я придумывала сложные сценарии, в которых совершала почти нечеловеческие подвиги самодисциплины, чтобы завоевать уважение наставника и право стать его ученицей. В конце концов, с помощью своего учителя и его секретных приемов я научусь драться, как Брюс Ли, или хотя бы выиграю Олимпийскую медаль.

В реальности Гэндзи оказался совсем другим. Высокий, сильный, но деликатный, он, слава богу, отнесся ко мне с удивительным терпением. Теперь каждую неделю я езжу в Токио, в его старый университет, на 2-часовую тренировку. Помимо этого мы регулярно наведываемся в другие школы дзюдо, разбросанные по всему Токио. Путь туда и обратно занимает 6 часов, но утомительная дорога неожиданно обернулась настоящим подарком: ведь в электричке я могу поговорить с Гэндзи.

Домой возвращаемся в десятом часу. Доковыляв до своей комнаты, обессиленно падаю на диван.

«Карин, поднимайся через 15 минут!» – зовет к ужину Юкико.

Пусть она посчитает меня неблагодарной грубиянкой, но я не хочу ужинать через 15 минут. Я вообще не хочу ужинать. Мое тело раздулось, как переспелый арбуз в жару. В области затылка как грозовое облако набухает мигрень. Горсть таблеток аспирина, 6 часов в горячей ванне, 3 дня без движения – вот что мне сейчас нужно. Но мы в Японии. Здесь никто не говорит «нет», не подумав, особенно новенькие вроде меня. И я поднимаюсь по лестнице, считая ступеньки.

За ужином спрашиваю своих домашних, нет ли в округе храмов и других примечательных мест, где нужны добровольцы: я могла бы получше узнать местных жителей. Юкико тут же морщит нос: в Фудзисаве ей не нравится, она даже за продуктами ходит за тридевять земель, в Камакура, хоть и переехала сюда уже 10 лет назад. С соседями чуть ли не в состоянии войны: еще бы, ведь слева живет женщина, которая стрижется прямо у себя на кухне – какой позор! А соседи справа не опрыскивают изгородь, граничащую с территорией Танака. Каждую весну из-за этого у них вылупливается туча маленьких гусениц, и Юкико от злости

вся покрывается сыпью.

Гэндзи припоминает местные достопримечательности, сосредоточенно потирая подбородок.

«Как насчет 7-11*?» – предлагает Дзюнко с набитым ртом Это самая главная местная достопримечательность, которую нам удается вспомнить; тема закрыта.

Но в Японии ни один разговор не заканчивается просто так Спустя 2 дня меня вызывают наверх и обрадованно сообщают: мы все поедем на мацури – традиционный синтоистский праздник в Токио.

Сомнительная перспектива. Токио вообще не кажется мне традиционным. Это один из самых густонаселенных мегаполисов мира – 13 миллионов жителей плюс еще 20 миллионов в пригородах. Токио опоясывает платная кольцевая дорога, расположенная на возвышении – своего рода современный вариант Великой Китайской стены, которая к тому же регулярно превращается в парковку с завышенными ценами – улицы внизу просто не в силах вместить огромное количество машин с обеих магистралей.

_____

*Сеть супермаркетов.

_____

Глядя на сегодняшний Токио, трудно поверить, что в начале XVII века здесь было всего лишь маленькое болото. За 100 лет население перевалило за 1 миллион, и Токио стал крупнейшим в мире доиндустриальным городом. В XX веке город дважды отстраивали заново: после разрушительного землетрясения 1923 года и последовавшей за ним огненной бури, затем в 1945 году после бомбардировки войсками союзников. И каждый раз город возрождался как феникс из пепла. К 1990 году территория Императорского дворца стоила больше всего штата Калифорния. В престижном квартале Гиндза каждый квадратик земли под ногами оценен в невиданную сумму – 20 000 долларов!

Невзирая на запредельные цены (а может, именно из-за этого) показные траты для токийцев превратились в нечто вроде непременного атрибута, отличающего своих от чужих. Ресторанные счета по 800 долларов, порция виски за 100 – деньгами легкомысленно разбрасываются, хвастливо пытаясь перещеголять друг друга. Почти неограниченные корпоративные счета лишь подкрепляют эту практику. Остальной Японии, все еще соблюдающей принцип бережливости, усвоенный в послевоенное время, остается лишь прищелкивать языком да недовольно бурчать о пагубном влиянии иностранщины. Но Токио для Японии – как Нью-Йорк для США; токийцам, как и ньо-

йоркцам, наплевать, что о них думают.

Но, чтобы отдыхать на полную катушку, трудиться тоже надо на полную. Каждое утро станции метро пропускают через себя более миллиона бизнесменов. С заходом солнца Токио оживает взрывом неонового света. Рекламные ролики MTV беспрерывно мелькают на экранах высотой с 2-этажный дом, взывая к капризным потребителям. По боковой части небоскреба ползет бегущая строка, а внизу зазывалы во фраках заманивают клиентов в полутемные бары, где их ждет финансовый крах. В полуночной электричке – ни одного свободного места. Последний поезд отправляется в 1 час ночи, и на него собирается столько народу, что кондукторам нередко приходится вручную утрамбовывать человеческую массу – совсем как охране на матче за суперкубок.

Но есть и другой облик Токио. Где еще вы увидите торговцев сладким картофелем, расхваливающих свой товар из приземистых грузовичков через мегафон, из которого льется мелодия XV века? Здесь до сих пор сохранились продуктовые магазинчики на углах – роскошным супермаркетам их не вытеснить. Поселок Асакуса, угнездившийся в самом сердце Старого Токио, так и остался поселком в центре города со старомодными устоями и непоколебимой преданностью общине. Местные жители даже дверь на ночь не закрывают. Под крышами этих деревянных домиков выросли 6, 10, а то и 20 поколений одной семьи. В Асакусе есть улицы, у которых до сих пор нет названия – они остались с того времени, когда каждый закуток, каждый угол этого мирка был знаком как пять пальцев. Жаркими летними вечерами на заднем крыльце располагаются мастера, владеющие традиционными ремеслами, и воздух пропитывают ароматы свежеутрамбо-ванных татами и кисловатый привкус ферментированных соевых бобов.

Ритуал ежегодного праздника в Асакусе за несколько столетий не слишком изменился. В святилище Асакусы живет местный ками – этот термин часто переводится как «божество», но по значению он ближе к слову «дух» (это может быть дух предков или, скажем, камня либо дерева). Раз в год божественного покровителя Асакусы помещают в переносной алтарь и обходят с ним окрестности. Понятие «переносной» тоже относительно, так как микоси, домик духа, может весить до 1000 фунтов, и чтобы перенести его, требуется не меньше 20 крепких молодых людей.

С годами единственный микоси превратился в 2, а 2 в 5, и в результате сегодня мы имеем более 100 узорчатых алтарей, которые в течение 3 дней носят по серпантиновым дорожкам

поселка, его бульварам и переулкам. На пару улиц приходится по одному домику, и между жителями разгорается суровая конкуренция: кто принесет самые щедрые дары и покрасит алтарь в самый необычный цвет? Среди местных отбирают самых здоровых и выносливых парней и наряжают их в одинаковую форму.

Вот чем объясняется мое изумление, когда Гэндзи сообщает, что мы присоединимся к команде носильщиков. Но я совсем забыла про каси – нить обязательств, связывающую каждого японца со всеми людьми, которых он встречает. Сделать одолжение в Японии – все равно что одолжить деньги на Западе: если вы не окажете услугу взамен, вам вряд ли это простят и уж точно никогда не забудут. Большинство японцев на протяжении своей жизни сплетают столь изощренную паутину обязательств, что, потяни они за одну ниточку, волна эхом отзовется в самых дальних уголках Японии.

Разумеется, о каси редко напоминают напрямую, и потому сначала мы идем на ужин в дорогой ресторан, хозяйка которого – старая подруга семьи Танака. Мы приходим якобы ради особого меню, в котором нет ничего, кроме собранных вручную натуральных морских водорослей – региональное блюдо, которое готовят только весной. Но на самом деле мы должны познакомиться с клиентом нашей хозяйки. Оказывается, он часто наведывается в этот дорогой ресторан в Асакусе, где заседает местная команда носильщиков микоси. Другими словами, от заветного праздника нас отделяет всего-то 4 взаимных одолжения.

Мы уже приступили к десерту (маринованный кальмар), когда наконец прибыл наш незнакомец. Он порядком пьян. Гэндзи без усилий приходит в такое же состояние, причем напивается не некрасиво, а изящно, чтобы не создавать дисгармонию с опьянением собеседника. Все пьют. Произносят несколько тостов. И тут наш незнакомец сообщает плохие новости. Подготовка к празднику – дело очень сложное. Начало совсем скоро, а теперешние изменения требуют времени. Надо было связаться с ним раньше. Может, в следующем году…

«Разумеется, – с понимающей улыбкой кивает Гэндзи. – Мы все понимаем. Простите нашу грубость. Мы рады быть всего лишь наблюдателями столь замечательного события».

Наш собеседник колеблется. «Но, может, для вас удастся сделать исключение. Я приложу все усилия».

«Прекрасно! Очень хорошо. Только не перетруждайте себя. Мы вам очень обязаны. Вы очень добрый человек». Все выпивают еще по одной, и наш незнакомец собирается уходить.

«Кажется, не очень удачно», – угрюмо шепчу я.

«Все прошло хорошо», – говорит Гэндзи.

Через несколько минут поднимается переполох – в японском смысле этого слова. То есть никто не опрокидывает барные табуреты, не бьет бутылки об стол – все лишь одновременно затаили дыхание и прекратили разговоры. Воцарилась внезапная тишина Хозяйка ресторана бежит к нашему столику; оказывается, наш новый приятель ударил женщину из своего офиса, и та в слезах побежала за мужем. Теперь он сидит один, а его собутыльники мельтешат вокруг с испуганными, затравленными глазами. Такое событие да в праздничный сезон – настоящая катастрофа для репутации ее ресторана.

И тут мне предоставляется возможность выяснить, как Гэндзи удалось очутиться на самом верху корпоративной пирамиды. Он спокойно встает со стула и уводит нашего собеседника наверх, молча приказав Дзюнко увести его приятелей в другие бары. Дзюнко возвращается в отель лишь в 3 часа ночи, выполнив приказ отца и постепенно напоив всю компанию до беспамятства. Гэндзи тем временем занят источником проблемы. Он и не думает спрашивать, зачем мужчина ударил женщину. Сейчас его интересует лишь ликвидация последствий.

«Ресторан – общественное заведение, и это не лучшее место устраивать спор», – рассуждает он за стаканом виски.

Гэндзи утешает виновника, понимающе кивает. Он – воплощение дружеской поддержки. А потом делает финальный бросок

«Может быть, – заговорщическим тоном произносит он, – если мы вместе подумаем, то сможем найти выход из неприятного обстоятельства, и все помогут друг другу».

Бедная хозяйка вся изволновалась, боясь потерять посетителей, хоть те почти ничего и не слышали. А муж женщины, поверив ее объяснениям случившегося, решил, что нужно что-то сделать, иначе его домашняя жизнь превратится в ад. Он уже бушует внизу.

Гэндзи заказывает провинившемуся выпивку и спокойно переходит на другой этаж, переключаясь на новую ситуацию.

«Какая ужасная, ужасная неприятность! Такой приятный вечер загублен, и хозяйка теперь сама не своя от волнения, переживает, что потревожили ее гостей. Разумеется, все понимают чувства вашей жены, но дело в том, что… все произошло под действием алкоголя. Уверен, вы понимаете. Не сомневайтесь, утром вам принесут искренние извинения. А как ваша жена? Вы оставили ее дома, одну? Ей немедленно следует выпить бутылочку лучшего саке, чтобы преодолеть столь тяжелый

период. Отнесете его ей? Передайте ей мое глубочайшее сочувствие. Если ей хоть что-то понадобится – что угодно, – пусть только попросит».

Через час виновник неохотно соглашается принести извинения. Хозяйка ресторана, наш незнакомец, его сотрудница и ее муж – все они теперь вовлечены в паутину каси, взаимных обязательств. А как же праздник? Разумеется, наш друг будет счастлив пробить нам место в команде.

Вот так мы и получили возможность участвовать. Все потому, что мужчина, которого я видела раз в жизни, ударил женщину за провинность, о которой так никто ничего и не узнал.

Сейчас 6:30 утра, и мы стоим в странном магазинчике для туристов в Асакусе и разглядываем еще более странную одежду. Даже Дзюнко неохотно оторвалась от вечернего гуляния по барам, чтобы выбрать наряд для предстоящих выходных. Я хожу за ней по пятам, а она изучает торговые ряды с хапи – это длинные туники с прямыми рукавами, которые надеваются под униформу команды. Мне нравится темно-красная с узором из бесхвостых скатов.

«Это птицы», – говорит Дзюнко.

«По мне, так они больше похожи на скатов», – повторяю я с нарочным упрямством. Меня ничуть не раздражает, что придется носить одинаковую форму, но неужели у меня не может быть своего мнения по поводу того, что на ней нарисовано?

«Это птицы», – настаивает Дзюнко.

Мне хочется сказать Дзюнко то, чему меня учили еще в детском саду: «Каждый должен решать за себя, что он видит». Но мы в Японии. Здесь мир делится на правильное и неправильное. Правильно то, как думает большинство. И мы покупаем туники с птицами.

Теперь черед шарфов. Хатимаки, как мне объяснили, – не просто кусок хлопковой ткани, а символ решимости. Представьте, что вы пришпилили к рукаву обещание соблюдать диету после Нового года и пошли так на обед. Хатимаки надевают на демонстрации протеста. Студенты повязывают их, прежде чем сесть за учебу, пилоты – перед отправлением на войну. Хатимаки сообщает миру о преданности человека делу, о его твердом намерении. Его скручивают в тугую веревку и крепко повязывают вокруг головы. Боль от сильно стянутого сзади узла помогает сознанию сосредоточиться на предстоящем деле. Своего рода «пояс верности» для ума.

Но это еще ничего по сравнению со штанами. Сущее мучение эти две широкие штанины, кое-как соединенные между ног. Хилое сооружение завязывается на бедрах веревочкой – нет ни

швов, ни молнии. Постепенно штаны съезжают вниз, как носки, которые тебе велики.

Ну а ботинки – рабочие башмаки с резиновыми подошвами и тонким полотняным верхом. Большой палец отделен от остальных – впервые в жизни я умею поднимать предметы с пола пальцами ног, не снимая при этом туфель! Юкико не находит в этом ничего смешного.

Наконец остался самый важный элемент антуража – собственно алтарь. Его мы обнаруживаем в переулке под наспех сооруженным деревянным навесом. Происходят последние приготовления, затем 20 человек, включая нас, встают вдоль тяжелых деревянных шестов. Мы – как рвущаяся вперед собачья упряжка. Настоятель 3 раза ударяет деревянными палочками, и мы отправляемся в путь.

Первое, что начинает раздражать, – это шесты. Они квадратные!

«Почему никто не догадался сделать их круглыми, – удивляюсь я, – учитывая, что на тончайшую резьбу на алтаре наверняка ушла не одна сотня часов?»

Затем вижу, что этих массивных тяжелых шестов – 4. Ничего не смысля в плотницком деле, я тем не менее совершенно убеждена, что если бы их было 2, то нести алтарь стало намного бы легче – это прибавило бы упругости шагу. Головы моих братьев по команде торчат поверх шестов, как грибы, подвязанные, как и полагается, хатимаки для пущей решимости. Процессия окружена вторым кольцом из членов команды рангом повыше. Они с ног до головы одеты в зеленое и должны следить за тем, как трудимся мы,- выискивать тех, кто отлынивает, поддерживать должный уровень рвения и следить, чтобы между шестом и плечом не было свободного пространства. Эти люди тверды и неумолимы.

Уже через 4 минуты понимаю, что у меня большие неприятности. Сейчас пятница, середина дня, а алтарь придется носить до вечера воскресенья. К счастью, наши ряды пополняются: служащие и секретарши торопятся домой, снимают серые костюмы и чулки и повязывают свои хатимаки. Постепенно наша ноша становится легче. Все больше и больше энтузиастов встает под шесты, и мое личное пространство, соответственно, все уменьшается, пока я не оказываюсь втиснутой между женщиной спереди и шагающим сзади мужчиной. По моей шее течет чужой пот, а руки давно уже не держат ношу. Но настоящая проблема – под ногами. Слишком уж много их на квадратный фут площади. Новички получают добрую порцию пинков и синяков и отдавленные пальцы на ногах. Как старый барахлящий мотор,

алтарь со скрипом дергается вперед, резко останавливается, подает чуть назад, вздрагивает и, наконец, начинает двигаться в плавном ритме, как отлаженный механизм. Все колесики подстроились под общий ход, за исключением одного: меня.

Приказываю себе расслабиться: это ненавистное слово чаще всего слышишь в кабинете гинеколога или в кресле у дантиста. Я уже 3 раза отдавила кому-то ногу, исчерпав запас известных мне японских извинений.

Становится чуть легче, лишь когда мы достигаем главных ворот Асакусы. Это внушительное строение с узорчатой крышей, поддерживаемой двумя колоннами, которые считаются вместилищем буддистских богов ветра и грома. Оба божества грозно взирают на нас с высоты. Я их понимаю – ворота явно не предназначались для синтоистского храма. Мы решительно двигаемся на них, протискиваемся внутрь – это похоже на зубную пасту, выдавливаемую из тюбика, – и заставляем отступить наших надзирателей в зеленом.

Те, что остались, толкают микоси с угла, а внизу мы со своими шестами крутимся, как шарикоподшипники. Мы вошли в длинный прямой коридор, ведущий к храму, по сторонам которого выстроились крошечные лавочки, торгующие всевозможными безделушками для туристов, деревянными игрушками и рисовыми фрикадельками. Путь нам преграждают вешалки с одеждой и прочим товаром. Проход едва ли шире храмовых ворот. Чувствую себя верблюдом, пытающимся пролезть в игольное ушко. Мы делаем рывок

Толпа расступается. Торговцы заносят товар в магазины, старикам помогают встать на цементные цветочные горшки, чтобы было лучше видно. Зеленые теряют всякое чувство сострадания и окружают нас, точно буксиры, маневрирующие вокруг баржи. Тут с одной стороны толкают слишком сильно, и мы скатываемся на сторону, опрокинув вешалку со шляпами. Хозяйка, миниатюрная женщина, спокойно улыбается и даже не двигается с места, чтобы собрать товар. «Гамбаттэ!» * – подбадривает она.

_____

* Глагол, означающий призыв к усердной работе, труду, упорству в достижении цели. Он трудно поддается переводу. В данном случае он равносилен русскому «давай, жми».

_____

Почти в полночь алтарь наконец возвращается на место, а мы без сил заваливаемся на стойку в баре нашего спонсора. Мы не ели с утра, и я уже готова сжевать кожаную обивку табуретов.

Хозяин подает саке, но одной мысли, что завтра придется снова вернуться к шесту, да еще и с утренним похмельем, вполне достаточно, чтобы напрочь отбить у меня охоту пить что-либо, кроме воды с тоником. Бармен – молчаливый парень, всегда услужливо подливает выпить и подносит огонек внимательно слушает, но сам говорит мало. Лишь раз взглянув в мое безрадостное лицо, он протягивает руку под стойку, и… передо мной, как по волшебству, возникают 5 маленьких шоколадок. Рядом сидит Дзюнко, и хотя обычно она лакомится только дорогими конфетами «Godiva», сейчас можно и поступиться принципами. Но она не замечает шоколадки. Так что мне приходится их игнорировать. Соблюдение японского этикета завело нас в тупик.

Все дело в *ики*. Насколько я понимаю, ики – это то, что моя мать называла хорошим воспитанием. В ее глазах, это означало: не убивать пауков, залезших в дом, и обращаться с библиотечными книгами лучше, чем со своими собственными В Японии все намного сложнее. Здесь ики – это вязкое болото на первый взгляд не связанных между собой правил и предписаний, свод принципов поведения, отредактированный многими поколениями женщин, которые положили всю свою жизнь на постижение его бесчисленных тонкостей. И самое главное, ики – это нечто, чем я не обладаю, но что мне очень хотелось бы заполучить, как и *ва*. Подозреваю, что ики должно быть врожденным, хотя Гэндзи мужественно пытается объяснить мне за обеденным столом, что это такое, да и Юкико деликатно одергивает меня, когда я что-то делаю не так.

Но даже моему неискушенному взору виден барьер, незримо вставший между мной и сладкими шоколадками, что так и просятся в рот. В Японии нет ничего более некрасивого, чем наброситься на еду подобно дворовому псу. Недаром блюда японской кухни называют пищей для глаз – это все потому, что ими принято долго любоваться, прежде чем начать непосредственно есть. А в японской иерархической системе, где строго соблюдается, кто ест первым, а кто вторым, процесс еды приобретает и вовсе монументальное значение. На официальных обедах из тупика выходят таким образом: сперва палочки берет хозяин и ждет, пока первый кусочек отведает самый почетный гость. В менее формальной обстановке дело обстоит еще сложнее. И будь я проклята, если первой возьму эту несчастную шоколадку и тем самым докажу свою безнадежную невоспитанность.

У Дзюнко, видимо, таких мыслей не возникает. Она как ни в чем не бывало разворачивает шоколадку и кидает ее в рот. Я следую ее примеру, и 4 шоколадки исчезают моментально – по

две на каждого. Одна так и остается лежать на стойке. Как и следовало ожидать, Дзюнко не решается ее взять, и я, не желая показаться менее вежливой, чем она, к ней не прикасаюсь. Нескончаемые мучительные секунды ползут, как гусеницы. Я сажусь на руки, обещаю купить себе 3, нет, 6 шоколадок, как только доберусь до дома. Расправляю обертки от уже съеденных, сворачиваю из них маленьких серебряных черепашек и тайком облизываю пальцы. Время как будто остановилось. Наконец бармен замечает, что шоколадка никому не нужна, и кладет ее обратно под стойку. Я вспоминаю, как мы с братом передрались из-за леденца на Хеллоуин и мама его спрятала.

Суббота, время обеда. Дождь льет с самого рассвета, а мои праздничные туфли сделаны из тонкой тряпочки, и ноги в них побелели, как у трупа, и сморщились, точно кусок погибшего коралла Плечо распухло, на нем вскочила злобная фиолетовая шишка размером с пол-яблока. А алтарь с синтоистским божеством весом по меньшей мере 50 фунтов все равно приходится тащить. Я не учла главное «нет» носильщиков микоси и безропотно встала за мальчиком ростом в 5 футов. Теперь я вынуждена тащиться с растопыренными ногами на полусогнутых коленях, как борец сумо, на цыпочках крадущийся к холодильнику.

Завтрак утренним расписанием не предусмотрен. Вокруг меня все распевают с неустанным энтузиазмом: «Я-я-сёй, я-я-сёй!»* Мне очень хочется знать, откуда у них столько энергии. Я уверена, они тоже не знают, куда мы идем и когда все это кончится (этими вопросами я задавалась все выходные), но, кажется, их это не особенно-то тревожит. По-моему, даже Гэндзи не обращает внимания на холод, голод и сырые ноги. Он хмурится от усталости, но уже в который раз играючи взваливает шесты на свои мощные плечи. Едим мы тогда, когда нам скажут, и мгновенно вскакиваем по приказу зеленых. И в то время как меня терзает необходимость контролировать происходящее, все остальные, кажется, совершенно спокойны и рады быть частью команды.

_____

*Что-то вроде русского «и-и-раз, и-и-раз!».

_____

Постепенно я прихожу к мысли, что жизнь японцев во многом напоминает пожизненную службу в армии, где множество преимуществ, надежность, но нет места тем, кто хочет выделиться. И становится вполне понятно, почему в древних китайских хрониках при первом упоминании Япония названа

Страной Ва. Понятие «ва» – «гармония» – уходит в японскую историю глубокими корнями. Япония – страна с обширным феодальным наследием – долгое время была изолирована от всего мира, традиционно жила маленькими деревнями, в тесноте, и поступки отдельного человека касались всех. Еще совсем недавно несоблюдение этого понятия было чревато обезглавливанием при помощи самурайского меча, а в наше время пренебрежение им просто считается плохим тоном Для японцев жертвование личными интересами ради интересов группы – признак зрелости.

В конце концов, я сдаюсь и удаляюсь в воображаемый мир, находящийся в миллионе миль отсюда. Там тепло и уютно, там можно спокойно поесть шоколаду и высушить волосы. Но потом что-то заставляет меня вернуться на секунду к реальности (может, чтобы проверить, не перестала ли я дышать?), и я замечаю поразительную вещь- Процессия двигается абсолютно синхронно, подобно огромной сороконожке – и я в том числе. Подняв пятки, согнув колени, я чувствую, что мое тело вошло в идеальный рабочий ритм, и даже на лице появилась улыбка. Неужели это я?

Воскресенье, 3:30 утра. Уже 40 минут мы зигзагами ходим по территории храма. Наконец останавливаемся в весьма неприглядном месте – у забора с цепью и двором из разломанных цементных плит. Мимо проносится темная тень, оставляя за собой едкий запах саке и множества выкуренных сигарет. Вижу блестящий татуированный череп. Это якудза – японский мафиозо. Одно это слово способно вызвать страх в сердцах законопослушных японцев. Все выходные я то и дело слышу шепотки: «Якудза, якудза». А как-то раз у одного из носильщиков задрался рукав, представляя всеобщему обозрению улыбающегося дракона на цветущем дереве сакуры.

Может показаться странным, что нелегальная организация помечает своих членов столь явным способом, но якудза и татуировку связывает долгая история. В эпоху Эдо преступникам ставили клеймо на щеку или лоб, чтобы пометить их на всю жизнь. Как только к власти пришли якудза, наказание было превращено в символ, который носили с гордостью, а татуировка стала искусством. Сплошной красивый узор обычно располагается на плечах и спине. Картины нарисованы с таким мастерством, что, когда человек напрягает мышцы, они как будто оживают. И стоит такая татуировка недешево – самые сложные доходят до 15000 долларов и требуют сотни часов болезненного нанесения без анестезии. Нередко бывает и так, что особенно красивый узор

помещают в рамочку после того как его владельцу он становится уже ни к чему.

В отличие от американской мафии якудза – признанный элемент общества. Многие корпорации нанимают их для управления собранием акционеров: несговорчивым акционерам они наносят визит, и тогда при голосовании уже не возникает неожиданных трудностей. Якудза также принимают активное участие в праздниках и общественных делах. Бывает, что правительство даже поощряет подобное участие, надеясь тем самым приобщить якудза к основной массе японцев и таким образом усмирить их или как-то на них повлиять.

Сандзямацури – любимый праздник всех якудза Японии. Первые 2 дня они скромно прикрывают татуировки и принимают участие в праздничной процессии, но в третий (последний) день сбрасывают костюмы и готовятся устроить настоящее веселье. Конкурирующие команды мафиози должны пронести по территории храма 2 гигантских микоси. Для этого участок огражден забором, а вокруг него выставлен человеческий барьер из 500 с лишним полицейских в белой форме.

Ворота открываются в 6 утра, и якудза набиваются во двор. Я забираюсь на строительные леса у самой дальней стены. Почти все мужчины в татуировках, вдребезги пьяные и голые, не считая фазных набедренных повязок.

«Хорошая сегодня будет драка!» – рычит тяжеленный здоровяк.

Верзила из конкурирующей группы немедля заносит кулак, но промахивается, и начинаются вялые потасовки. Первый алтарь приносят как раз вовремя, предотвратив повальный мордобой. Через несколько минут появляется второй. Я предвкушаю начало боя, но обе команды держатся в отдалении друг от друга. Вместо того чтобы кидаться друг на друга, бой ведется опосредованно – через микоси, на которые обращено всеобщее внимание. Эти алтари втрое больше наших и весят столько, что даже команда из 50 человек способна пронести их всего несколько минут. Чья команда опустит первой, та и станет объектом насмешек, поэтому обе усердно стараются удержать свои микоси, а при возможности и начать их раскачивать, чтобы на них зазвенели колокольчики. Вокруг микоси образовывается водоворот полуголых якудза, захлестывающий все на своем пути.

Наверху каждого микоси стоят несколько человек Они направляют носильщиков при помощи позолоченных вееров. Один из участников процессии, видимо, вспоминает, что в толпе у него есть незавершенное дельце, и тут же бросается вниз с платформы. Толкотня и пинки не прекращаются в течение 3

часов; 10000 распаленных якудза дают выход своей ярости в символической битве двух гигантских микоси, которые медленно движутся по храмовой территории.

Устав сидеть в неудобной нише под строительными лесами, я решаю улизнуть через ворота. Прямо передо мной толпа вдруг расступается и появляется микоси. На нем стоит татуированный якудза, наступая несчастным носильщикам на пальцы и подгоняя их хриплым свистом и ударами веера. Носильщики, охраняющие непосредственно шесты, похожи на самураев: у них фанатичный, непреклонный и опасный вид. Любой, кто пытается проникнуть в их ряды, тут же понимает свою ошибку и немедленно выдворяется за пределы процессии.

Мое плечо больно хватает и выкручивает чья-то тяжелая ладонь.

«Иностранка?» – рычит охрипший от саке голос. Меня проталкивают меж голых татуированных торсов, покрытых тонко вырисованными портретами гейш, и ставят в плотную шеренгу из 30 носильщиков. Одного из них выхватывают прямо из середины, и я занимаю его место. Только что здесь была щелочка, а сейчас ее как не бывало носильщики сдвинулись, почуяв свобод, ное пространство. С трудом просовываю руку между двумя якудза. Наш главный тяжелой рукой толкает меня под ребра и бросается вперед. Постепенно мое тело растворяется во всеобщей амебообразной массе. Я вливаюсь в ритм, ноги автоматически начинают семенить крошечными шажками. От плеч и до колен мы – единый взаимосвязанный организм, единый сгусток плоти. Проходит минута или, может, час. Потом кто-то кладет мне руку на плечо и вытаскивает из шеренги. Меня подхватывает людской водоворот и уносит прочь.

Процессия волной выплескивается за ворота, и я вдруг остаюсь одна.

ГЛАВА 5

Дело явно сдвинулось с мертвой точки. Я в Японии уже 2 месяца и по-прежнему не понимаю, что написано в газетах, зато по картинкам могу уловить смысл телепрограмм. Вот уже больше недели в национальных новостях один и тот же главный сюжет: серьезные ребята в костюмах разглядывают топографические карты, на которых изображены цветные пятна, постепенно двигающиеся к югу, в сторону Токио.

Эти пятна обозначают цветущую сакуру. Сакура цветет чуть больше недели, и это цветение обладает символическим смыслом. Японцы – единственная нация, у которой какой-то там цветок способен вызвать возбуждение, близкое к сексуальному. Любой японец на улице скажет вам, что сакура символизирует преходящность всего в жизни, печаль, которая кроется во всех прекрасных вещах. Цветки сакуры опадают в самом расцвете красоты – именно так погибали воины-самураи. В этот период в любом токийском баре можно увидеть седовласых бизнесменов, предающихся меланхолии и фантазирующих о том, как они бросят карьеру и семью и последуют за цветущей сакурой аж до хребтов Японских Альп*. Каждая рощица из более чем двух деревьев становится достопримечательностью, которую непременно нужно увидеть. Здесь день и ночь толпятся городские жители с нездоровым цветом лица, наслаждаясь единением с природой, выпадающим на их долю всего-то раз в год. Они садятся тесными группками в обнимку с автоматами для караоке и бочонками с саке. Глядя на представшее их взорам завораживающее зрелище, они сочиняют спонтанные хайку**, неумеренно потребляют алкоголь и не стесняются плакать. После их ухода цветы опадают на землю, прикрывая брошенный мусор.

В мае все возвращается на круги своя: среди экстренных новостей отмечаются только случайное отравление рыбой фугу и кража газет из почтовых ящиков района Кавасаки. В воздухе уже не пахнет так резко и неприятно зимой. Ветерок приносит с океана соленый привкус свободы. Наконец пришла весна! Высушив посуду после ужина, я с позволения хозяев отправляюсь на пробежку по пляжу.

Асфальтовая дорожка, идущая вдоль берега, абсолютно пустынна. Лишь изредка попадаются чайки, безразлично клюющие выброшенный приливом мусор. Принесенный ветром песок тихо хрустит под ногами. Набираю скорость, переходя на спринт и удлиняя шаг. Мимо проносятся цементные указатели, в темноте сияющие белизной. Я покрываюсь потом. Грудь

расправляется, как будто слишком сильно затянутый корсет наконец лопнул по швам.

_____

*Горная цепь, тянущаяся вдоль главного острова Хонсю.

** Нерифмованные простые трехстишия, жанр японской поэзии.

_____

Все дело в ограниченном пространстве. Между обеденным столом и стеной всего 6 дюймов, и каждый вечер, занимая место за столом, я вынуждена протискиваться в эту щель. Как бы осторожно я не семенила, все равно почти каждый раз наталкиваюсь на угол стола и гремлю посудой. Непривычно чувствовать себя неуклюжей. Каждый день мне приходится перемывать с десяток хрупких мисочек, и я живу в постоянном страхе, что рано или поздно уроню одну из них или поставлю не туда. Бесконечный список правил нагоняет панику; как сворачивать садовый шланг и складывать рубашки особым, единственно правильным способом. Впервые в жизни я ощущаю такую растерянность и никчемность.

Но здесь, на пляже, за мной никто не наблюдает. Здесь можно перепрыгивать через цементные столбики, танцевать при луне, гоняться за чайками. Единственные и драгоценные моменты, когда мне можно делать все, что вздумается, безо всяких последствий – и никто не скажет, что я поступаю неправильно.

Домой возвращаюсь через 2 часа. Волосы взмокли и растрепались на ветру, кроссовки полны песка, шаг легок. Я расслаблена и спокойна, кажется, впервые с тех пор, как сошла с трапа самолета. Теперь буду бегать каждый вечер. Это полезно для занятий дзюдо и еще полезнее для успокоения ума.

У дверей меня встречает Юкико. Я тут же сжимаюсь.

«Карин, ты не можешь бегать вечером», – говорит она.

Я знаю, что не должна спрашивать почему. Я живу в доме Юкико, и само собой разумеется, что она знает лучше. Но удержаться очень трудно и я спрашиваю: «Почему?»

Уголки ее губ ползут вниз, и она отвечает: «Это опасно».

Поставить под сомнение слова старшего по положению само по себе плохо, но нет ничего хуже, чем выразить открытое несогласие. Хотя, может, если я облеку его в форму комплимента…

«Япония – самая безопасная страна в мире. Уверена, никто не~»

«У нас есть арабы и китайцы. – Юкико показывает в сторону железнодорожной станции. – Это опасно».

В голове сразу мелькает десяток компромиссов, но, судя по

выражению лица Юкико, я и так уже переступила грань. И я киваю. Она улыбается. Разговор окончен.

Спустя 2 дня я нервно хожу по комнате – нарезаю круги вокруг кофейного столика, груды книг, пританцовываю мимо дивана, иду в кухню и обратно. Я успела почистить камеры, погладить нижнее белье, 3 раза пыталась сесть и проспрягать список пассивных каузативных глаголов. Воспоминание о той пробежке все кружится в голове, как голодный комар. Мне страшно хочется размять ноги и еще сильнее – вырваться на свободу.

Но Юкико выразилась как нельзя яснее, и, проигнорировав ее приказ, я рискую нарваться на серьезные неприятности. С другой стороны, если она ни о чем не узнает, кому от этого будет плохо? Хозяева уже легли. Никакого вреда не будет.

И вот я раскладываю футон и набиваю под него одежду, призванную имитировать меня. Выскальзываю через раздвижные двери и осторожно запираю их за собой. На цыпочках спускаюсь по выложенной кирпичом тропинке, огибающей дом, и замираю у калитки высотой до пояса, что отгораживает сад от дороги. Я знаю, что калитка громко скрипит. Перелезть через нее я не решаюсь – вдруг сломаю шарниры?

Итак, на моем пути барьер, который не остановил бы и малютку терьера.

Как я сразу не догадалась! Два шага назад – больше нет места – я кидаюсь вперед и сигаю через калитку. До угла бегу со всей мочи, а дальше как ни в чем не бывало перехожу на шаг и иду до пляжа.

Первые 3 мили* меня ничего не тревожит. Пробежавшись, делаю перерыв и подхожу к самой кромке воды. Играю с волнами в догонялки и несколько раз даже делаю сальто, вляпавшись пальцами в мазут. Не забыть бы проверить подошвы прежде чем заносить кроссовки в дом.

_____

* Около 5 км.

_____

Еще через 2 мили меня начинает мучить совесть, и я неохотно поворачиваю домой. На полпути вижу на дорожке темный предмет, которого час назад здесь не было. Это женская сумочка. Она открыта; несколько дешевых безделушек высыпалось на асфальт. Я кладу содержимое внутрь и думаю, что мне теперь делать. Нести сумку в дом Юкико нельзя, иначе придется рассказать, где я ее нашла и когда. Надо просто оставить – завтра утром на нее наверняка кто-нибудь наткнется и отнесет в полицию, а может, и владелица вернется искать. И тут я

вспоминаю, что примерно в миле отсюда есть кобан – маленькая полицейская будка. Можно просто занести сумку на пути домой.

За миниатюрным столом сидит единственный полицейский, сосредоточенно разглядывая бумаги. Увидев меня, он широко улыбается. Я улыбаюсь в ответ. У японских полицейских безупречная репутация. Чем участвовать в перестрелках среди ночи и устраивать облавы на наркоторговцев, они переводят через дорогу старушек и спасают заблудившихся котят. Полицейские в Японии обычно даже не вооружены.

«Добрый вечер», – говорит он по-японски и любезно поднимается из-за стола; чтобы предложить мне стул.

«Добрый вечер».

В шортах, с набившимся в носки песком я чувствую себя неуютно. Он же, напротив, одет безупречно: свежевыглаженная форма, сияющий козырек, ослепительно белые перчатки.

Убедившись, что я сижу удобно, он возвращается на свое место, кладет руки на стол и с сосредоточенным и дружелюбным вниманием взирает на меня.

Я стараюсь подобрать правильные слова. Я знаю, что японские предложения не должны начинаться со слова «я». Это слишком высокомерно. Сейчас как раз пригодятся мои пассивные каузативные спряжения.

«Эта… вещь… была найдена мной сегодня вечером», – наконец выговариваю я.

Полицейский в шоке. Улыбка осталась на лице, как приклеенная, но кожа побелела, как у трупа, как будто под столом вдруг появилась акула и откусила ему обе ноги. Ладони сцепились мертвой хваткой. Он-то, наверное, думал, что я пришла спросить, как дойти до станции.

Покрепче натянув фуражку на лоб, он спрашивает тихо, почти шепотом: «Где?»

«Внизу, на тропинке».

Объясняю жестами, потом рисую схематичную карту.

«Когда?»

«Несколько минут назад».

Я снова улыбаюсь и встаю, готовясь уйти: мой долг хорошего гражданина выполнен. Наверняка имя и адрес владельца можно узнать по документам в сумке-, не далее как через час потерянная вещь будет возвращена.

Но он пулей вскакивает с места, махая белой перчаткой улица, точно автомобильным дворником. Опускает обе руки ладонями к полу, таким образом повелевая мне сесть, и преграждает путь. Я сажусь на стул.

Полицейский достает из картотеки толстую папку с

документами. Тут заходит его напарник, тихонько закрывает за собой дверь и видит меня. Он улыбается. Они быстро и шепотом переговариваются по-японски. Напарник перестает улыбаться. Оба усаживают-

ся за стол напротив меня и начинают нервно теребить бумага Один сидит с ручкой наготове, второй задает вопросы.

«Национальность?»

«Американка».

«Удостоверение личности?»

Я в тупике. Карманов у меня нет, поэтому я не взяла ни денег, ни паспорта. Помнится, я где-то читала, что иностранные граждане в Японии всегда должны иметь при себе паспорт… Отрицательно качаю головой, и полисмен перестает дышать, точно кто-то ударил ему кувалдой по пальцам. Очевидно, я нарушила закон.

«Номер визы?»

Откуда мне знать? Знаю только, что виза стоит у меня в швейцарском паспорте, потому что швейцарцам позволено находиться в стране полгода, а американцам – всего 3 месяца. Но как это объяснить – вот в чем проблема. Остается лишь качать головой.

«Адрес в Японии?»

Бинго. На этот вопрос я точно могу ответить. «Гэндзи и Юкико Танака», – говорю я.

Они сразу приободрились.

«Живете в семье?» – спрашивает один.

Обрадованно киваю и на всякий случай добавляю пару слов о том, какая прекрасная у Танака семья.

«Телефон?»

Называю половину цифр, и тут до меня доходит… Что, если он им позвонит? Я останавливаюсь и притворяюсь, что забыла номер; потом качаю головой.

«Давно вы у них живете?»

«Два месяца», – неохотно выговариваю я. Чувствую себя дурой, но ни за что не выдам им номер телефона.

Они долго разглядывают документы, а потом меняют тактику.

«Что вы делали, когда нашли сумку?»

Я рада, что расспросы приняли новый оборот. Пытаюсь объяснить им, что бегала. Делаю маленькую пантомиму.

Один что-то говорит другому.

«Кто за вами гнался?»

Я замираю.

«В чем это у вас пальцы?»

Я удивленно опускаю глаза. Мазут. А я и забыла. Что мне теперь им сказать – что делала колесо на песке? Юкико была права. Зря я вообще вышла из дома ночью. Полицейский с опаской смотрит на мои пальцы, потом пытается соскрести образец на чистый лист белой бумаги. От беспокойства бедняга совсем перестал дышать. Его напарник пролистывает кипу бумаги; наверху каждого листа стоит иностранная фамилия. Может, в Японии иностранцев положено регистрировать, как автомобили? Отбросив кипу, он достает серьезного вида книжку и сверяется со своими записями. О Господи! Это телефонная книга.

«Не звоните! – в панике кричу я. – Их нет дома! Они спят!»

Понимаю, что веду себя как преступница, но мне все равно – лучше уж переночевать в тюрьме, чем разбудить Юкико. Полицейский набирает номер. На том конце берут трубку. Следует короткий разговор, полисмен кивает, кладет трубку и улыбается.

Значит, все в порядке. Полицейские низко кланяются, рассыпаются в благодарностях, что я принесла сумку, и выпроваживают меня за дверь. Они даже пытаются пожать мою измазанную мазутом ладонь руками в белоснежных перчатках.

Выхожу из будки как во сне. Плетусь домой, отпираю скрипучую калитку, раздвижную дверь и сажусь в гостиной, не включая свет. Почему-то на ум приходит случай, когда в 1б лет мы с приятелем задержались допоздна, отправившись на пляж есть рыбу с жареной картошкой. Дома папа заставил меня, красную как рак, выслушать первую и единственную лекцию о вреде подросткового секса.

«Карин, наверх!» – слышится голос.

Поднимаюсь по ступеням медленно, как провинившийся ребенок

В гостиной сидит Гэндзи в халате и со стаканом виски в руке, Юкико стоит рядом и улыбается. Пространно извиняюсь за причиненное беспокойство. Рассказываю, что произошло, особенно упирая на свое желание выполнить гражданский долг и опуская упоминание о сальто и других маловажных деталях.

А потом замолкаю и жду наказания.

Гэндзи смеется. Он заставляет меня еще раз изобразить, как полицейский от страха затаил дыхание, и покатывается со смеху. Но Юкико больше не улыбается. Гэндзи спрашивает, много ли я пробежала, и одобрительно кивает.

Юкико провожает меня вниз по лестнице.

«Карин!»

Я оборачиваюсь и опять начинаю извиняться, но она обрывает мои излияния.

«Не носи больше шорты», – говорит она.

Я киваю. И даже не спрашиваю почему. Она и так мне скажет.

«Ты слишком толстая».

Я в шоке. Конечно, Юкико стройнее меня, но по сравнению с ней и вешалка будет толстой.

«Хорошо», – отвечаю я.

Лишь через 3 недели меня снова приглашают ужинать со всей семьей наверху. Я тщательно подбираю наряд: нужно вернуть расположение Юкико. Жаль, что нет времени выйти и купить цветов – не хватало еще опоздать.

Гэндзи пришел раньше, чем обычно, и теперь сидит за столом, пока Юкико заканчивает готовить ужин.

«Заходи, заходи! – сердечно приглашает он. – Садись!»

После небольшого колебания я сажусь. Юкико бросает в мою сторону взгляд, способный умертвить таракана. Еще хуже, что она знает, как мне нравится разговаривать с Гэндзи. Он хорошо разбирается в японской культуре и традициях и с неизменным терпением отвечает на все мои бесконечные вопросы. Для меня нет ничего приятнее, чем поведать ему об увиденном за день и услышать истолкование того или иного случая.

Ему наши разговоры тоже по душе. В юности он 3 года прожил в Бразилии и приобрел, как говорят японцы, «вкус к сливочному маслу» – понимание, а может, и любовь к западному образу жизни. Да и теперь, когда до обязательной пенсии осталось всего 2 года, работа в компании носит чисто декоративный характер и не слишком интересна. Я вношу любопытное разнообразие иногда мои расспросы дают пищу для размышлений, и я часто поступаю непредсказуемо. К тому же со мной всегда можно посмеяться.

Юкико приносит первое блюдо, и я тут же вскакиваю, чтобы помочь ей накрыть на стол. Кухня (она же столовая) довольна мала, я вполне могу ходить туда-обратно и при этом слушать, что говорит Гэндзи, но уже не могу быть так внимательна. И не в состоянии уследить за многочисленными указаниями Юкико, произнесенными полушепотом: как правильно расположить тофу по отношению к мелко нарезанному луку и рыбной стружке. К тому моменту, когда стол наконец накрыт и все 5 основных блюд и десятки маленьких тарелочек с соусами и гарнирами стоят как нужно, я уже вымотана, а мои хозяева оба обиделись.

За столом ситуация ухудшается. Гэндзи хочет обсудить банковскую систему в Аргентине, и его вопросы явно адресованы мне. Чтобы уследить за разговором, Юкико не хватает знания английского. Я пытаюсь говорить по-японски, но Гэндзи,

заслышав мою спотыкающуюся речь, раздраженно махает рукой. Нам обоим известно, что мой нынешний словарный запас не позволяет общение на столь сложную тему. Стараюсь вовлечь в разговор Юкико, но она лишь качает головой и передает вопрос Гэндзи. Я в отчаянии пытаюсь сменить тему, говорю о кулинарии и воспитании детей – эти темы ей близки, но Гэндзи плавно возвращает разговор в прежнее русло. Я в растерянности. Юкико сидит и пыхтит от злости.

В конце ужина Гэндзи вспоминает, что в соседнем районе Камакура живет знаменитый изготовитель самурайских мечей по имени Масамунэ. Оказывается, парикмахер Юкико предложил нас познакомить. Я поворачиваю голову и рассыпаюсь в пространных благодарностях, одаривая Юкико своей самой признательной улыбкой. Та злобно буравит меня глазами.

ГЛАВА 6

Масамунэ-сан – мастер по изготовлению самурайских мечей в 24-м поколении. Его предок, родоначальник семьи Масамунэ, родился в 1274 году. Тогда же монголы решили вторгнуться в Японию. Кублай-хан силой заставил корейцев построить флот из почти 450 судов и переправить через Корейский пролив 15-тысячное монгольское войско, наводившее ужас на все окрестные земли. В распоряжении монголов были мощные арбалеты, катапульты и взрывающиеся снаряды. Самураи же привыкли к традиционному бою один на один и были вооружены только мечами. В ту ночь поднялся тайфун, потопив бульшую часть монгольских кораблей. Выживших отнесло обратно к корейскому берегу.

Однако монголы были не из тех, кто сдается при первой неудаче. Как бы тогда они завоевали пол-Азии? Через 6 лет был построен еще более внушительный флот, и на этот раз корабли везли 100 тысяч воинов – крупнейшее морское нашествие в Средневековую эпоху. К счастью для японцев, монголы, эти превосходные всадники, оказались никудышными мореплавателями. Более того, они проигнорировали совет штурманов-корейцев и организовали вторжение ранним летом, в сезон тайфунов. Как и следовало ожидать, поднялся мощный шторм, и весь монгольский флот пошел ко дну. Этот тайфун японцы назвали камикадзе – божественным ветром – и восприняли его как знак особой благосклонности богов к японскому народу.

Впрочем, действительность не так красива, как легенда. На самом деле тайфун поднялся лишь через 2 месяца после нападения монголов. Японским командующим этого было достаточно, чтобы осознать: их оружие, безусловно, проигрывает снаряжению монгольских орд. В частности, длинные и прямые японские мечи были тяжелы в обращении и часто ломались. После того как тайфун помог отразить монгольское нападение, сёгун* созвал лучших мастеров в стране, чтобы создать усовершенствованное орудие. Был среди них и молодой Масамунэ. Он потратил годы на то, чтобы соединить в одном лезвии мягкую и твердую сталь. Масамунэ стремился создать меч, который был бы достаточно крепким, чтобы прорезать 2-дюймовые доспехи, но вместе с тем достаточно гибким, чтобы при этом не сломаться. И в конце концов ему это удалось.

В награду Масамунэ удостоился великих почестей, ему предоставили огромные наделы земли в окрестностях района

Камакура. Но увы, в ту эпоху слава не всегда была благом для ее обладателей В XIV веке, в период постоянных войн, было обычной практикой подсылать вражеских шпионов, которые убивали или похищали лучших мастеров. Масамунэ оказался одним из немногих, кто прожил достаточно долго и сумел позаботиться о продолжении рода.

_____

* Титул правителей Японии в 1192-1867 годах, при которых императорская династия была лишена реальной власти.

_____

Но для изготовителя мечей было кое-что похуже войны: мир. К 1500 году самурайские битвы постепенно сошли на нет. Многие мастера остались без работы. Семья Масамунэ сократила производство и перешла на производство ножей. 1853 год был ознаменован прибытием американцев, в результате чего военное правительство было свергнуто, а самураи исчезли как класс. Перепродав корпорации «Mitsubishi» большую часть своих земель, отчаявшиеся потомки клана Масамунэ переехали в город. Вторая мировая война принесла временное облегчение, однако вскоре после ее окончания американские оккупационные силы запретили изготовление мечей под предлогом, что это якобы символизирует японский милитаризм. Большинство мастеров окончательно бросили это ремесло. Отец Масамунэ стал делать подсвечники и кованые предметы, которые были по вкусу американским солдатам. Сегодня Масамунэ-сан живет продажей кухонных ножей, изготовленных машинным способом и снабженных семейным логотипом, и является своего рода достопримечательностью для туристов, которые заходят в его мастерскую по пути в знаменитые буддистские храмы Камакуры.

Но для Масамунэ каминные щипцы и ножи для суши* – всего лишь средство к пропитанию. За магазинчиком размером не больше чулана спрятано место, которому он предан всем сердцем: его кузница.

_____

*Японское национальное блюдо из морепродуктов.

_____

У потомка Масамунэ в 24-м колене плоское лицо, огрубевшие руки и ботинки, как у рабочего. На стройке он смотрелся бы вполне органично, если бы не величественная манера держать себя. К Гэндзи он обращается, как к равному себе, смотрит ему прямо в глаза и отвечает на вопросы уверенно, точно и сам ни больше ни меньше директор компании. Ступив в углубление рядом с горном, он приобретает еще более величественный вид и становится художником, в то время как мы с Гэндзи отходим в

тень и играем роль зрителей.

Масамунэ зажигает печь и принимается за работу. Выбирает большую полурасплавленную глыбу железистого песка с реки к северу отсюда, разбивает ее на мелкие части, а затем выплавляет цельный кусок Затем почтительно обертывает его листом рисовой бумаги с японскими иероглифами. Обмакнув сверток в жидкую глину, бросает его в огонь. Сейчас самое начало лета, и печь полыхает страшным жаром, даже если сидеть в отдалении, как мы. От Масамунэ идет пар, его хлопковые перчатки покрыты дырочками от случайных горячих искр.

Вокруг снуют помощники, передвигаясь бесшумно и молча. Похожие на наблюдательных кошек, они сверхъестественным образом предугадывают требования мастера. Им предстоит не только выдержать 10-летнее обучение, но и сдать сложнейший экзамен по прошествии этого срока. Ежегодно во всей Японии вьщается лишь 3 лицензии на изготовление мечей.

Тут я понимаю, что что-то не так. И вдруг вижу, что у одного из учеников мускулистая грудь, латиноамериканская наружность и полные, чувственные губы. В стране, где превалирует анорексичная худоба, его упитанный вид радует глаз, и несмотря на это, он двигается с легкостью балерины. Я в изумлении: как это иностранцу разрешили обучаться секретам традиционного японского ремесла?

Остаток дня смотрю только на него. Наконец Масамунэ опускает свой кусок железа и вытирает лоб. Ученики тут же принимаются орудовать щетками и прибираться – в беготне мне удается шепнуть пару слов иностранцу, убедившись, что нас никто не видит.

«Выпьете со мной кофе?» – спрашиваю я.

«Конечно», – улыбается он.

Встречаемся в единственном месте, куда наверняка не заходит ни Масамунэ, ни Гэндзи, – в местном «Durger King».

Его зовут Роберто, он из Бразилии, и ему 25 лет. Говорит на 5 языках, причем не просто обрывками полузабытых школьных текстов, а безупречно. В Японию попал через Европу, где недолго работал профессиональным тренером лошадей. Спустя 3 года он уже пишет и читает по-японски и на улицах Токио чувствует себя совершенно свободно – как в центре Рио или на берегу Женевского озера.

Я поражена – и растеряна. Роберто мог бы преуспеть в любом деле. Так что же заставило его выбрать место скромного новичка в крошечной мастерской Масамунэ? Целыми днями подметать пепел и рубить уголь?:

«Друг моего отца делал мечи, это было еще в Бразилии, –

говорит он тихим голосом, еле слышным через стол. – Когда мы приходили к нему в гости, он всегда показывал мне мечи – как их делать, как полировать». Он наклоняется вперед, и его лицо вдруг озаряется. «С тринадцати лет мечи для меня – это все. Я много где побывал, но везде думал только об одном. И вот решил, что лучше всего приехать в Японию изучать ремесло». Он опирается на спинку и пожимает плечами. «Тот, кто хочет делать красивые мечи, должен жить в Японии».

В сознании японцев меч имеет почти мифическое значение. Это символ духа Японии и души самурая. Признаться, я не разделяю всеобщей зачарованности куском кованого железа, чье единственное предназначение – рубить людей надвое. Но если уж меч способен заставить такого человека, как Роберто, объехать полмира, долгие годы подметать грязный пол и кланяться, лишь бы получить доступ к секретам ремесла… Мне вдруг хочется узнать как можно больше о священном оружии.

Роберто мечтает о том, чтобы однажды его избрали наследником Масамунэ. Тогда он сможет принять его фамилию и стать его официальным потомком в 25-м поколении и продолжателем знаменитого рода мастеров. К несчастью для Роберто, у Масамунэ уже есть сын, но, к счастью, мечи его не интересуют. Молодому Масамунэ не нравится, что в кузнице грязно и скучно; он хочет стать оперным певцом. Недавно уехал в Италию учиться.

«Он правда хорошо поет?» – спрашиваю я.

Роберто тихонько качает головой.

«А вдруг он передумает насчет мечей?»

Роберто опять качает головой, на этот раз увереннее. Надеюсь, он прав, ведь от этого зависит его будущее.

А Масамунэ не потерял надежду; время от времени он усаживает своего сына и делает ему внушение: мол, песни забываются через секунды, а хороший меч проживет столетия. Если же сын так и не заинтересуется фамильным ремеслом, придется рано или поздно усыновить одного из учеников и назначить его законным наследником. У Роберто все шансы: мало того что он лучший мастер из всех учеников, он уже успел зарекомендовать себя как умелый полировщик и приобрел международную репутацию за свои познания о древних мастерах. Один фактор, однако, все усложняет, а именно форма носа. Даже после нескольких лет обучения Роберто наказывают держаться в тени, когда приходят покупатели: им может не понравиться, что чужак обучается традиционному исскуству. Готова ли Япония принять Масамунэ, у которого будут круглые глаза и каштановые волосы?

«И когда он решит?» – спрашиваю я.

«Через десять лет, может, через пятнадцать».

«И ты готов ждать так долго?».

«Конечно».

Я невольно присматриваюсь к Роберто: как он двигается, ест и говорит. Пусть он родился и вырос в другой стране, я почему-то воспринимаю его как японца. Все дело в том, как он держит поднос, стоя в очереди, как неподвижно застывает рядом, пока я выбираю столик, с какой нарочной осторожностью берет кусочек маринованных овощей. Однако самое характерное – это его жизненный выбор. Обладая недюжинным интеллектом и творческой энергией, он тем не менее посвятил свою жизнь системе, поощряющей лишь подчинение. Он добровольно встал в иерархию, где все определяется старшинством, а нововведения не только не поощряются, но и наказываются. И как ему удается выжить?

«Тот, кто хочет долго жить в Японии, должен родиться заново. Надо забыть обо всем, что знал, обо всем, во что верил, и начать с начала. Научиться ценить возраст и опыт выше книжных знаний. Делать то, что говорят, не допуская иных мыслей. Нельзя ни на секунду сомневаться в справедливости системы Надо забыть о борьбе за справедливость и равенство; у тебя не должно быть таких стремлений. Нужно научиться верить в общество, основанное на иерархии. Это совершенно иной образ мышления, жизни, существования. Если не принять его полностью, сердцем, то выжить здесь невозможно».

Его слова заставляют меня замолчать. Но, невзирая на устрашающие перспективы, я проникаюсь надеждой – впервые за долгое время. Я чувствую, что у меня наконец появился наставник, а может, и друг.

«Роберто, – вдруг спрашиваю я, взбираясь на велосипед, – я толстая?»

Он оглядывает меня с головы до ног.

«Нет. Кто это сказал?»

Я с неохотой рассказываю о своей ночной пробежке и о том, как отреагировала Юкико.

Он смеется. «Значит, толстая», – та полном серьезе отвечает он.

Я сижу 2 долгие недели в мастерской и наблюдаю, как лезвие постепенно обретает форму. Масамунэ нагревает железо, бьет по нему, пока то не превращается в пласт, сворачивает и кидает обратно в огонь. Под многократными ударами молота остаточные примеси истончаются – они и придают мечу уникальную текстуру

и цвет. Когда работа будет окончена, получится необыкновенно прочное и долговечное лезвие, состоящее из более 200 микроскопических слоев плотно сплавленной листовой стали поперечной ковки.

Но это лишь внешний слой. Настоящий секрет мастера – то, что внутри. Под жесткой сталью скрывается мягкая сердцевина. Таким образом, лезвие обретает гибкость: оно уже не сломается, зато способно будет прорезать тяжелые доспехи.

Масамунэ сидит с прямой спиной, глядя, как железная глыба постепенно удлиняется, сужается и меняет изгиб. Его лицо блестит в оранжевом зареве печи, пот мерно капает с подбородка. Взгляд неотрывно сосредоточен на мече. Я давно перестала задавать вопросы: зачем он обваливает железный блок в рисовой шелухе, макнув его в глину? Зачем посыпает одну сторону белой пудрой, прежде чем свернуть лезвие пополам? Ответ всегда один и тот же – так его учили.

Наконец я начинаю осознавать всю глубину опыта, передававшегося на протяжении веков от отца к сыну. Каждое поколение добавляло свои знания, прежде чем передать их следующему. Ученый скажет, что секрет прочного меча кроется в соблюдении определенного содержания углерода в многослойной стали. Но лишь традиция научит, как правильно выбрать сырье для первоосновы. С опытом, накапливаемым поколениями, постепенно оттачивались тысячи крошечных шажков, из которых и сложился процесс изготовления хорошего меча. Однако традиция может ответить лишь на вопрос «как»; мое же «зачем» так и остается без ответа. И лишь глядя, как Роберто терпеливо рубит уголь на ровные кубики с дюймовой гранью, я начинаю понимать, зачем он здесь.

Почти все время Роберто жил в Иокогаме, между Токио и Фудзисавой: здесь у него была маленькая квартира недалеко от мастерской Масамунэ. Он женился 3 года назад на японке, дочери знаменитого мастера-полировщика, и теперь живет в доме своего тестя, Накамура-сан, которому 89 лет.

Но Роберто всего 25. Цифры как-то не сходятся. Заметив мое недоумение, он робко улыбается: «Она немного старше меня».

«Ты ее любишь?».

«Да».

В отличие от Масамунэ, у тестя сыновей нет. И он наверняка согласился выдать дочь за Роберто ради продолжения рода. В награду Роберто приняли в закрытое сообщество японских мастеров, однако цена такой привилегии высока.

На долю приемного мужа в Японии выпадают, пожалуй, самые трудные испытания. Имя молодого человека вычеркивается из семейной регистрационной книги, как если бы его не было в живых. Он берет фамилию тестя, вступает в дом жены и занимает место старшего сына со всеми вытекающими последствиями. В истории немало случаев, когда на войне муж должен был принять сторону приемного отца, даже если ему пришлось бы убить родного. В наше время подобная ситуация редко приводит к кровопролитию, что, однако, не делает ее менее жесткой.

Теперь у Роберто есть *он* – обязательства перед новой семьей. Даже сами японцы с трудом разбираются в своей сложной системе обязательств. Он существуют перед императором, родителями, наставниками и даже собственным именем. Исполнить он невозможно, так как обязательства, входящие в это понятие, безграничны и со временем не уменьшаются. Скорей наоборот, он с годами увеличиваются, накапливая проценты, как денежный долг. У японцев есть поговорка: «Невозможно выплатить и одну десятитысячную *он*». *Он* всегда стоят впереди личных предпочтений. Никогда не следует предпринимать каких-либо действий, пусть даже повседневных, не рассмотрев их внимательно в масштабе *он*.

Но тяжелее всего в данной ситуации приходится приемному мужу. Вся его жизнь отныне, после второго рождения, регулируется *он*, которые легли на него и требуют доказать свою готовность должным способом исполнить их.

«Хочешь познакомиться с тестем?» – спрашивает Роберто. Я согласно киваю, охваченная восторгом – и ужасом.

Накамура-сан сидит в традиционной комнате с татами, абсолютно пустой, не считая синтоистского алтаря в одном углу. Руки спокойно лежат на трости, голова чуть наклонена назад – точно правитель, озирающий свое маленькое королевство. Рядом стоит дочь, необычайной красоты создание, и сосредоточенно наблюдает за отцом. У Накамуры-сан очень ухоженные ногти, отполированные до блеска, носки невообразимой белизны, а отглаженные складочки на самурайских брюках остры, как бритвенные лезвия. Даже помпончики, которыми украшен его

замысловатый наряд, аккуратно причесаны и распушены.

Он давно уже облысел, но зубы пока на месте, хоть и много металлических. Зрение осталось превосходным, как прежде, но вот со слухом непорядок. Роберто встает у правого уха, прикладывает руку ко рту и кричит очень громко, при этом умудряясь говорить почтительно.

Когда Накамура-сан доволен, он издает звук, похожий на скрип ржавых дверных петель. Как бы громко мы ни кричали, он отвечает лишь Роберто. Его рассказ – это разрозненные мысли, отражение внутреннего потока давнишних воспоминаний. Все стоят и почтительно слушают.

«В двадцать один год я служил в войсках спецназначения, – вспоминает он. – Шла война с китайцами. Меня ранили в живот. Я дважды воевал за свою страну, а должен был пять раз. Но они увидели как хорошо я управляюсь с мечом, и приказали остаться в тылу и обучать остальных».

После Второй мировой Накамура-сан стал риэлтором. Японцам долгое время приходилось очень тяжело. Накамура вдумчиво сжимает трость. «Но даже после войны жизнь в Японии была лучше, чем сейчас. Сегодняшние молодые люди живут, как американцы, – они перестали быть японцами».

Я тихонько прячу банку диетической колы за ножкой стола.

«Они играют в футбол, бейсбол, гольф – просто так, для развлечения. Когда им учиться тому, чему следует, то есть тяжелому труду, дисциплине? Будь моя воля, – говорит Накамура, – я бы призывал в армию всех в возрасте двадцати лет. Тогда бы они поняли, что центром всего является император. Они бы узнали, что такое преданность, и научились уважать старших».

«И женщин тоже?» – не подумав, спрашиваю я и пытаюсь представить Дзюнко в военной форме.

«Женщин?» – Он замолкает. Я застала его врасплох. «Обязанность мужчины – защищать свою семью и родину. Женщины же должны сидеть дома и заниматься домашними делами. Они должны служить мужу, как он служит императору. У женщин, – тут он впервые смотрит в мою сторону, – не должно быть своего мнения».

Его дочь качает головой. «У женщин должно быть свое место в обществе», – возражает она, но негромко, чтобы он не услышал.

«А что думает Накамура-сан о своем зяте?» – тихо спрашиваю я Роберто. Он улыбается, но переводит мой вопрос.

Накамура издает ржавый довольный скрип. «В сравнении с японской молодежью Роберто явно выигрывает. Он похож на японца старой школы. За что бы он ни взялся, все делает как можно лучше. Учится сам и не просит о помощи. Он во всем

преуспевает…»

Тут Накамура останавливается, замолкает и сердито добавляет: «Но он делает и много плохого».

Я навостряю уши: «Например».

«Он думает только о мечах. После ужина сразу бежит к своим мечам и никогда не моет посуду и не прибирается».

Не слишком большая провинность. «А еще?»

«Он должен больше тренироваться и усерднее учиться. Обычному человеку требуется десять лет, чтобы постигнуть то, чему Роберто научился за два. Поэтому он во всем должен быть лучшим. И еще, – сурово добавляет Накамура, – он должен раньше вставать на тренировку – в пять утра».

«Хотя обычно, – тихо добавляет Роберто, – я всю ночь не сплю, полируя для него мечи».

«На какую тренировку?» – вопрошаю я.

«Иайдо*, – поясняет Роберто. – Искусство обращения с мечом. Хочешь посмотреть?»

Иайдо – это японское искусство мгновенного обнажения меча. Здесь все не так, как показывают в голливудских фильмах-никто не размахивает звенящими клинками, причиняя множественные раны и чуть не снося друг другу голову. Иайдо больше напоминает дуэль. Сперва двое бесстрастно взирают друг на друга. Затем выхватывают мечи. Удар – и тот, кто оказался быстрее, отступает, а промедливший падает замертво. Все знают о хваленом самурайском кодексе чести, но в реальности воинам нередко приходилось отражать нападение, что называется, со спины. Поэтому иайдо учит прежде всего умению обнажать меч в любом положении, в том числе сидя и преклонив колена в молитве.

_____

* Это слово в переводе с японского означает «путь обретения гармонии». Оно появилось в 1930-е годы, объединив в себе множество стилей обращения с мечом.

_____

Иайдо преследует одну цель: обнажая меч, свести движения к минимуму и ударить как можно скорее. Для этого одно и то же движение следует повторять по 500 раз в день. Практикующим иайдо, должно быть, бывает очень одиноко!

Само собой разумеется, иайдо не слишком популярно среди японской молодежи. Но были времена, когда без иайдо самураю было не выжить – как на Диком Западе, главное вовремя выхватить оружие. Из всех видов боевых искусств иайдо ближе всего к бусидо*. Роберто изучает его уже несколько лет.

Роберто советуется с Накамура-сан, делает несколько звонков

– и мы идем. Он помогает тестю подняться на ноги и встает напротив его трости. У двери Роберто берет его тапки и аккуратно надевает ему на ноги. Накамура шаркает по узкой тропинке. Вдвоем здесь не пройти, поэтому Роберто неуклюже семенит сзади, на расстоянии полушага, крепко придерживая тестя под руку.

_____

* Кодекс поведения японских самураев (переводится как «Путь воина»).

_____

Доходим до машины. Роберто открывает дверь и берет у тестя палку. Когда Накамура-сан наклоняется, чтобы сесть в машину, Роберто заботливо подстраховывает его лысую голову, чтобы старик не ударился о крышу. В этом маленьком необязательном жесте выразилось все истинное отношение Роберто: он любит старика.

Усадив Накамура-сан в спортивном зале, Роберто приносит тяжелый мешок весьма подозрительного вида – как будто внутри зашит труп. Если подумать, не такое уж невероятное предположение когда-то мечи испытывали на телах живых или казненных преступников. Результаты «теста» вырезали на рукояти. Многие знаменитые мечи до сих пор щеголяют надписями вроде «шесть ног» или «три туловища» – это только самые острые. В наши дни вместо трупов используют свернутые в рулон мокрые татами, передающие характерную плотность человеческого мяса и кости.

Накамура пристегивает меч и медленно, с усилием волоча ноги, подходит к первому коврику. Почти как по волшебству меч вдруг оказывается в его руке, и татами падает набок 100000 ударов – единственное движение, отточенное за 80 лет беспрестанных повторений. Накамура опускает меч и шаркающей походкой двигается к следующему коврику.

Наконец приходит очередь Роберто. Он кланяется тестю, встает неподвижно, замедляет дыхание и успокаивает ум. Затем резко выскакивает вперед и с воплем наносит 3 удара. Лезвие и ноги двигаются с такой скоростью, что сливаются в сплошное пятно. Татами падает. Отступив назад, Роберто оборачивается к наставнику, убирает меч в ножны, поднимает его и низко кланяется.

Накамура улыбается.

Мы собираем вещи перед уходом, и тут Накамура впервые обращается ко мне. «Единственное, что не изменилось за эти девяносто лет, – говорит он, – это путь меча».

И он уходит прочь, опершись о руку Роберто, – старик,

отвоевавший 2 войны за императора, и молодой парень из чужой страны, которому однажды суждено продолжить его род. И я думаю, что Накамура-сан не прав. Перемены и здесь налицо.

Самурайская решимость Роберто передалась и мне. Возвращаюсь в Фудзисаву с твердым намерением нести любую ношу, исполнять все, что от меня потребуют. Если Роберто сумел обрести второе рождение, я тоже смогу.

«Карин, наверх!» – кричит Юкико с лестницы. Гэндзи хочет со мной поговорить. Я взбегаю по ступенькам, кланяюсь Гэндзи и Юкико и внимательно слушаю.

«Завтра важный день, – с искренним волнением сообщает Гэндзи. – Масамунэ закаляет меч».

Об этом я уже знаю от Роберто, но на всякий случай изображаю удивление и радость.

«Я купил две бутылки особого саке в благодарность за то, что Масамунэ-сан сделал для тебя», – добавляет Гэндзи.

У меня аж кровь отхлынула с лица. «Особое саке» стоит несколько сотен долларов! Мне не по карману делать такие подарки каждому, кого снимаю на камеру. Я в растерянности, ведь если я позволю Гэндзи заплатить за такой дорогой подарок, это подразумевает, что я соглашаюсь на роль дочери с кучей соответствующих обязательств. Но если покупать все подарки за свой счет, не пройдет и нескольких месяцев, как моим сбережениям придет конец.

Гэндзи не договорил. «Тибо (это парикмахер Юкико, которая познакомила нас с Масамунэ) тоже подарила Масамунэ две бутылки особого саке», – деликатно намекает он. У меня подкашиваются колени.

«Как мне его отблагодарить?» – робко спрашиваю я.

«Нужно пригласить его на ужин», – отвечает Гэндзи.

Я быстро считаю в уме. Ужин в хорошем ресторане в Камакуре (Танака тоже придется пригласить, это само собой разумеется) обойдется в районе 1000 долларов. Я в полуобмороке. Невзирая на свои почтительные манеры, Гэндзи не имеет понятия о том, как живут обычные смертные.

Сглотнув комок в горле, благодарю Гэндзи за чудесную щедрость. Это одна 10-тысячная он. Обратного пути нет.

В 9 утра сидим рядом с горном и ждем рождения меча. Масамунэ встал рано, чтобы помолиться синтоистским богам, хотя, глядя на его припухшие глаза и серое лицо, можно предположить, что он воздавал им почести до поздней ночи с бутылкой особого саке.

Сегодня ему понадобится их помощь. В течение 2 недель мастер соединял твердую и мягкую сталь в точнейших пропорциях, но этого мало. Самое сложное впереди- предстоит закалить лезвие. За секунду Масамунэ может создать шедевр или уничтожить всю работу.

Если нагреть меч, а затем опустить его в холодную воду, сталь становится очень твердой, но при этом теряет гибкость и легко ломается. Как же сохранить эластичность меча и не затупить жесткое, как бритва, острие? Предки Масамунэ обнаружили тайный способ. Все дело в глине. Со временем мастера добились верных пропорций, и так родился ревностно хранимый семейный рецепт: суспензия из растертого в порошок полировочного камня, растворимой соли и прочих секретных ингредиентов. Масамунэ тщательно покрывает лезвие, создавая утепляющий слой, который не позволит раскаленной стали охладиться слишком быстро, когда ее опустят в водяную ванну, – и лезвие при этом сохранит гибкость.

Затем, дюйм за дюймом, мастер соскребает глину с режущего острия. Таким образом, оно получает максимальную закалку и становится очень твердым. И наконец меч оставляют сохнуть.

Роберто приносит сгнившее деревянное корыто и наливает холодную воду. Затем раскаляет тяжелый железный прут и бросает в ванну. Достигнув нужной температуры воды, он выбегает на улицу и закрывает окна фанерными досками. Ученики зажигают печь и выключают свет.

Отраженный свет пламени озаряет лицо Масамунэ зловеще-красным отблеском. Он полностью сосредоточен. Вынув меч наполовину, он толкает его обратно, поливает угли и раздувает мехи. Температуру печи он определяет по цвету пламени – никакой термометр не нужен. Это рискованное предприятие; ошибись он хоть немного, и меч потрескается. Таким образом пропадает 4 меча из 5.

Без предупреждения он выхватывает меч, заносит его над головой и опускает в приготовленную ванну. Клубы пара вздымаются над кипящей водой. Включают электричество, и волшебная аура испаряется. Масамунэ шарит в грязной воде, достает стальное лезвие, заключенное в оболочку из глины, и осматривает его. Крик отчаяния: в дюйме от кончика трещина толщиной в волос Меч, должно быть, слишком раскалился. И хотя изъян можно исправить – отрезать кончик и изменить форму, – Масамунэ кажется, что он подвел богов и своих предков.

Роберто сосредоточенно выбирает кусок полировочного камня размером с пуговицу, прижимает его кончиком пальца и

принимается осторожно тереть лезвие.

«Если работа сделана на совесть, то мечу передается частичка мастера, – говорит он. – Изготовить идеальный меч – значит иметь терпение и уважать свою работу».

Вот уже 8 дней он сидит в этой маленькой комнатке и с безграничным терпением полирует лезвие меча, пользуясь инструментами, которые были в ходу еще в Средние века. Роберто все делает на глаз, но ему тем не менее удается добиться идеальной формы параболических дуг и зеркального блеска. Поверхность меча очень чувствительна: даже влажный человеческий палец способен оставить ржавое пятно. Лезвие такое острое, что меч достают из ножен, повернув острой гранью к земле, иначе он попросту прорежет чехол.

«Когда люди видят отполированный меч, им передаются чувства, которые испытывал полировщик во время работы», – объясняет Роберто, и его палец размеренно двигается вперед и назад

«И какие у тебя чувства?» – спрашиваю я.

Он улыбается. «Я слушаю бразильскую музыку», – отвечает он и отодвигает шторку за ней магнитофон и стопка кассет.

«Роберто, а что, если тебе больше нельзя будет делать мечи?»

Палец соскальзывает с зеркальной поверхности. «Тогда я вернусь в Бразилию», – после долгого молчания отвечает он.

Зачистив микроскопические неровности, он насухо вытирает меч и демонстрирует мне свою работу.

Все эти 4 недели я была свидетелем того, как кусок железистого песка шаг за шагом трансформировался в бесценное произведение искусства. Все это время я пыталась понять, почему в сознании японцев именно меч ярко символизирует все то, что представляет для них высшую ценность – честь, мужество, дисциплину. Но лишь когда я вижу отражение Роберто в серо-голубом зеркальном лезвии, мне все становится ясно.

ГЛАВА 7

Мне очень нравится наш сад. я сижу в нем часами, когда занимаюсь, слушаю журчание фонтана в уголке и гляжу, как кланяются темно-зеленые листья, встрепенувшиеся под налетевшим ветерком. Когда Юкико поручает мне ежедневную поливку, я и вовсе прихожу в восторг. И тут же посылаю письмо в Штаты своему инструктору по дзюдо, где пишу, какие чудесные у Юкико цветы и как я горжусь своей новой обязанностью поливальщика. В конце письма замечаю, что неплохо было бы посадить овощи вдоль задней стены – овощи с собственного огорода на столе, что может быть лучше? Я ни на что не намекаю – просто случайно упоминаю об этом.

Правда, я так и не спросила Юкико, понравится ли ей, если среди ее магнолий поселятся мои клубни. И тут приходит посылка – внутри что-то зловеще гремит.

Это семена редиски. И моркови. И помидоров. И огурцов. И тыквы! Что, извините, мне делать с тыквой? Она же несъедобная. А если я традиционно вырежу из нее страшную морду на Хеллоуин, визит местных полицейских мне обеспечен.

И вот я сижу за столом с семенами и приложенной к посылке запиской. Напротив – Юкико с каменным лицом, точно мы на ее или моих похоронах. Медленно и сосредоточенно, монотонным голосом она объясняет, что мой сэнсэй из Америки – сэмпай (старший товарищ по университету) Гэндзи. И его американская жена, таким образом, автоматически становится старшей для Юкико. Не важно, что женщины никогда не встречались и говорят на разных языках, эти отношения все равно сродни военной иерархии – рядовой не может ослушаться приказа генерала. Даже если бы Юкико и хотела, чтобы рядом с ее сиренью произрастали баклажаны (а она не хочет), помидоры у соседей уже вымахали по пояс,и…

«Карин, о чем ты думала, когда посылала это письмо?»

Я замечаю, что в записке ясно говорится: «Не хотите, не сажайте». Юкико смотрит на меня, как на полоумную, и объясняет, что на секретном языке общения это на самом деле означает: «Ждем еженедельного отчета с фотографиями». Ее лицо становится еще более каменным.

«У нас нет выбора», – говорит она.

Если честно, в глубине души я рада. Мне уже надоело таскать за Юкико сумки с продуктами во время ее многочасовых экспедиций за совершенно особым сортом шелкового тофу* с кунжутом. Покопаться в земле для разнообразия было бы

неплохо.

_____

* Японский тофу называется шелковым, так как процеживается через шелк.

_____

Через полдня, потратив абсурдную сумму денег, я наконец посадила свои семена под толстый слой суперурожайного грунта. И теперь каждые полчаса выхожу на улицу посмотреть, не взошли ли они.

А между делом неохотно открываю очередной грамматический текст. По опыту я знаю, что учебники грамматики сперва пытаются умаслить учеников хорошими новостями: в японском языке нет будущего времени! Все глаголы правильные, и это еще не все – у них нет ни множественного числа, ни рода, ни лица. «Человек идти в магазин». Раз плюнуть!

Но у каждого языка есть своя темная сторона, и японский не исключение. Веками царившая в стране строгая социальная иерархия привела к возникновению нескольких параллельно существующих языков. Их использование зависит от возраста, пола, социального статуса и образования говорящего. Мой учебник с присущим ему неустанным оптимизмом характеризует это так: японский – как мороженое, есть множество разных сортов! В японском есть мужской и женский язык, стандартное, почтительное и уничижительное обращение, язык для своих и для чужих. Императору, как полагается, выделена собственная разновидность, хотя иметь язык только для себя кажется мне столь же бессмысленным, как быть обладателем единственного в мире телефона.

В конце концов оказывается, что суть японского языка вовсе не в общении, а в сохранении гармонии. Так, отрицание всегда ставится в конце. Таким образом можно вовремя поменять точку зрения, глядя собеседнику в глаза и оценивая степень его согласия: «Как ужасно готовит та женщина… ваша жена… не!» Личные местоимения считаются верхом заносчивости. Их следует всячески избегать, зато поощряется использование пассивного залога. В результате возникает забавная, но, надо отдать должное, абсолютно нейтральная тарабарщина: «Существует машина, которая утром была вовлечена в столкновение с почтовым ящиком». Мои родители бы сказали, что японцы пытаются избежать ответственности, но на самом деле это не так: это всего лишь проявление деликатности. Прямых и ясных высказываний учебник настоятельно советует избегать.

Плакал мой японский.

Из гостиной доносится громкий и непонятный звук. Оказывается, это мой телефон. Я тут же покрываюсь потом. Ответить на телефонный звонок по-японски для меня все равно что смотреть на звезды сквозь пожарный шланг.

Осторожно беру трубку, точно передо мной разъяренная гремучая змея. Слава богу, это Роберто.

«Умеешь кататься на лошади?»

«Конечно».

«Хочешь посмотреть, как готовятся к ябусамэ?»

Ябусамэ – очень сложное самурайское искусство стрельбы из лука верхом на скачущей галопом лошади. В Средневековье оно считалось основой подготовки воинов. В наши дни оно превратилось в шоу, которое проходит на территории синтоистских храмов и собирает сотни тысяч зрителей. Эти состязания по-прежнему воспринимаются очень серьезно, хотя теперь проигравший и не совершает харакири*. И мне очень хочется это увидеть.

_____

* Ритуал самоубийства самурая в случае поражения.

_____

Тренировка проходит в Цуруоке – 3 часа езды на электричке. К моменту нашего приезда наездники ябусамэ выводят лошадей из загонов, перебрасывают через круп антикварные седла (им по 400 лет) и описывают круг. В центре стоит Канэко-сан, мастер ябусамэ в 35-м поколении. Он медленно поворачивается вокруг своей оси, наблюдая за наездниками и время от времени ворчливо одергивая кого-нибудь из них.

Наконец Канэко, довольный своей командой, приглашает наездников на соседнее капустное поле ставить мишени. На выходе с ринга мы успеваем его перехватить. Канэко 85 лет, у него совершенно прямой позвоночник и привычка резко щелкать зубами, глядя на собеседника. Он кажется выше, чем на самом деле.:

Роберто представляет меня. Я кланяюсь – так низко, как необходимо, ведь Роберто исподтишка подталкивает меня в спину. Упершись лицом в колени, замечаю, как грязно под ногами. А носки у Канэко все равно белоснежные, хоть он и колесил по сырому рингу: Наверное, занятия самурайскими искусствами каким-то образом делают людей непроницаемыми для грязи. Роберто убирает руку. Я выпрямляюсь. Канэко кивает головой и прищелкивает зубами.

«Это великий человек, – говорит Роберто, когда Канэко уходит. – И очень добрый».

«Откуда ты знаешь?»

Роберто колеблется. «Однажды из-за меня он пострадал, но не стал держать зла». «Что же ты сделал?» Он не хочет отвечать.

«Что-то серьезное?» – допытываюсь я. Для меня невообразимо, чтобы Роберто мог кого-то обидеть.

Он качает головой, наклоняется и берет кусочек земли. «Попав в глаз, даже маленькая песчинка может причинить немало вреда».

Всадники скачут по узкой тропинке между капустными грядками, обстреливая пластиковую мишень. «Стрелок ябусамэ, – объясняет Роберто, – должен сидеть в седле очень устойчиво: для точного выстрела ему нужна твердая платформа. Затем он должен подняться в стременах и упереться в них ногами, как поршнями, поглощая движение скачущей лошади. При этом в руках у стрелка огромный шестифутовый лук Все эти манипуляции нужно проделать, не напугав лошадь, чтобы та не взбрыкнула. Начинающим всадникам разрешают упражняться с луком лишь через три года, а через пять разрешают наконец участвовать в состязании».

Мы стоим в открытом поле, солнце печет, и поблизости ни одного автомата с газировкой. Я не ела с рассвета и проголодалась до такой степени, что ободрала листья с грязной капусты и сжевала их, пока все отвернулись. Чтобы не думать об урчании в животе, занимаю место прямо под мишенью: мне хочется снять, как всадник выпустит стрелу как будто прямо в объектив. У стрел 2-дюймовые шишковатые деревянные наконечники: один такой вполне способен снять с меня скальп. Лошадь проносится мимо. Стрела вонзается в мишень в 6 дюймах от моей головы. Теперь я понимаю, что чувствовал сын Вильгельма Телля*.

_____

* Герой швейцарской народной легенды, отразившей борьбу швейцарского народа против Габсбургов в XIV веке. Телль, меткий стрелок из лука, был принужден габсбургским фогтом Геспером сбить стрелой яблоко с головы своего маленького сына.

_____

«Карин!» – зовет Роберто. О Боже! Неужели я чем-то досадила Канэко? Что бы это могло быть? Даже маленькая песчинка может причинить немало вреда… «Сэнсэй спрашивает, не хочешь ли ты прокатиться!»

Швырнув камеру в капусту, бегу по тропинке – скорей, пока Канэко не передумал. Мне дают лошадь. Я осторожно карабкаюсь в седло. Здешние лошади – бывшие беговые, им ничего не стоит сбросить ездока, стоит лишь почувствовать его слабость.

Канэко объясняет, как ездить в стиле ябусамэ, но только без

лука. Лошадь пускается галопом. Я поднимаюсь в седле, бросаю поводья и горизонтально вытягиваю руки. Мускулистый круп рвется из-под ног. Цель проносится мимо. 12 секунд – и все кончено: лошадь встает, а я неуклюже плюхаюсь в седло. Потом спрыгиваю на землю. Вот это занятие по мне!

После того как все наездники по очереди обстреляли мишень, мы прогуливаем лошадей, чтобы они обсохли, моем их, смазываем копыта маслом, чистим ноги, вытираем седла, раскладываем сушиться одеяла и разводим коней по загонам. Мне поручили расчесывать гривы и хвосты От долгого пребывания на солнце все лицо обгорело и саднит, ноги стали как резиновые. Жду не дождусь, когда же можно будет сесть в электричку, добраться до постели и упасть на мягкую подушку.

Вдруг из-за холки выглядывает Роберто. На лице довольная улыбка. «Канэко-сан пригласил нас к себе домой посмотреть седла!»

От ужаса все внутренности превращаются в кашу. «Отлично!» – отвечаю я и приклеиваю к лицу улыбку.

Дом Канэко похож на заброшенный храм на склонах холмов Камакуры, в окружении вековых деревьев и толстой поросли мха. Внутри – настоящий музей: вдоль стен устрашающее самурайское оружие, шлемы и бесконечные ряды стрел, седел и стремян. Длинный коридор увешан портретами великих мастеров ябусамэ – предков Канэко.

Он достает кипу старых фотоальбомов, и начинается неспешный экскурс в семейную историю. Это похоже на Ветхий Завет: тот-то родил того-то и так далее. Есть и официальный свод правил ябусамэ, владелец которого наделяется поистине мифической властью. Пытаюсь связать слова в предложения, мысленно заполнить пропуски там, где словарного запаса не хватает, понять, к чему относятся глаголы или хотя бы уловить общий смысл того, о чем вещает Канэко, но мозг точно пропустили через барабан стиральной машины. К счастью, мы переходим в дальний конец коридора, и Канэко достает мечи. Роберто с жадностью принимается их рассматривать, а я отодвигаюсь на шаг назад, прислоняюсь к стене и закрываю глаза.

Роберто сразу начинает меня трясти. Мы говорим шепотом, и наш разговор совершенно сюрреалистичен.

«Ты должна блюсти дисциплину, как самурай на поле боя, – заявляет он. – Если самурай уснет, его убьют. И его друзей убьют, потому что он ленив и не умеет себя контролировать. Спящему человеку нельзя доверять: он всегда подводит друзей».

«Что, если он так устал, что допустит ошибку на поле боя, и его убьют?» – сонно спрашиваю я.

«Допустимо умереть потому, что ты устал. Это не признак отсутствия дисциплины».

В моем окутанном ватой мозгу вдруг всплывает яркое воспоминание. Это история, которую рассказал Гэндзи вскоре после моего приезда.

«Это случилось зимой в школе дзюдо, – горько усмехнулся Гэндзи. – Как-то поздно вечером я пошел в комнату сэнсэя, чтобы задать ему вопрос. Он сидел за столом и писал письмо, а когда я вошел, даже не поднял головы. Я сел на кровать и стал ждать, пока он допишет. Я так устал после тренировки, что, сам того не осознавая, стал клевать носом и заснул. Сэнсэй так разозлился, что не разговаривал со мной до самого конца обучения».

Вот она, маленькая песчинка, приносящая большие неприятности. Я резко выпрямляюсь, приношу извинения, хотя наверняка уже слишком поздно.

Когда я уже собираюсь уходить, Канэко приглашает меня на состязания. Значит, он не обижается. Роберто был прав: он великий человек

Домой возвращаюсь такой усталой, что едва доползаю до ступенек. 16 часов на ногах, раскаленное солнце, единственная шоколадка за весь день и тысячи маленьких песчинок…

У двери поджидает Юкико. «Сегодня приходила домработница».

Я начинаю соображать, в чем могла провиниться. Футон перед уходом убрала, по всем горизонтальным поверхностям прошлась пылесосом, посуду вымыла и высушила, туфли выстроила рядком, цветы полила и ванну почистила до блеска. Что же могло не понравиться домработнице?

Но стоит войти в гостиную, как мне все становится ясно. Открытки.

Несколько дней я мучилась из-за того случая с особым саке и наконец придумала решение. Дарение подарков в Японии происходит в соответствии со строгой иерархией и зависит от статуса дарящего, статуса принимающего, их отношений и важности оказанной услуги. Стоимость подарка легко вычислить с точностью до иены. Поскольку мой статус никак не изменить, я должна была найти способ подарить что-то дешевое, что при этом будет иметь большую ценность. И тут я вспомнила, как японцы любят все сделанное своими руками – от керамики до бумажных вееров.

Я тотчас побежала в магазин, купила ворох дорогой бумаги *васи**, сделанной вручную, и начала упражняться в оригами**. Через 2 дня у меня наконец получилось нечто приличное. На изготовление каждой открытки уходило по 3 часа: многослойные

картины с невиданными птицами и насекомыми, сложенные в технике оригами на затейливом фоне. Гэндзи был потрясен. Юкико лишь косо взглянула на открытки и тут же объявила войну моему домашнему производству.

_____

* Особый вид бумаги, применяемый в некоторых видах традиционного декоративно-прикладного искусства, а также для изготовления одежды, игрушек и пр. Делается из веток особого кустарника, а иногда шелковицы, бамбука, конопли, риса.

** Традиционное японское искусство складывания фигурок из бумаги.

_____

Так как мне негде было хранить бумагу, уходя из дома, я прятала ее под кофейным столиком. Вот и сейчас оттуда выглядывают яркие зеленые бумажные птички.

«Она не смогла там поработать пылесосом», – гневно заявляет Юкико. Я киваю. Не важно, что утром я это сделала сама, не важно, что я вообще не хочу, чтобы домработница Юкико убиралась в моей квартире. Думаю, где бы спрятать крошечные оригами, чтобы Юкико до них не добралась. В конце концов они оказываются в холодильнике, в пустой банке из-под мисо. Я же достаю футон и заваливаюсь спать.

ГЛАВА 8

Меня будит мягкий золотистый свет, проникающий сквозь бумажные окна – сёдзи. Завариваю чай и выхожу на улицу, поглядеть, что за волшебные превращения произошли с моим маленьким огородиком за ночь. Сегодня взошли огурцы. Ноготки еще только распускаются, но вот ипомея уже вовсю цветет пурпурным цветом. Морковку скоро надо будет прореживать, а помидоры уже сравнялись с соседскими, Я беру шланг, поливаю почву и обложенные кирпичом клумбы, сбрызгиваю листья, и те тяжелеют и сверкают в утреннем свете. Закончив с поливкой, раздвигаю бумажные окна – и ветерок, покружившись над влажными темными листьями, врывается в гостиную. Архитектура японских домов открыта всем ветрам, максимально гармонирует с природным миром. Сёдзи пропускают свет и легко снимаются. Японский дом больше напоминает корабль: можно убрать окна и открыть ставни и, как под парусом, переплывать от одного времени года к другому.

Я погружаюсь в тяжеленный том по японской истории XVI века, но все время прислушиваюсь к Юкико. Несмотря на мои самые лучшие намерения, наши отношения медленно, но верно ухудшаются. Мы словно играем в кошки-мышки: если я читаю на диване и слышу ее шаги, то тут же сажусь за компьютер – чтение на диване, по мнению Юкико, не является подобающим дневным занятием. Если накануне я занималась допоздна и мне хочется вздремнуть, то приходится сворачиваться калачиком на виниловом полу в кухне – только там она не сможет меня увидеть, заглянув в окно или в дверь. Когда я ухожу, она часто проводит инспекцию в квартире: не завалялся ли случайно кусочек бумаги в мусорном ведре для пластика? Ровно ли сложены рубашки? Рассортировала ли я вилки и ложки по нужным ящикам?

Ее неустанный надзор имеет действие. Впервые в жизни я чувствую себя виноватой из-за того, что поставила рулон туалетной бумаги лицом к стене. По правде говоря, до недавнего времени я и не знала, что у туалетной бумаги есть лицо и есть оборотная сторона. Меня возмущает, что я должна мучиться из-за таких мелочей, поэтому я из принципа кладу рулон не так, как надо, а потом весь день терзаюсь, что Юкико его увидит. Поэтому я стараюсь как можно скорее использовать бумагу и надеюсь, что со следующим рулоном мне повезет больше.

Но больше всего она свирепеет из-за кухни. У меня на полках столько посуды, что можно накрыть стол для целого войска.

Сотни крошечных тарелочек из хрусталя и прозрачного фарфора. Я так боюсь уронить одну из них, что с самого приезда не доставала их из шкафа, а ем из пластиковых контейнеров, которые нашла под раковиной. На прошлой неделе Юкико увидела, как я ем кусок тофу с пластиковой крышки при помощи карманного ножа. Она молча ушла и через минуту принесла нормальный японский нож для еды. Я поблагодарила ее и положила нож в сушку – пусть думает, что я пользуюсь им каждый день. А карманный нож убрала в карман – так ребенок, которому родители запретили заводить животных, прячет котенка, принесенного с улицы. Теперь я быстро могу его достать и еще быстрее – спрятать.

С моим огородиком творится что-то неладное. В печали рассматриваю последний из выживших помидорных кустиков. Длинный и тонкий, он поражен какой-то ползучей гнилью. Утром нашла в кустах редиски 33 гусеницы. Юкико не разрешает пользоваться пестицидами – приходится собирать их палочками для еды и бросать в соседский двор. Листьев у редиски осталось немного, и им едва удается снабжать растение хлорофиллом. Корни под землей стали твердыми, как дерево. Баклажанов почти не видно за мощным роем белых мух. Каждую ночь неизвестное мне насекомое прорывает борозду в многострадальной морковной грядке. Утром натыкаюсь на обезображенные саженцы: они как деревца, порубленные дровосеком-карликом.

Страдают не только растения. С приходом сезона дождей налетели тучи москитов. Они садятся на бумажные окна и в поисках крови вонзают в дырочки голодные жальца. Каждый вечер я поливаюсь репеллентом, беру маленькую ручную щеточку и опускаюсь на колени, чтобы фут за футом чистить садовую дорожку. Мне нравятся природные цвета обожженного вручную кирпича: оранжевый и желтый.

Не знаю, отчего этот садик так важен для меня. Может, потому, что растения, пусть полуживые, в какой-то мере стали моими друзьями? Сад – это место покоя, мое убежище.

«Карин!» – кричит Юкико. Я кладу щетку, мою руки и карабкаюсь по лестнице.

«Постриги, пожалуйста, лужайку», – она протягивает мне ржавые ножницы. Какую лужайку? Взяв ножницы, отправляюсь на ее поиски. Наш садик не больше гаража на 2 машины. Дважды обхожу дом и, наконец отчаявшись, спрашиваю Юкико. Та показывает на лоскуток сухой травы рядом с клумбой примерно в 2 квадратных фута.

Склонившись над клочком неухоженной травы, стараюсь не

дать волю злости. У меня такое чувство, будто последние 3 месяца меня пытались исправить – научить, как правильно жить, путешествовать, думать, готовить, есть, держать тарелку, спать, пить и говорить «спасибо». Как будто мне опять 6 лет и я живу по чужому, сложному и непонятному кодексу правил.

Ложусь на землю, чтобы лучше видеть траву. Щека касается прохладных кирпичей; чувствую запах свежевспаханной земли. Тупые ножницы срезают слой за слоем; длинные сухие травинки падают на землю. Постепенно выстригаю аккуратный квадратик травы, освобождая молодые побеги, прятавшиеся под шапкой длинных стеблей-переростков.

Приехав в Японию, я все воображала, что у меня появится мастер, учитель, ради которого я могла бы совершать геркулесовы подвиги самодисциплины, чтобы завоевать его уважение и право зваться учеником Я-то думала, что моим наставником будет Гэндзи, но теперь понимаю, что ошиблась.

Им стала Юкико.

«Ты хочешь замуж?».

Мы с Юкико сидим за кухонным столом и готовим начинку из мелко нарезанной говядины и овощей для ее фирменных пельменей. На этот вопрос есть лишь один правильный ответ, но за ним неизбежно последует проповедь, которую я больше не хочу слышать. Конечно, хочу. Если ответить так, моя жизнь станет невыносимой.

«Если он будет любить меня по-настоящему, – осторожно начинаю я, – ему будет не так уж важно, что я не очень хорошо готовлю».

«Может, сначала и нет, но через два-три года его сердце остынет». – Она говорит с абсолютной уверенностью.

«Может, я сумею найти человека, который полюбит меня за другие качества».

«Нет».

Через час слышу за дверью ее шаги. Постучавшись для вида, она не дожидается ответа и уверенно заходит в мою квартиру.

«Я еду в Нидерланды на восемь дней повидаться с братом», – объявляет она.

«Восемь дней! Мы будем скучать», – отвечаю я.

Она достает лист бумаги, где от руки нарисован календарик и написано много слов большими печатными буквами. «Каждый вечер ты будешь готовить ужин к приходу Гэндзи», – сообщает она.

Мои ноги холодеют, а в животе все переворачивается.

Кулинария Юкико – это целое искусство. Даже в обычный день на обеденном столе столько всяких тарелочек, что скатерти почти не видно. К пище в доме Танака относятся серьезно, как к колебаниям на фондовом рынке.

«Юкико, я не смогу. Я не могу даже прочитать надписи на упаковках в супермаркете!»

«У тебя есть словарь».

«А Дзюнко? Наверняка у нее лучше получится».

«У Дзюнко, – тут Юкико замолкает, чтобы до меня лучше дошло, – есть работа».

«А не может Гэндзи ужинать в офисной столовой? – в панике спрашиваю я. – Наверняка там готовят намного лучше».

«Гэндзи это не подходит».

Ах так. Зато это подходит мне – глядишь, и я однажды смогу заполучить мужа.

Меня ждет катастрофа.

Юкико продолжает показывать мне свой график, но я в глубоком шоке и не могу протестовать. Каждым утром в 9 часов я должна быть дома: приходит курьер из химчистки После обеда – еще несколько курьеров. Цветы на втором этаже нужно поливать каждый день, ни в коем случае не пролив ни капли на мебель. Мусор вывозят по средам и субботам, поэтому его нужно вынести к 6 утра – но ни в коем случае не накануне вечером Утром во вторник я должна пойти в гости к подруге Юкико, которая научит меня готовить те самые пельмени с мясом – на их приготовление уходит 6 часов, и нельзя использовать полуфабрикаты. В среду я должна сопровождать Гэндзи на ужин к друзьям семьи. Их сын хочет прийти к нам в следующие выходные. Буду ли я дома?

«Нет, – еле слышно отвечаю я. – У меня работа».

Все, что угодно, лишь бы не готовить для выводка придирчивых родственников Юкико, пытаясь хотя бы отдаленно достичь ее кулинарного уровня.

Она уходит, а я так и стою в оцепенении.

«Ты должна сделать так, как она говорит», – заявляет Роберто.

«Но будет гораздо лучше, если Дзюнко…»

«Не важно, как по-твоему лучше. Юкико – твоя старшая. Ты должна делать все, как она говорит».

Он, конечно, прав, хотя моя душа и восстает против этого всеми фибрами. Для меня нет ничего важнее свободы и равенства. Но в Японии вся жизнь базируется на иерархии, так уж сложилось веками. Японцы научились верить, что у каждого в жизни есть свое место. Они стали зависимыми от чувства

безопасности, которое приносит иерархический общественный порядок. Правильно это или нет, справедливо или нет, ведет ли к обретению личного счастья – все это по большей части не важно. Высшая добродетель – это когда человек осознает свое место в обширной паутине взаимозависимых отношений, из которых и состоит общество.

Эта концепция уходит корнями в японскую историю. В Японии издавна существовала четкая кастовая и классовая структура, но в 1603 году одному человеку удалось объединить страну и создать общество строгой иерархии, просуществовавшее 250 лет. Это был сёгун Иэясу Токугава. Установленные им суровые нормы формируют схему общественных отношений в Японии и по сей день.

Токугава поделил общество на 4 класса. Каждая семья должна была обозначать принадлежность к тому или иному классу на входной двери своего дома. Всем японцам предписывалось жить в соответствии с местом, занимаемым в иерархии. Высшую ступень занимали самураи, военная элита. Далее следовали земледельцы, опора общества, – они находились под суровым контролем и платили непомерные налоги. Торговцы разместились ступенью ниже – они ничего не производили, и потому их считали за паразитов. Деклассированные элементы располагались в самом низу. Нищие, слепые, неприкасаемые – их совсем не считали за людей, не учитывали даже в ежегодной переписи населения.

С прошествием времени сёгунат (правительство) Тогукавы взял под контроль все аспекты повседневной жизни. Крестьянам чаще всего не разрешали есть рис, выращиваемый их собственными руками, – только кормовое зерно и просо. Десятники могли носить платье из грубого шелка, но простым земледельцам приходилось довольствоваться одеждой из льна и хлопка. Одежда из красных и розовых тканей, а также узорчатая считалась табу. Даже размер стежков регулировался правилами. Земледельцам разрешалось использовать седло для верховой езды, но запрещалось подстеливать одеяло. Существовали особые законы, регулировавшие расходы: они определяли, в каких домах могут жить граждане, сколько денег им позволено потратить на похороны и какого размера зонтик им разрешено иметь

В оправдание железной системы контроля за обществом сёгун приводил учение Конфуция, в котором огромный упор делается на правильное поведение и послушание. В конфуцианстве все человеческие отношения делятся на 5 типов: правитель/подчиненный, отец/сын, муж/жена, старший брат/младший брат, друзья. Для поддержания порядка в этих отношениях должны

соблюдаться определенные правила. Долг каждого гражданина – смириться со своим положением, принять его с достоинством и беспрекословно подчиняться старшим по рангу.

После правления Токугавы 250 лет Япония провела вне времени. Технический прогресс и изобретения были запрещены законом, общество заморозилось на уровне XVII века. Контакты с внешним миром запрещались и карались смертной казнью. Мельчайшие аспекты жизни были предопределены и 2,5 века оставались неизменными. Это общество не знало свободы, но обретало успокоение и защищенность в системе, где каждый знал, что от него требуется. Земледельцы возделывали землю, в точности как когда-то их деды, носили ту же одежду и подчинялись тем же правилам. Одно поколение сменяло другое, и постепенно иерархия и структура вошли в саму ткань общества, сплелись с ним воедино.

В 1868 году сёгунат был свергнут, а классовая система отменена. Бывшие самураи обрезали свои хвостики, надели деловые костюмы и вступили в новое правительство. И создавая современное государство, они руководствовались ценностями, усвоенными с детства: все та же преданность старшим, почтительное отношение к власти, иерархическая структура, строго формализованная система поведения, знание своего места в социальном ряду. Какие бы невероятные изменения ни произошли с Японией за прошедшие почти 140 лет, в основе этого общества до сих пор лежит милитаристская этика. На автобусной остановке люди выстраиваются в ровную очередь. Поезда всегда приходят по расписанию. Таксисты носят белые перчатки и ревностно следят за чистотой своих автомобилей. Дети послушны, как ангелы. Все пешеходы терпеливо ждут, пока зажжется зеленый свет. А когда у старшего по рангу есть для тебя поручение, его следует выполнять беспрекословно.

«Если ты хочешь стать настоящей японкой, то должна научиться страдать, – говорит Роберто. – Ты должна понять, что такое дисциплина и терпение».

Терпением я никогда не отличалась, но если это под силу японцам, то чем я хуже? И вот я иду домой искать рецепты.

«Не забудь поблагодарить ее письменно», – кричит мне вслед Роберто.

Должно быть, Юкико услышала страх в моем голосе или ей просто стало жаль Гэндзи и его вкусовые клетки, но ее суровое меню претерпело некоторые послабления. В первый вечер мне придется приготовить только рис и простой салат из водорослей, а на десерт – фрукты. Просыпаюсь на рассвете и прочесываю

фруктовые прилавки, выбирая плоды без единого изъяна, словно сошедшие с натюрморта. Первую порцию риса готовлю на пробу» и когда она выходит чуть недоваренной, запускаю рисоварку во второй раз. В полдень бегу в супермаркет за углом купить пакет с водорослями.

Вернувшись домой, разрываю пакет. Всю квартиру тут же пропитывает вонь – так пахнет выброшенная на берег тухлятина. В пакете еще один маленький пакет, который я сперва приняла за приправу, и только потом заметила, что на нем большими и, слава богу, английскими буквами написано: «Не предназначено в пищу». Выкидываю пакетик Водоросли ужасно соленые и совершенно несъедобные на вид. Кладу их в большую миску и замачиваю, часто меняя воду. Водоросли разбухают и увеличиваются сначала вдвое, потом вчетверо. Вкус у них такой, словно они несколько месяцев пролежали на дне лодки. Может, их полагается варить с соевым соусом? Кладу половину водорослей в сковородку, щедро поливаю соусом и оставляю тушиться. Через полчаса вся квартира пахнет, как склизкая гнилая жижа доисторического болота. Пробую водоросли. Они ужасны. Может, их надо класть в мисо-суп? Кладу половину водорослей из сковороды в кастрюлю побольше (они все продолжают раздуваться, как какой-то болотный монстр) и добавляю несколько столовых ложек мисо. Наконец вкус мисо перебивает запах водорослей, и их уже можно прожевать… хотя, если честно, без водорослей это блюдо было бы намного лучше, а с кубиками тофу – еще лучше.

Когда Гэндзи приходит домой, решаю с ним проконсультироваться и выношу полмиски сырых водорослей. Гэндзи, добрейшей души человек, обладает удивительными интеллектуальными способностями, но кухня – не его стихия. Ему надо несколько минут, чтобы понять, как работает нагреватель для воды. Мы вместе смотрим на обмякшие водоросли. Потом он предлагает положить их в мисо-суп. В конце концов он говорит, что лучше спросить Дзюнко. Водоросли отправляются в мой холодильник.

Я знаю, что Дзюнко вернется домой только в час ночи, а мне в 5 вставать. Вывоз мусора только в среду, но 2 дня с этой вонью я не проживу. Зажигаю ароматические палочки, собираю водоросли и иду на пляж Там, убедившись, что на меня никто не смотрит, отпускаю их на свободу.

По пути домой понимаю, что у меня нет выбора: придется попросить о помощи Дзюнко. К сожалению, моя «сестричка» готовит лишь по принуждению, а домашними делами не станет заниматься даже в случае смертельной необходимости. Да и

зачем ей это, если мать встает спозаранку и готовит ей завтрак, стирает белье, чистит ботинки и стелит постель. Дзюнко обычно приходит домой не раньше полуночи, по выходным спит до полудня, а к часу опять едет в Токио. Вряд ли ее обрадует моя просьба.

Но даже она не сможет проигнорировать просьбу человека, который оплачивает ее счета. По дороге в школу дзюдо я робко говорю Гэндзи, что помощь Дзюнко мне бы пригодилась, особенно упирая на то, что этот опыт будет для нее весьма ценным после помолвки.

Вечером следующего дня ранней электричкой приезжает явно недовольная Дзюнко. Садимся за кухонный стол и штудируем кулинарные книги.

«Надо приготовить западную еду», – заявляет она.

«Конечно, – с радостью соглашаюсь я. – Наверняка западные рецепты не такие сложные и более доступные».

Дзюнко улыбается, и я понимаю, как хитро она меня обманула: «западная» кухня – это значит, главные блюда придется готовить мне. Скачиваю из Интернета рецепты, прикидываю, найдутся ли нужные продукты в местном супермаркете, и надеюсь, что все будет хорошо.

В магазине не оказывается сметаны. Ну ничего, возьмем обычные сливки и немного лимонного сока. Не сезон для свежих грибов? Сойдут и сушеные, надо только подольше их вымачивать. Гэндзи пьет пиво, а мы натыкаемся друг на друга на крошечной кухне. Чтобы выглядеть более компетентно, я то и дело достаю из холодильника продукты наугад, а потом кладу их обратно.

Сливочный соус вышел слишком густым, а курица жесткая и похожа на кожаную подметку. Дзюнко ковыряет в тарелке, а когда приходит время убирать со стола, наотрез отказывается помогать. Я мою посуду и ковыляю вниз по лестнице. Юкико наверняка получит полный отчет от дочери и мужа. Я неудачница и снова доказала это.

ГЛАВА 9

В почтовом ящике сообщение. Перечитываю его трижды и бегу вверх по лестнице.

«Моя мама приедет в гости», – выпаливаю я.

Гэндзи искренне рад. Я просто счастлива. Мама приедет на 18 дней. Мы поднимемся высоко в горы и спустимся к внутреннему морю, будем долго гулять вдоль пустынных пляжей и проноситься мимо урбанистических пейзажей на грохочущем сверхскоростном экспрессе… Наконец-то окупятся долгие часы, потраченные на изучение японского. Но самое главное – у меня появится друг.

«Ты должна показать ей Киото, – говорит Гэндзи. – Я знаю несколько хороших отелей. Юкико закажет номер, когда вернется домой».

Я резко возвращаюсь на землю. По меркам Гэндзи, хороший отель – это 1000 долларов за ночь.

«Мы поедем куда глаза глядят, – спешу ответить я. – Мама любит путешествовать без предварительного плана».

«Вы должны лететь самолетом, – неумолимо упирает Гэндзи. – Так быстрее».

«Увы, – вру я, – мы уже купили билеты, придется ехать на электричке».

«Все равно купите билет на самолет, чтобы был выбор».

У мамы от японских цен глаза на лоб полезут и без 800-долларовых билетов на самолет, купленных «на всякий случай»!

«И вы обязательно должны поехать в Осаку. Там очень хорошие рестораны».

«Мама хочет увидеть гончарные деревни», – пытаюсь я увести разговор от шумных городов и дорогущих ресторанов.

Гэндзи задумывается. «Знаменитый фарфор делают в провинции Садума».

У черта на куличках. Я-то думала поехать в Тамбу на электричке.

«Из Киото в Кюсю есть прямой рейс». Кажется, Гэндзи уже мысленно спланировал весь наш маршрут.

«Я поговорю с мамой и спрошу, куда она захочет поехать», – твердо отрезаю я.

Гэндзи кивает, но я знаю – он меня не слышит.

К полуночи эйфория прошла, и я начинаю понимать, в какое ужасное положение меня ставит мамин приезд. Я всегда и во всем слушалась Гэндзи, даже когда он выражал просьбу всего лишь намеком. Он недовольно посмотрел на шоколадку, которую я

жевала после дзюдо, и я вообще перестала есть сладости. Выразил презрение быстро действующим западным пилюлям, и я перешла на традиционную медицину. Но не могу же я попросить маму выбросить на ветер 10000 долларов, потому что Гэндзи пришло в голову посоветовать нам хороший отель. Впервые мне придется ответить «нет» папе-сан.

Дзинсэй Аннай – ежедневная колонка советов в местной газете, японский аналог ответов психолога на письма читателей. Каждое утро я скачиваю ее из Интернета и перевожу за завтраком, якобы чтобы попрактиковаться в японском, но на самом деле, чтобы напомнить себе, что у других людей тоже бывают личные проблемы. Проблемы там встречаются разные: от докучливых соседей до мужей-алкоголиков, пропивающих всю зарплату. Консультанты (их несколько) – очень суровые ребята – редко принимают сторону автора письма. Самый распространенный ответ: «Вы эгоистка и думаете только о себе». Нередко авторов даже пристыгживают: «Понаблюдайте за собой, подумайте, что вы делаете неправильно». В противовес аналогичным советам в американских газетах, где человеку пытаются всячески внушить, что он не виноват в происходящем, японцы считают, что лучше всего признать, что во всем виноваты вы сами и вам от этого очень стыдно.

«Уважаемый консультант» – так начинается первое письмо, в котором женщина жалуется на взрослого сына, который до сих пор живет в ее доме и постоянно влезает в огромные долги. «Должна ли я их оплачивать?» – спрашивает мать. Ответ беспощаден: «Почему вы не привили сыну почтительное отношение к деньгам? Почему не нашли ему жену, которая следила бы за его финансами? Почему, закончив школу, он не поступил на работу?» Последним вопросом консультант нехотя признает, что мать не несет ответственности за долги взрослого сына, по крайней мере, юридически.

Второе письмо пишет 60-летняя женщина. Ее супруг 2 года назад вышел на пенсию, уселся перед телевизором и так с тех пор и не встает. Ей хочется путешествовать и общаться с людьми, но ему это абсолютно не интересно. Я уж приготовилась услышать, как бедную женщину сейчас отчитают, но консультант на удивление мягок: «Вы должны обсудить эту проблему с супругом и уговорами заставить его согласиться», – советует он. Хорошая мысль. Может, применить эту тактику к Гэндзи насчет маминого приезда? Сегодня как раз тренировка, ехать целый час

Когда я наконец встречаюсь с Гэндзи на станции Токио, моя речь уже тщательно отрепетирована. Да, я бесконечно

восхищаюсь тем, как путешествуют японцы. Это очень умно – все планировать заблаговременно. Но все дело в том, что моя мама (я решила свалить вину на нее, так как ее здесь нет) часто передумывает в последний момент, и если мы забронируем места заранее, потом могут возникнуть сложности. Заканчиваю скороговоркой: «Я очень ценю ваши усилия, то, как вы пытаетесь все для нас организовать, но не хочу перечить маме… вот и не знаю, что делать…» Я оставляю фразу незаконченной, как делает Гэндзи, когда хочет отказать мне в просьбе.

«Что ж, – задумчиво произносит он, – если вы сделаете все, как мы скажем, то все будет в порядке».

Поезд приближается к станции. Тут я вдруг вспоминаю, куда мы едем, и в страхе вскидываю на плечо сумку с формой. Это знаменитая Академия дзюдо, известная своими свирепыми инструкторами, жесткими матами и выпускниками, которые регулярно побеждают на соревнованиях.

Когда мы наконец находим школу, оказывается, что тренировка уже началась. Мамы дружелюбно чирикают в коридоре, пока их дети колошматят друг друга в зале. Сэнсэй телосложением похож на пожарный кран, у него круглый лысый череп и пузо, как у снеговика. Он таскает с собой пластиковую бейсбольную биту и не ленится применить ее по назначению, когда кто-то из учеников не оправдывает его ожиданий.

Шагнув на мат, я сразу понимаю, что пропала. Ученики покрупнее сильные, как быки, а те, что поменьше, шныряют, точно колибри. И все как гуттаперчевые, независимо от размера.

Объявляют рандори – 4-минутные бои один на один. Мне предстоит сразиться с 20-летним парнем: тонкий, как кнут, вертлявый, как хорек, и со стальным сосредоточением во взгляде. Все мой мысли о рецептах японской кухни, больных помидорах и спряжении глаголов испаряются в тот самый момент, когда он хватает меня за форму. Рандори – бой беспощадный. Если лишь на секунду ум начнет блуждать, придется потом соскребать себя с земли.

Он делает обманное движение, поворачивается и с кошачьей меткостью бросается ко мне. Я падаю оземь. Мат жесткий, как асфальтовая площадка.

Проходит 2 часа. За это время мне удается повалить лишь одну ученицу – 15-летнюю девочку. Мышцы болят, но тело стало мягким и гибким и уже примирилось с ударами о каменный пол От счастья кружится голова – разве может такое же чувство возникнуть при взгляде на идеально приготовленное блюдо или отполированное серебро? Ведь как-никак именно дзюдо привело меня в Японию.

В конце тренировки все мое недовольство испаряется, как утренняя роса. По дороге домой мы с Гэндзи заходим в дешевый ресторан и берем на двоих тарелку тушеного кальмара и маринованной капусты Мы обсуждаем смену руководства в фирме «Renault», и мне вдруг начинает казаться, что в конце концов все будет хорошо.

Меня будят теплые лучи и невыносимая боль. Не могу поднять голову с подушки. Икры и бедра превратились в горячий камень. Локти саднит. Плечи жжет. Огромные кровоподтеки (по одному над каждой бедренной косточкой) расползаются книзу фиолетовой паутиной. И с чего я взяла, что мой 35-летний организм справится с тренировкой, рассчитанной на 22-летних? Очень осторожно переворачиваюсь на бок и выползаю из кровати, медленно передвигаясь по стеночке.

Сворачивание футона превращается в пытку. Ноги пронзает судорога. В голове пульсирующая боль. Я принимаю ванну, но ничего не помогает.

После обеда приезжает Юкико, бросает чемоданы и немедленно исчезает на кухне. Спустя 2 часа стол накрыт, как для настоящего пиршества. Как ни странно, меня приглашают на ужин. 6 таблеток аспирина – и я ковыляю по лестнице.

Юкико вроде повеселела и выглядит довольной. По сравнению с той Юкико, что села в самолет всего 8 дней назад, – совсем другой человек Она рассказывает, что новенького в Нидерландах, потешается над нашими неуклюжими попытками поддерживать порядок в доме. Неужели я ошиблась на ее счет?

Но утром я выхожу в сад и вижу, что мои баклажаны вырваны с корнями и бесцеремонно свалены в кучу у стены. Весь садик точно выскребли гигантской щеткой. Оранжевые кирпичики, что я так старательно оттирала, запачканы грязью, завалены жухлыми листьями. Позабыв о боли и ноющих мышцах, бегу на второй этаж, перепрыгивая через 3 ступеньки.

«Сегодня приходил садовник», – с каменным лицом заявляет Юкико.

«У вас есть садовник?»

Она невозмутимо кивает. «Он приходит четыре раза в год».

Я выхожу в сад и оцениваю ущерб. Может, он и вправду принял морковь за сорняк? Но ведь исчез и помидорный куст, а редиска покоится под грудой гнилых листьев. Я сажусь на порог и пытаюсь понять, что сделала неправильно. Мне всего лишь хотелось помочь, сделать Танака что-то вроде памятного подарка и стать одной из домашних. Но этот сад принадлежит Юкико. Я должна была молча его поливать, восхищаться тем, что было, и

оставить все как есть.

Что бы мне посоветовали в газете? Признать, что во всем виновата я сама и мне очень стыдно. Я иду к Юкико, рассыпаюсь в пространных извинениях и затем спрашиваю: «Что вы посадите вместо редиски и ноготков?»

«Я подожду твою мать».

Я улыбаюсь: она, наверное, хочет посоветоваться с мамой… хотя… минуточку. «Зачем?».

«Хочу, чтобы она увидела».

Мне на голову точно вылили ведро ледяной воды! «Увидела, что я неудачница?».

Юкико смеется и хлопает меня по плечу. И я впервые вижу всю глубину ее ненависти ко мне.

До маминого приезда всего несколько дней. Меня вызывает Гэндзи, чтобы окончательно утвердить планы и забронировать отели.

«Какие храмы вы планируете осмотреть в Киото?» – спрашивает он

«Смотря сколько у нас останется времени».

«Ты уже забронировала номер?».

«Мы не уверены, когда именно приедем в Киото…»

«Что, если все номера будут заняты?»

«У нас есть палатки».

Молчание.

Так рушится наша дружба.

ГЛАВА 10

Ее лицо мелькает в толпе пассажиров, и на секунду весь мир исчезает: остается лишь это милое, дорогое лицо. Улыбчивое, с морщинками и складочками, такое, каким я его представляла все эти 3 месяца, каждый день. Я бегу к ней, я впитываю каждую секунду: вот она прижимается ко мне щекой, обнимает меня… Приветствие затягивается неприлично долго – и вот я нехотя отпускаю маму, и мы идем знакомиться с сияющим Гэндзи.

В машине выпытываю новости из дома: для меня каждая мелочь представляет ценность, сравнимую с ценностью драгоценного камня. Запоминаю всё: что, как не эти воспоминания, будет греть меня в предутренние часы, когда в груди саднит от одиночества? Много ли белок в этом году? Как растут наши азалии? Хорошо ли продается мамина посуда? Я вдруг вижу, что после 18-часового перелета мама едва держится на ногах. И меня наполняет ужас. Юкико готовила весь день – стол ломится от десятков блюд, а грозит обернуться многочасовым марафоном.

Когда мамины сумки наконец доставлены в квартиру, я принимаю решение.

«Давай я скажу, что ты устала и не будешь ужинать», – прошу я маму. Я понимаю, что Танака будут очень недовольны: даже когда из Нидерландов приехала мама Юкико, которой 88 лет, ей пришлось отсидеть весь ужин до конца. Но глядя на темные круги у мамы под глазами, я готова пойти им наперекор, чего раньше не замечалось

Но мама качает головой. «Ничего. Я справлюсь», – тихо говорит она и медленно преодолевает ступеньки.

Она привезла подарки: домашний хлеб и красивую посуду, сделанную в студии своими руками. Увидев хлеб, Юкико тут же растаяла. И вот они с мамой заводят разговор о сахаре, тесте и преимуществах закваски в сравнении с обычными дрожжами. Не проходит и минуты, как маме удается наладить теплые отношения с женщиной, с которой я не могу нормально общаться и по прошествии месяцев.

И все же, глядя на них, трудно поверить, что они поладят. У мамы мягкие седые волосы, коротко подстриженные и небрежно вьющиеся от природы. Она любит яхты и свой большой сад – обветренное лицо и поломанные ногти тому свидетельство. Мама подолгу сидит за гончарным кругом, придавая глине изящные плавные формы, и оттого ее руки стали крепкими и мускулистыми. Она поменьше Юкико и немножко сутулится,

позволяя возрасту взять свое. Ее фигуру нельзя назвать безупречной.

Юкико же всего на 10 лет моложе, но она держит себя в образцовой форме от корней волос до кончиков ногтей на ногах. Она стройная и одета всегда идеально. Если Юкико вдруг встанет неподвижно посреди торгового центра, все подумают, что это манекен. Мне кажется, в глубине души маме ее жаль, а Юкико, в свою очередь, жаль маму.

Мы передаем друг другу угощения, а я наблюдаю за Танака и мамой. Мама ведет себя скромно, но, когда нужно, посмеивается над шутками Гэндзи, с ловкостью профессионала орудует палочками и, в отличие от меня, даже не думает макать тофу в соевый соус. Свод правил Юкико с его подводными камнями дается ей почти инстинктивно. Я и горжусь ею, и немного завидую.

На следующий вечер Гэндзи зовет нас в традиционный ресторан. На протяжении всего ужина Юкико не спускает с нас глаз, наблюдая, как непринужденно мы держимся друг с другом. Мне бы хотелось узнать ее мысли. Может, она считает, что мне следует вести себя поуважительнее, а маме – построже? Или думает о Дзюнко, которая проводит время с родителями лишь потому, что они платят по счетам?

Дома мы с мамой шепотом обсуждаем наши планы. Хотя при Танака я виду не подавала, но на самом деле уже несколько недель назад спланировала идеальный маршрут. Мы обойдем стороной обычную туристическую программу, шумные улицы и бары центрального Токио и храмы старого Киото, похожие один на другой. Вместо этого я запланировала поход по горам, прогулки по пляжам с черным песком по берегам внутреннего моря, самурайский фестиваль и, наконец, деревенский отдых в японской глубинке, где жизнь остается неизменной уже несколько веков. Предлагаю маме еще с десяток вариантов на выбор, но она довольна всеми моими планами. Кажется, что ей не столько хочется посмотреть Японию, сколько попутешествовать вместе со мной.

Моя мама родилась и выросла в Африке. В подростковом возрасте у нее проснулся ненасытный аппетит к экзотике, которому она всячески потакала, исколесив весь мир – от холмистой Лапландии до пиков Килиманджаро. Потом вышла замуж, родила детей, и любимый рюкзак пришлось убрать на полку. Но любовь к далеким странам так и не удалось искоренить. Теперь она осваивает мир через мои письма и фильмы – именно от нее мне передалось увлечение незнакомой культурой. Страсть к путешествиям объединяла нас с самого

раннего моего детства, как только я начала понимать ее рассказы о танзанийских крокодилах и полчищах саранчи.

Папа не разделяет маминой любви к самостоятельным путешествиям и страшно нервничает, представляя, как в далекой чужой стране с ней что-нибудь случится. Я звала ее и во Вьетнам, и в Перу, и на Амазонку. И каждый раз он уговаривал ее не ехать. Но Япония как-никак самая безопасная страна в мире. И на этот раз папа нехотя согласился.

Надеваем рюкзаки, прощаемся с Танака и взбираемся по лестнице на платформу. Наш поезд идет в Тамбу – одно из 6 древнейших гончарных поселений в Японии, находящееся всего в каких-то 230 милях к западу от Токио.

В полдень выходим на маленькой деревенской станции. Солнце бьет в глаза. Иду на разведку к автобусному терминалу: 5 автобусов выстроились в ряд, но лишь в одном есть водитель. Он открывает дверь, и меня окатывает поток чудесного прохладного воздуха, словно никакой июльской жары нет и в помине. Да, он едет в деревню Тамба. Автобус отправляется через 50 минут. Нет, внутри подождать нельзя, это запрещено правилами. Посадка не ранее чем за 12 минут до отправки. Дверь безапелляционно захлопывается прямо у меня перед носом. Влажный воздух снова раскидывает свои удушающие объятия. Возвращаюсь к маме, бурча под нос все, что думаю о людях, которые живут строго по правилам, и о водителях автобусов в частности. Мы гуляем вокруг станции, пока наконец не находим тень. Там мы и садимся, и сидим как можно более неподвижно, потея в три ручья.

Вокруг совсем нет жизни, как будто цикада расправила крылышки и улетела, оставив за собой лишь сухую оболочку. Дома цвета древесной пыли, окон нигде не видно – ни одного цветного пятнышка на радость глазу. Мухи такие сонные, что их можно ловить двумя пальцами, и, кажется, что единственное живое существо в округе – старый серый кот, разлегшийся в центре площади. Весь поселок покрыт густым слоем пыли точно такого же цвета, как и дома, точно невидимые термиты постепенно истачивают город изнутри, превращая его в древесную стружку.

Отсчитываю последние 4 минуты до посадки – и тут вдруг из-за угла выезжает автобус и останавливается прямо перед нами. Дверь с шипением открывается. Водитель с улыбкой зовет нас на посадку. Ему, видите ли, было жалко смотреть, как мы жаримся на солнце, вот он и нарушил правила и решил пустить нас пораньше.

Вслед за нами садятся еще несколько пассажиров, и тут я понимаю, как далеко мы отъехали от Токио. Мы в *ура-но Нихон* – «задней части» Японии. Здесь седые волосы – не моветон, вещи подвязывают в котомки и носят удобную обувь. Пассажиры – все сплошь пожилые женщины – кивают и здороваются, прежде чем занять места. Они раздают друг другу мандарины, снимают шкурку ровной спиралью и невозмутимо выплевывают косточки в окно.

Едва мы снялись с места, как водитель подзывает меня по громкоговорителю. Показываю ему билеты, но он на них даже не смотрит. Он хочет узнать, куда мы едем, что хотим посмотреть, собираемся ли переночевать в Тамбе, и кто нас там встретит. Он с гордостью использует все слова, которые удается вспомнить со школьного курса английского. Мои ответы он переводит через громкоговоритель – для удобства туговатых на ухо и пассажиров на заднем ряду; Сморщенные бабульки покряхтывают от смеха и дарят маме ярко-оранжевые мандарины.

Водитель решает высадить нас у гончарного музея Тамбы, прежде спросив совета у пассажиров и удостоверившись, что у меня есть расписание обратных автобусов и я знаю, где остановка. Наконец автобус трогается с места. Мы машем вслед. Из окон смотрят дружелюбные улыбчивые лица, а в воздухе висит запах свежих мандаринов.

Хозяйка музея с порога предлагает зеленый чай. Она приходит в ужас, узнав, что мы не забронировали жилье. Кажется, по японским меркам, мы повели себя глубоко безответственно – как если бы собрались взойти на Эверест безо всякою снаряжения, в одних кроссовках и майках. Мы осматриваем экспонаты, а хозяйка тем временем говорит по телефону, и среди прочего я слышу фразу: «Здесь у нас мастер-гончар из Америки».

Спустя некоторое время приезжает молодой человек на новеньком блестящем джипе и вызывается стать нашим гидом. Его зовут Итиносэки-сан, и он принадлежит к одной из тринадцати местных семей, у которых общий плодовитый предок, фамилия и любимое дело – гончарное ремесло. Итиносэки 28 лет, он закончил университет и теперь должен унаследовать одну из знаменитых гончарных студий Тамбы.

В шумной студии на свет появляются сотни одинаковых мисочек и тарелок. На полках под потолком сохнут бесконечные ряды подносов с чашечками для саке. Учуяв залах глины, мама тут же возвращается к жизни. Итиносэки-сан бесстрашно оперирует специальными гончарными терминами: уровень усыхания, температура конуса. Я наблюдаю за ним, стоя у печи для обжига. У него хрупкие тонкие пальцы, ни одной

растрескавшейся мозоли, которыми обычно покрыты руки мастеров, весь день проводящих за гончарным кругом. И все же он знает о глине и глазури все до последней мелочи, что под силу только опытному ремесленнику.

«А сами вы делаете посуду?» – спрашиваю я.

Подумав немного, Итиносэки ведет нас в боковую комнатку рядом со студией. Там стоят большие современные скульптуры, от которых словно исходит мягкое свечение. Они покрыты оранжевой глазурью с рисунком из завитков, созданных горячим пламенем печи. Поддавшись нашим пытливым расспросам, Итиносэки наконец рассказывает, что его скульптуры участвовали в двух выставках и выиграли несколько наград. В мире современного гончарного искусства Итиносэки-сан знают не понаслышке.

Но в Тамбе делают керамику периода правления Токугавы – этот стиль возник несколько столетий назад. Современному авангардному художнику здесь делать нечего.

«Когда мне исполнится тридцать, – без сожаления заявляет Итиносэки, – я вернусь сюда и стану хозяином магазина и студии». То есть забудет мечты о карьере современного художника и по собственной воле впряжется в ярмо. Исполнит свой долг перед предками и традициями, в духе которых воспитывался с рождения.

Я восхищена готовностью Итиносэки принести личные стремления на алтарь общего блага. Но глядя на его прекрасные скульптуры, невольно задумываюсь, не совершает ли он ужасную ошибку Итиносэки привозит нас в единственную местную гостиницу – традиционный риокан. Он позвонил заранее и предупредил, что мы приедем. Из обрывков телефонного разговора становится ясно, что хозяйка не в восторге от того, что у нее должны остановиться варвары-чужестранцы. Что, если мы забудем снять обувь у порога или окажется, что мы не умеем пользоваться палочками либо не хотим есть японскую еду? Или – что может быть хуже – залезем в ванну, не отмывшись сперва хорошенько щеткой?

Хозяйке лет 80, она худощавая и прямая, как доска, а глазки узкие и наблюдательные. Она следит за тем, чтобы мы сняли обувь, и в гробовом молчании проводит нас наверх, в спальню с татами. Комната совершенно пустая, здесь сыро от запустения и жарко, как в гончарной печи. Стоит только хозяйке скрыться за углом, как мы бросаем рюкзаки и выбегаем на улицу.

У выхода из комнаты висит деревянная гравюра XVIII века: изумрудно-зеленые рисовые террасы, а вдали – крутые горы, очерченные резкими контурами и поднимающиеся к самому небу.

Улицы в деревне такие узкие, что здесь едва проедет одна машина. По обе стороны – большие деревянные дома с почерневшими от времени кедровыми кровлями. Широко распахнутые дверки окна приманивают слабый летний ветерок. Двери заклеены полосками скотча, который местами отходит – это чьи-то неосторожные детские пальчики порвали бумагу в пылу давно позабытой игры.

Высокие крутые крыши выложены вековой черепицей, обожженной в сосновых иглах. От этого черепичины становятся блестящими и твердыми, как камень. Там, где давно могли бы быть автоматы по торговле сигаретами, все еще стоят домики духов с подношениями в виде риса и апельсинов. Стены выложены из кирпича вручную, неровные ступени ведут в спрятанные в глубине двора огороды. И повсюду цветы – в корзинах на окнах, вдоль дорожек, в горшках из знаменитой керамики Тамбы, которыми заставлено почти каждое крыльцо.

Это Япония моих снов.

Наутро, ровно в 6, в комнату заходит хозяйка и объявляет, что внизу накрыт завтрак Она интересуется, будем ли мы есть японскую еду, и если нет, она может приготовить американский омлет.

Я марширую вниз, намереваясь разрушить ее стереотипы об иностранцах и есть все до последней крошки. На столе сушеная ставрида, запеченная на гриле, – жесткая, как опилки, вымоченные в клею; маринованный редис и водоросли; рис, чай и соевый соус; и напоследок… Мое сердце замирает… Две порции *натто*.

Натто – популярная японская закуска, которая готовится из ферментированных соевых бобов. У нее одновременно кислый и горький вкус. Она похожа на нечто, найденное в давно забытом пластиковом контейнере во время инвентаризации холодильника. Натто – прекрасная еда для небогатого путешественника: стоит дешево и продается в любом супермаркете. Это такая питательная штука, что даже русские космонавты брали ее в ранние экспедиции корабля «Союз». Живые бактерии в натто даже полезнее, чем в йогуртах, и способны прожить в человеческом желудке в 3 раза дольше.

Но больше всего меня убивает не вкус натто, а его консистенция. Она похожа на свежие комковатые сопли, которые все время просачиваются между палочками, как пиявки, выскальзывающие из рук. В рейтинге моих нелюбимых блюд натто стоит как раз между вареными морскими слизняками и кровяным супом.

У меня язык не поворачивается просить маму съесть ее порцию. И вот я открываю рот, закрываю глаза и забрасываю содержимое обеих тарелок прямо в глотку.

Хозяйка заходит и видит наши почти пустые тарелки. Я самодовольно улыбаюсь.

Она достает 2 яйца и тычет ими мне в лицо. «Сырое или жареное?» – ее глазки злобно поблескивают.

Сырое яйцо, разбитое в большую миску с рисом и хорошенько перемешанное для вкуса: в моем рейтинге это второе по отвратительности блюдо традиционного японского завтрака. У меня все горло склеилось от мерзкого кислого натто, и я понимаю, что проиграла.

«Жареное».

8 утра, а уже 82 градуса*, и столбик термометра все ползет и ползет вверх. Наш номер пахнет, как кусок заплесневелого сыра, попавший на фабрику по переработке токсичных отходов. Хозяйка караулит в коридоре, как стервятник, – ждет, когда мы уйдем. Мы с мамой совещаемся и приходим к единогласному решению. Не проходит и 10 минут, как мы пакуем вещи и отправляемся в сторону пляжей.

Наш путь лежит в прибрежный городок Увадзима на острове Сикоку. К обеду прибываем на место, и нас встречает Иноуэ-сан, давний друг Танака. Иноуэ можно дать и 40, и 60. У него глубокие добрые морщинки вокруг глаз и очень красивое лицо. В Увадзиме он является чем-то вроде крестного отца – сидит в самом центре паутины *каси*, раскинувшейся по окрестностям. Иноуэ передает нас на попечение одного из своих подчиненных. Не успеваю опомниться – и вот мы уже едем в кузове грузовичка, на всех парах летящего вдоль побережья.

_____

* По Фаренгейту, что соответствует 28 градусам по Цельсию.

_____

Останавливаемся у буддийского храма. У крыльца аккуратным рядком выстроились 2 десятка женских шлепанцев. Их хозяйки внутри, сидят на устеленном татами полу, и у каждой в бумажном кулечке горстка сладких и соленых крекеров. Нас приглашают войти, точно мы старинные друзья. Все это очень напоминает американскую «пижамную вечеринку»: совершенно пустая комната и у всех очень довольный вид.

В Японии маленькие деревенские храмы – не просто место совершения религиозных обрядов. Это сердце и душа сообщества, как церкви в южных штатах США. Храмовые служащие доставляют рисовые фрикадельки и мисо-суп приболевшим

соседям, заведуют всеми церемониями – от праздников до похорон, ухаживают за престарелыми. А встреченные нами в храме старушки расторопны и активны, как дети, все время смеются, внимательно слушают друг друга и с необычайной энергией размахивают веерами. Средний возраст присутствующих – 76 лет. Почти все вдовы. И что самое удивительное – эти старушки собрали команду по гейтболу и стали местными чемпионами.

Что такое гейтбол? Оказывается, что-то вроде крокета, только в быстром темпе. Играют на площадке из утоптанного песка. Продолжительность одного матча 15 минут. Может, и мы хотим попробовать?

Водитель хочет ехать дальше. Даю ему взятку в виде ледяного кофе. Старушки начинают тихонько над ним подтрунировать, и в конце концов он со смехом соглашается. Оказывается, его мама тоже в команде.

Старушки берут кулечки и охотно бросают все дневные дела ради игры. Со стороны кажется, что жизнь, распорядок которой наладили они сами, их полностью устраивает, и они рады компании друг друга. Они осторожно встают и, вместо посоха, облокотившись друг о друга, спускаются по храмовой лестнице, нагибаются и помогают друг другу надеть удобные шлепанцы.

У самой площадки для гейтбола небосвод вдруг рассекает молния, и на землю обрушивается сплошной поток серого дождя. Я с грустью смотрю в окно, но тут замечаю, что старушки радостно напяливают дождевики и пластиковые штаны. Они ждут, пока кончится самый сильный ливень, вырывают в песке траншеи, чтобы спустить воду, и кладут пенопласт на те лужицы, что упрямо не хотят сливаться. Кто вытащит короткую палочку для еды – тот начинает первым. Бабульки устанавливают таймер и, как стадо саранчи, кидаются на площадку.

Первый мяч уже трижды попал в ворота, и я понимаю, что быть мне с позором разгромленной. Старушенции явно чувствуют себя в своей тарелке, не делают никаких послаблений, не волочат ноги, а по-настоящему бегают. Перехватив мяч, со всей мочи припускают к воротам. Я не просто опозорюсь, а опозорю всю команду!

Решаю сжульничать. Если меня поймают, да будет так. Вырываю в песке канавку, чтобы легко развернуть мячик Подталкиваю его, когда он катится слишком медленно. Если бы Юкико сейчас меня видела, то навек отлучила бы от приличного общества Тихонько смотрю через плечо – как отреагируют мои бабульки?

Те смеются надо мной, согнувшись пополам и облокотившись

о клюшки, чтобы не упасть. Прищелкивают языками, трясут головой и прикрывают золотые зубы ладонями со вздувшимися венами. Их улыбчивые лица такие добрые, что мне вдруг вообще не хочется никуда уезжать.

Спустя 3 матча водитель силой вырывает у меня клюшку. Мы едем высоко в горы, где в конце длинной проселочной дороги стоит одинокий фермерский дом. Представив нас хозяину, водитель садится в грузовичок и уезжает.

Ямасита-сан, наш новый хозяин, достает из колодца арбуз и отрезает ледяной ломтик. Ему 40 с небольшим, он никогда не был женат и живет в доме родителей. Сестра тоже не замужем и живет здесь постоянно, а 5 дней в неделю работает секретарем в соседнем городе. Родителям уже под 80, они ухаживают за садом и фруктовыми деревьями, которые растут за домом.

Ямасита знакомит нас с матерью. Эта крошечная женщина, похожая на гномика из детской сказки, – едва мне по плечо. На ней широкие штаны и маленький небесно-голубой чепчик. Каждую минуту у нее находится занятие: то белье развесить, то лука для обеда накопать, то раковину почистить. У нее стальные мышцы, но кожа тонкая, как нежнейший пергамент: стоит прикоснуться – и останется синяк. Такие женщины, увидев, что пошел дождь, снимают соседское белье, аккуратно складывают его и оставляют на пороге – как невидимые добрые феи.

Госпожа Ямасита до сих пор живет понятиями послевоенного поколения. Хотя у ее сына навороченный автомобиль, сама она вполне обходится без кондиционера и водопровода в доме, доедает каждую рисинку в своей маленькой тарелке, бережно собирает арбузные корочки и относит их курам. После обеда она достает огромную корзину с лекарствами и тащит ее в гостиную, где перед телевизором 20-летней давности сидит ее муж

Утром она встает в 6 часов и идет во фруктовый сад собирать урожай персиков. Сад раскинулся на дальнем склоне холма. Старый Ямасита-сан работает там с самого рассвета – охраняет спелые фрукты от воришек-обезьян, которые прибегают из окрестных лесов. В руках у него допотопная винтовка (разрешение оформлено по всем правилам), только вот зрение уже не то: из-за этого ему запретили водить машину.

«А вы охраняете сад?» – спрашиваю я госпожу Ямасита.

«Конечно! Когда созревает урожай персиков, их нужно охранять ночью и днем».

«И вы тоже ходите с ружьем?».

Она хихикает, прикрыв рот рукой. «Помилуй, детка, какое ружье! Я бью мартышек палкой». Она изображает, как размахивает невидимой клюшкой, вкладывая в силу удара все

свои 70 фунтов веса. Потом завязывает выцветший голубой чепчик вскакивает на велосипед и уезжает.

Каждый персик оборачивают бумагой: так плоды созреют без пятнышек Госпожа Ямасита внимательно отбирает фрукты, осматривая каждый, прежде чем снять с ветки. Ее супруг сидит на пластиковом стуле и делает вид, будто следит за лесом. Через час появляется сын; в одежде фермера он явно чувствует себя менее комфортно, чем в деловом костюме. Он снимает персики с самых высоких веток встав на лесенку. Мать суетится внизу, хватает до половины наполненные ведра и пересыпает фрукты в тележку. Ей удается найти персик идеальной формы. Она хихикает и робко протягивает его мне.

«Этот год – последний», – твердо заявляет сын.

Деревья уже слишком старые, посажены 25 лет назад, а срок жизни плодоносящего персикового дерева – 12, максимум 15 лет. Старые деревья требуют слишком тщательного ухода: их надо опрыскивать, черенковать, удобрять, а для этого требуется его помощь – родителям уже не под силу встать на стремянку. Если срубить деревья и посадить на их место чайные кусты, семейный клочок земли наконец начнет приносить прибыль.

Я помогаю старой госпоже принести ведро. Она подслушала наш разговор.

«Может, еще годик, – шепчет она, прикрывая ладонью рот. – Мы еще не решили». Госпожа Ямасита выкладывает фрукты ровными рядами, как на картинке, время от времени прерывая свою работу, чтобы взять один из плодов и вдохнуть головокружительный персиковый аромат. Она закрывает глаза и медленно возвращает фрукт на место.

К полудню все уже устали от жары и мух, а старая госпожа все так же снует туда-обратно, как бурундучок, запасающий орехи по осени. Но ровно в полдень она берет велосипед, спускается по холму, садится и принимается активно крутить педали – надо успеть приготовить обед.

Но почему-то у меня возникает такое чувство, что за доброй улыбкой и безустанным мельтешением госпожи Ямасита кроется какая-то тайная грусть, точно в семье есть давно пропавший любимый родственник, о котором никто не говорит, но все помнят. Старички встают рано и ведут активную жизнь, хорошо и сбалансировано питаются. Но внуков у них нет. Какой толк от умения чувствовать зрелость персика по аромату, если это знание некому передать? Когда деревья срубят, для них закончится целая жизнь.

Когда приходит время покинуть Увадзиму, одна лишь мысль о возвращении в Токио вызывает у меня священный ужас.

В старой части Киото мы останавливаемся в крошечной гостинице. Она упрятана в глубине крошечного переулочка и принадлежит четырем старым сестрам, которые сосуществуют в полной гармонии и общаются словно телепатически. Провожая нас в комнату, они кланяются, а перед тем, как задвинуть за собой бумажную дверь, садятся на костлявые и плоские колени.

Мы здесь, чтобы увидеть Гион-мацури* – самый значительный фестиваль в Киото. Но прежде предстоит сделать кое-что очень важное. Я покупаю телефонную карту, и мы звоним папе.

_____

* Праздник отмечается 17 и 24 июля в честь окончания эпидемии чумы, вспыхнувшей в столице в 869 году. Имя ему дал раскинувшийся в центре города квартал Гион, где находится древнее синтоистское святилище Ясака.

_____

Мне слышно только то, что говорит мама, но легко предположить, что он ей отвечает. Мама щебечет без остановки, захлебываясь рассказом о сверхскоростных поездах и гейтболе. Папа же почти все время молчит.

«Чего тебе больше всего не хватает?»

«Стульев, – не раздумывая, отвечает мама. – Очень неудобно сидеть все время на полу. И нормальных салатов».

Она рассказывает про международный гончарный центр, расположенный неподалеку: 8 громадных печей для обжига и 50 мастеров-иностранцев, которые живут здесь постоянна

«Неужели в следующем году их станет пятьдесят один?» – интересуется папа.

И тут я понимаю. Он боится. Боится ее потерять – она как птичка, которой дали возможность расправить крылья, и теперь она уже никогда не вернется в безопасную клетку. Мне хочется вырвать у мамы телефон и сказать отцу, чтобы не волновался. Я уже несколько дней наблюдаю за мамой. В ее глазах все еще горит любопытство, интерес пока не ослаб, но в возрасте такие путешествия даются намного труднее и уже не кажутся чем-то естественным, как в молодости. Еще 2 недели, и она будет рада отправиться домой.

Я и не заметила, как в последние несколько лет мы с мамой постепенно поменялись ролями. Было время, когда она открывала мир для меня. Сейчас я взяла эту роль на себя. Думаю, теперь она готова отпустить меня в одинокое приключение, а потом я привезу домой кучу историй и буду рассказывать их по вечерам у камина за чашкой чая.

Мама спрашивает у отца, не хочет ли он какой-нибудь

сувенир из Японии. Он, конечно, хочет, только ни за что в этом не признается. Но мама с папой женаты почти 40 лет – достаточно, чтобы не ошибиться в выборе подарка.

«Я очень хочу домой», – говорит она.

Всего 2 ночи в Киото – и усталые путешественницы опять садятся в поезд. Мы договорились встретиться с Гэндзи ин Юкико я вместе поехать на самурайский фестиваль в Сома. Это 300 миль к северу. Приезжаем слишком рано и селимся в риокане, который забронировала для нас Юкико. 200 долларов за ночь, и что мы имеем? Низкий столик, чайник с заплесневелым чаем и футон в чулане. Мама в ужасе: во всем здании всего одна ванная, и нам предстоит делить ее с дюжиной незнакомых мужчин.

На поле уже съехались 200 конных «самураев», все как один во взятых напрокат пластиковых доспехах и париках, похожих на огромные грибы. «Воины» с самодовольным видом рассекают кругами поле и покрикивают на несчастных пехотинцев, чтобы те не путались под ногами. Поразительно, как некрасиво могут звучать мягкие шипящие японские согласные, если их пропустить сквозь опухшие голосовые связки переодетого самураем офисного служащего. Липовые самураи нервно теребят рукояти мечей, явно жалея, что мечи ненастоящие и ими нельзя срубить парочку подвернувшихся под руку голов.

Раз в году, в августовские выходные, японцам наконец выпадает единственная возможность осуществить детские мечты. В то время как американская детвора размахивает пистолетами и изображает ковбоев, японские мальчишки играют в самурайских воинов, защищая свою честь пластиковыми мечами. Самурай лучше любого героя комикса: ему нипочем враждебные обстоятельства, и он готов умереть, защищая честь, долг и свою посмертную репутацию. Воин-самурай – как Джон Уэйн, Брюс Ли и сэр Гэлахад в одном флаконе, в нем есть даже что-то от учителя Йоды.

Самураев нередко сравнивают с европейскими рыцарями. И верно, они на удивление похожи. И те, и другие стремились в совершенстве овладеть навыками обращения с оружием, продемонстрировать мужество в бою и преданность своему повелителю. За победу они ожидали красивой награды и были всегда готовы умереть или умертвить врага, чтобы уберечь свое доброе имя.

Но помимо сходства между самураями и рыцарями существуют куда более разительные отличия. У самураев никогда не было культа почитания женщин, равно как и религиозных идеалов. Хотя теоретически преданность самураев должна была

быть безусловной, большинство сражений проигрывалось именно из-за предательства. И самое главное отличие: милосердие, которое средневековые рыцари считали добродетелью, по понятиям самураев являлось презренным качеством

Если следовать сценарию западной рыцарской драмы, получится вот что: какой-нибудь Курт прибывает в город, между делом убивает с десяток бандитов, получает ранение (не смертельное), завоевывает сердце красавицы, и они вместе уезжают на закате. Но в жизни каких-нибудь Каёси и Дзюнтиро все намного сложнее. Эти ребята связаны путами долга и обязательств, и не важно, сколько невинных жертв падет на этом пути. Им должны быть безразличны даже самые красивые девушки. Изрядно покопавшись в себе, поразмышляв о смысле жизни (обычно это происходит в темном лесу, еще лучше под дождем), самураи выполняют свой долг и почти неизбежно умирают перед финальными титрами. Покинутая девушка послушно выходит замуж, смирившись с желанием отца, и до конца своих безрадостных дней оплакивает ушедшего во цвете лет самурая (который так и не стал ее любовником). А иногда может быть и так героиня попросту восходит на ближайший вулкан и кидается в кипящее жерло. Основная мысль всего этого отражает суть буддийской философии: жизнь коротка, неопределенна и полна печали и страданий.

Кажется, под этим лозунгом проходит и сегодняшний парад. Пехотинцы затянуты в жесткие доспехи, которые ограничивают движения; под ними – кожаные легинсы, перчатки и жилет. Конница передвигается почти галопом, и пешим приходится практически бежать за ней вслед. Температура – 92 градуса в тени* и опускаться не собирается. Пот катится из-под шлемов, капает с кончиков пальцев. Один из «самураев» безуспешно пытается поджечь промокшую сигарету.

_____

* По Фаренгейту, т. е. 33 градуса по Цельсию.

_____

Прошли 3 часа в мучениях, а конца и края все не предвидится. Мы уже собрались улизнуть на ближайшую железнодорожную станцию, как вдруг группа всадников сворачивает на маленькую площадку. Как по волшебству появляются помощники «самураев» и помогают им спешиться. Кажется, всех участников парада собираются перевезти в другой конец города, где должна состояться главная церемония. Я сажаю маму в тень, а сама принимаюсь бегать от одного грузовика к другому и просить, чтобы кто-нибудь нас подвез. Наконец один водитель соглашается и показывает на лошадей и полупустой

прицеп. Наивные, мы рассыпаемся в пространных благодарностях и залезаем в прицеп. Металлическая дверь захлопывается за нашими спинами, и я отчетливо слышу; как кто-то задвигает засов. Проходит 10 минут, а грузовик так и стоит на месте. И тут до нас наконец доходит, в какой мы оказались ситуации: нас заперли на асфальтированной парковке, в парилке с металлическими стенами и двумя вонючими лошадьми. Я стучу в дверь, но оказывается, что все участники парада отправились обедать,

«Прости», – я в тысячный раз извиняюсь перед мамой. Мы по очереди прислоняемся к пластинчатым жалюзям и глотаем свежий воздух. Мамины волосы торчат мокрыми клочками, как у драного кота. Никогда и никому не расскажу об этом позоре – Гэндзи и папе уж точно.

Через час грузовик резко вздрагивает и трогается. Когда он наконец приезжает на место и двери открываются, мы выскакиваем на улицу, как ошпаренные, и несемся прямиком к ближайшему автомату с холодной водой.

Старший «самурай» уже прибыл. Он сидит в полном облачении под палящими лучами солнца. Кажется, японцы вознамерились в точности воссоздать тяжелую жизнь воина, какой она была в XVII веке. Бусидо – кодекс самурая – требовал с презрением относиться к физическим страданиям. Известно, что перед битвой самураи жгли в шлемах курения, чтобы, случись им быть обезглавленными на поле боя, врагу досталась бы их благоухающая голова.

Однако спокойные пред лицом смерти самураи в жизни отличались вспыльчивостью и почти патологической обидчивостью. Правда, в воинской касте эти качества были необходимы для выживания. Считалось, как самурай реагирует на самое ничтожное оскорбление, так он и поведет себя на поле боя. Будущему воину нельзя было допустить, чтобы его вежливость или уступчивость приняли за трусость. Из древних хроник видно, что типичные конфликты в XVII веке чаще всего происходили на основе обычного непонимания. Скажем, 2 самурая проезжают по мосту и нечаянно задевают друг друга зонтиками. Один тут же отпихивает другого.

«Ну и наглец!» – вопит он.

Второй тоже толкает его и говорит: «Какое право ты имеешь оскорблять меня?»

«О чем речь! Это ты должен извиниться!»

«Я не стану терпеть оскорблений!»

Очень похоже на то, как вели себя некоторые мои бойфренды. Только у самураев все заканчивалось намного хуже, кто-то из

двоих доставал меч и сносил другому голову.

Мы уже проглотили по 3 банки газировки, а солнце все так же медленно ползет по свинцовому небу. Привязанные лошади обмякли, как пожухлый салат, повесили головы и закрыли глаза. По асфальту катятся шарики сухого лошадиного помета. Самураи из нас никакие: мы садимся в электричку и едем домой. Сейчас примем холодный душ и будем долго отмокать в *фуро**…

Но у входа в риокан припаркован туристический автобус. 20 мужиков оккупировали ванную, хотя табличка ясно говорит, что сейчас очередь женщин. Вне себя от раздражения идем в наш номер, где, естественно, нет никакого кондиционера, бросаем рюкзаки к стене и растягиваемся на полу, уткнувшись носами в прохладные коврики-татами.

_____

* Японская ванна с очень горячей водой (от 43 градусов по Цельсию).

_____

В дверь резко стучат. Я еще не успеваю сообразить, что это был за звук, а Юкико уже вышагивает в комнату с видом хозяина. На ней модная блузка и тщательно отглаженные джинсы. Волосок лежит к волоску, аккуратные завитки на концах. Она оглядывает нас с головы до ног в вежливом молчании, которое, однако, куда красноречивее слов. Оказывается, они с Гэндзи поселились в соседнем номере. Юкико привезла свой зеленый чай на случай, если местный окажется плохого качества. Нас приглашают на чаепитие. Не говоря ни слова больше, Юкико покидает комнату.

Я встаю на карачки и выглядываю в коридор. Очередь у душевой так и не рассеялась, раньше чем через час нам точно туда не попасть. Я начинаю понимать, как чувствует себя дохлая кошка, валяющаяся посреди дороги, или резиновая покрышка 15-летней давности.

«Это обязательно?» – жалобно спрашивает мама, как ребенок, который не хочет принимать лекарство.

Я киваю. Отчасти я рада. Наконец хоть кто-то понимает, каково мне здесь живется.

До маминого отъезда 3 дня. Мне хочется увезти ее из жаркого города, поехать туда, где попрохладнее и не так шумно. Помахав рукой недовольным Гэндзи и Юкико, мы отправляемся в горы.

Поезд привозит нас в Цумаго – классическую японскую деревню. Улицы здесь вымощены булыжником, у домов кедровая кровля а с крыш свисают бумажные фонарики. Собираем снедь для пикника и взбираемся в Альпы. Вдоль дороги, мощенной 4-вековой плиткой, высятся кедры-великаны. По пути встречаем

столик, на котором лежат свежие огурцы и табличка «Пожалуйста, угощайтесь».

Устраиваем пикник на лугу и отдыхаем от жары в тени скрипучей водяной мельницы. Голубое небо, прекрасный вид – и ни души. Чудесный день. Как бы мне хотелось, чтобы он не кончался.

А потом она уезжает. А я даже не помню, обнимались ли мы на прощание. Поезд до Фудзисавы, последний ужин с Танака… Такси в аэропорт – наверняка же оно было. Но я, хоть убей, ничего не помню. Последнее, что осталось в памяти, как мы сидели на лугу и ели свежие огурцы с пастой мисо. Как играли с колесом водяной мельницы и намочили волосы… Но вот я открываю глаза и снова вижу квартиру в доме Танака, а мамы нигде нет.

Я беру велосипед и, не раздумывая, отпираю скрипучую калитку. Я еду на остров Эносима – всего несколько миль по побережью в темноте. В магазинах не горит свет, все двери заперты. Дорога пуста, лишь кое-где мерцают светлячки. Я огибаю остров и выезжаю к океану. Когда кончается асфальт, бросаю велосипед и взбираюсь по тысяче ступеней, минуя спящие храмы и молчащие колокола. С океана медленно подползает туман, тяжелый и густой от соли. Паутина лезет в лицо. Останавливаюсь на маленькой площадке у обрыва. Далеко внизу волны упрямо бьются о скалы. Здесь стоит скамейка и маленький домик для духов, как ни удивительно, весь покрытый ржавчиной.

Я чувствую сильную боль в груди, мне больно дышать, как при бронхите. Я не могу даже плакать. Мне хочется выбраться из своего тела – может, хоть это поможет убежать от одиночества, которое следует за мной по пятам и так невыносимо, что невозможно даже вздохнуть.

Что-то касается моей ноги. Я цепенею. Мне не страшно; я просто не могу допустить, чтобы кто-то сейчас увидел меня в таком состоянии. Прогоняю с лица муку и боль, улыбаюсь и оборачиваюсь. Никого. Я выжидаю. Вдруг под ивой шевелится тень – бродячий кот со сломанным хвостом, кожа да кости. Он настороженно смотрит на меня, при малейшей опасности готовый пуститься в бегство. Ведь только что сам терся о мою ногу! Шепчу «кис-кис» и протягиваю руку. Кот не двигается. Немигающие глаза недобро смотрят на меня. Наконец бросаю руку и отворачиваюсь. Проходит 10 – 20 минут. Тут что-то касается моих пальцев. Это прикосновение наполняет меня такой нежностью… Кот ходит туда и обратно и с каждым разом задерживается у руки подольше; моторчик урчит под ладонью. Он садится рядом. И когда моя рука касается чего-то живого, мурлычащего, мне вдруг

становится так тоскливо, что кажется, сердце не выдержит.

Кот запрыгивает на скамейку и сворачивается клубком. Он закрывает глаза, постепенно засыпаю и я.

Когда просыпаюсь, кота уже нет, а высоко в небе сияет луна.

ГЛАВА 11

Барабанный бой не смолкает уже несколько часов. Бум-бум, бум-бум – как армия, марширующая на войну. Барабанщики одеты в белые платья с разноцветными кисточками, на спинах висят звериные шкуры. Они поют гортанные сутры* и ходят по песку медленными кругами. Но сильнее всего на меня действуют барабаны: слыша их неустанный ритм, я цепенею. Он эхом отдается у меня в груди.

Я попала к членам ямабуси – древней горной секте аскетов, насчитывающей 14 столетий. Их религиозные верования сочетают в себе элементы буддизма, синтоизма и фольклорных мифов. Сектанты верят, что могут пройтись по горячим углям. Поэтому я и приехала посмотреть на них сегодня. Между храмом и детским садом разбили широкую земляную площадку. Я приехала пораньше и успела застать малышей на качелях и каруселях.

_____

* Лаконичные высказывания из религиозно-философского учения Древней Индии.

_____

Но сейчас игровая площадка опустела, смех умолк, а в храме темно.

Постепенно вокруг площадки собирается толпа. В основном это старики, фермеры, которые выросли в деревне и всю свою жизнь по весне взывали к горным богам о хорошем урожае. У них морщинистые лица и кустистые жесткие брови, которые вполне способны укрыть от дождя. У местных женщин сутулые спины и ноги колесом – сказывается многолетний труд на рисовых полях, некоторые приводят с собой внуков в тщетной попытке сохранить умирающий образ жизни.

Старший ямабуси окунает в кипящий котел бамбуковую ветвь и обмахивает собравшихся. Я инстинктивно пригибаюсь, а старики смиренно подставляют головы обжигающим каплям.

«Чистых сердцем вода не обжигает», – шепчет моя соседка.

Я киваю и притворяюсь, что не обожглась. Хотела бы я знать, какое место отведено мне между святыми и грешниками по шкале ямабуси.

Ямабуси пускают по рядам большой чан настоянного на хризантеме саке (оно якобы продлевает жизнь) и бросают в толпу игральные карты (на удачу). И то и другое нам сегодня пригодится – ведь нам тоже предстоит ступить на раскаленные угли.

Если честно, я настроена скептически. Японцы не славятся

любовью к отчаянным поступкам. Я никогда не видела, чтобы японец переходил дорогу на красный свет. Они даже в кино не ходят в одиночку. И пятки у них мягкие, как бумажные салфетки. Трудно представить таких неженок и перестраховщиков прогуливающимися по горячим головешкам!

Я решаю увильнуть от второго сеанса опрыскивания святой водой и на цыпочках пробираюсь к храму. Рабочие усердно складывают из дров пирамидку высотой в 6 футов.

«Бук?» – интересуюсь я с деланным безразличием. Может, пирамидка из мягкой древесины, на самом деле не такая уж и горячая?

«Нет», – отвечает костровой и ударяет дубиной о землю. Удар глухой и тяжелый.

«Это клен». Он рассказывает, что трещины в древесине специально заделывают сухими сосновыми иглами, чтобы горело так горело, как погребальный костер.

«Будете ходить по головешкам?» – спрашивает он. Я киваю, и он угощает меня саке из фляжки. Я не отказываюсь. Счастливую карту я так и не поймала, а храбрость мне не помешает, садимся и пьем до самого захода солнца.

«А вы сами не пройдетесь по угольками?» – спрашиваю я.

Он смеется и качает головой. «Ну уж нет».

Я прикладываюсь к саке.

В 8 часов фляжка опустела. Мой новый друг смотрит на часы и направляется к пирамидке из дров. Сосновые иглы вспыхивают с громким шипением. Пламя взвивается на 20 футов, ошеломленные зрители пятятся назад, неожиданно ошпаренные жаром. Кое-кто вдруг делает вид, что у него срочно появилось дело, и бежит к автомобильной парковке.,

Барабанщики возобновляют бой. Двое ямабуси поджигают факелы и начинают кружиться в танце. Низкие мужские голоса затягивают мантру в ритм плавным шагам. Горящие факелы описывают в темноте дуги, кольца и спирали, похожие на переплетающихся змей. Их движения гипнотизируют.

Проходит 10 минут, а может, час. Когда я наконец опускаю глаза, то вижу тускло-оранжевое мерцание в груде остывающего пепла. Ямабуси выстраиваются в линию и со спокойной решимостью проходят по углям. Зрители приближаются к площадке с гораздо меньшей уверенностью. Когда приходит моя очередь, углей уже почти не остается, а те, что остались, чуть теплые и нежно щекочут ступни. Я оборачиваюсь и смотрю на тех, кто идет за мной. Мать считает до 10 и переходит площадку за руку с 8-летней дочкой. Их лица сияют от гордости и страха. Бизнесмен с портфелем в руке смотрит прямо перед собой и с

деловым видом ступает вперед – как будто переходит улицу в час пик. Старушка медленно шаркает ногами, опершись о трость, с совершенно невозмутимым лицом, как будто прогуливается по проселочной дороге. Преодолев площадку, все радуются так, словно только что взошли на Эверест.

Все вдруг кидаются к соседнему зданию. В окне второго этажа появляются ямабуси с ветхими картонными коробками в руках. Море рук отчаянно вытягивается к небу. Ямабуси молча бросают в толпу пригоршни маленьких, похожих на перышки предметов. Может, это священные реликвии? Благословенные амулеты, которые надлежит принести к алтарю предков? Лишь через пару минут мне удается разглядеть одну из удачливых зрительниц, которая крепко прижимает к груди награду и убегает прочь. Священным амулетом оказываются обычные картофельные чипсы.

По дороге домой я думаю о ямабуси. Если честно, я немного разочарована, что не увидела, как они тушат сигареты о чувствительные участки кожи и карабкаются по лестнице из заточенных кинжалов. Я-то ожидала увидеть нечто сверхъестественное, пусть даже ради этого пришлось обжечь пятки. Но как ни странно, «человечные» ямабуси кажутся куда более завораживающими. Завтра они наденут строгие костюмы и станут неотличимыми от обычных служащих, но что скрывается под этой маской? Мне всегда нравились люди, ведущие тайную жизнь.

Проходит несколько дней, а я все продолжаю слышать барабанный бой. Он звучит в моей голове, когда я пытаюсь заниматься, и преследует меня даже во сне. Наше с мамой путешествие лишь разожгло мне аппетит. Мне отчаянно хочется поездить по Японии-с благословения Танака или им наперекор, не важно. Прожив в Фудзисаве 4 месяца, я перестала целиком зависеть от их помощи. У меня даже есть наводка, одно слово, которое я выведала у пьяных храмовых служек: Хагуро. Это священная гора далеко на севере, где и зародилась секта ямабуси. Раз в год в конце августа, ямабуси собираются на вершине, чтобы совершить ритуальный прыжок* – часть традиционной инициации. У меня есть 2 недели, чтобы найти это место.

Звоню в туристический информационный центр в Токио. Там мои слова о том, что в современной Японии может существовать горная секта, вызывают только смех. Мне предлагают наведаться в знаменитый храм Сэнсо-дзи, чтобы прочистить голову. Я внимательно просматриваю все свои книги, еду в Токио и ищу в библиотеке Иностранного пресс-клуба. Ничего. Ни одной сносочки.

Гэндзи в жизни не слышал ничего о ямабуси. Если они когда

и существовали, уверяет меня он, то давно уже вымерли. Свои связи для помощи мне он явно не собирается использовать. Ну и ничего, у меня тоже есть свои источники. Спускаюсь вниз и залезаю в Интернет.

_____

* Одна из ступеней ритуальной инициации ямабуси – прыжок с отвесной скалы вниз головой. Полный традиционный ритуал инициации представляет собой 75-дневный поход по горам с жесточайшим соблюдением дисциплины, самоограничениями вплоть до самоистязания (питание сосновыми иглами) и скалолазанием без страховки. Тех, кто не выдерживал это суровое испытание, в прежние времена попросту бросали умирать.

_____

И тут же нахожу все, что нужно: несколько статей и даже диссертацию 1964 года. Информации много, но к концу изучения я знаю о загадочных аскетах ямабуси все, вплоть до того, когда они ложатся спать и какого цвета их нижнее белье. В информационный центр для туристов я больше звонить не собираюсь, на этот раз сразу набираю номер префектуры Ямагата. Отвечает женщина. И тут, по велению судьбы, мои шансы проникновения в секту резко увеличиваются. Линника не просто оказывается американкой, она еще и выпускница колледжа Уильямс, где в свое время училась и я. Так возникает первая прочная нить каси, связывающая меня с сектой горных аскетов.

10 электронных писем, 12 факсов и несколько телефонных звонков на заплетающемся японском – и я добиваюсь разрешения снять фильм о 8-дневном ритуале инициации ямабуси в священных горах! Но есть и условия – как же без них. Я должна взять с собой японского переводчика. Это немного охлаждает мой пыл: профессиональные переводчики берут по 800 долларов в день плюс дорожные расходы – траты далеко за пределами моего скромного бюджета. Я снова звоню Линнике. Нет ли в Ямагате гидов-студентов? Нет, но она знает одного человека, который мог бы помочь. Его зовут Томо, ему 30 лет, он всю жизнь живет в горах, чувствует себя там как дома и прекрасно разбирается в эзотерических тонкостях буддийской философии. К тому же сейчас у него нет работы, и он согласен поработать бесплатно. Я не верю своей удаче.

Гэндзи приходит домой, и я поднимаюсь наверх Мне нужно, чтобы он помог мне перевести распорядок ямабуси. Гэндзи просматривает текст, но он написан иероглифами *кандзи**, которые он не понимает. Пожав плечами, он возвращает мне листок.

Что-то изменилось в моих отношениях с Танака. Мы с Гэндзи

по-прежнему ездим на тренировки. Разговариваем по пути туда и обратно, как раньше. Но ужинать вместе со всеми меня уже почти не приглашают. Юкико так и не опробовала мамин рецепт закваски теста. А нож для суши от Масамунэ, который я ей подарила, исчез с полки. Вслух никто ничего не говорит, но в воздухе чувствуется холодок, как в первые осенние заморозки. Я послушно делаю все, что от меня требуется, но уже не поднимаюсь к Юкико и не спрашиваю, нужно ли сходить в магазин. А они больше не интересуются, чем я занята и куда иду. Я как будто постепенно становлюсь невидимкой. Чувство не из приятных – словно смотришь в зеркало и видишь один силуэт.

_____

* Грубо говоря, это китайские иероглифы, которые используются в японском языке. Они, однако, уже успели пройти значительную японизацию, особенно после Второй мировой войны.

_____

Но по мере того как до поездки на гору Хагуро остается все меньше и меньше времени, все остальные мысли временно отступают. Мне выпало невероятное везение прежде ни одному иностранцу не разрешали снимать ямабуси в их тайном убежище в горах. Я должна быть предельно осторожна: нельзя привлекать к себе внимание. Я к тому же еще и не имею понятия, что меня ждет, поэтому укладываю в рюкзак все, что может пригодиться. То, без чего в принципе можно обойтись, – туалетную бумагу, запасные носки, непромокаемые спички – оставляю дома.

И вот я уложила камеры, штатив, пленку и принадлежности – и рюкзак весит уже 88 фунтов. Это 3/4 моего веса, а ведь предстоит еще идти пешком по меньшей мере 20 миль. Тогда я перекладываю часть оборудования во второй рюкзак и вешаю его спереди. Беру камеру в одну руку, а учебник японского – в другую. Теперь я похожа на беременного верблюда и к тому же переваливаюсь с ноги на ногу, как пузатый поросенок. Так я никуда не пролезу – ни в электричку, ни в автобус, ни в турникет. И буду бросаться в глаза, как борец сумо в лагере беженцев. А ведь мне нельзя привлекать внимание!

В четверг, в 4:30 утра напяливаю рюкзаки и, стараясь не упасть, тихонько запираю за собой дверь. Мой путь лежит в горы Дэва-Сандзан. Это 300 миль к северу.

Первый отрезок пути предстоит проехать на сверхскоростном экспрессе. На завтрак я ничего не захватила – еду пришлось оставить дома, как и запасные солнечные очки, и дорожную подушку, и еще много чего. Едва поезд отъезжает от станции, как все до единого пассажиры раскладывают откидные столики,

достают всевозможных форм и размеров коробочки для *бэнто** и выдавливают на остывшие рисовые шарики и скоропортящуюся сырую рыбу соевый соус. По окончании трапезы все пшикают банками с кофе, как будто целый выводок китов вдруг выпрыгнул на поверхность В окно никто не смотрит. Хоть на улице и темно, никто не спит. Такое впечатление, что они намерены жевать всю дорогу Мой живот недовольно урчит.

_____

* Японский обед, который берут с собой в коробочке. Обычно он состоит из мяса с рисом или рыбы с маринованными овощами.

_____

Приближается тележка с едой. Цены на закуски просто возмутительные. К счастью, миниатюрная японка на соседнем сиденье тоже проявляет безразличие к утреннему кофе и черствым круассанам. Я устраиваюсь поудобнее, надеясь урвать хоть пару часиков сна, но, прежде чем закрыть глаза, нечаянно бросаю взгляд на соседку. Та расплывается в улыбке и, тщательно подбирая слова, по-английски спрашивает, не американка ли я. Знали бы вы, как мне хочется притвориться, что я ее не поняла! Подъем ни свет ни заря выбил меня из сил, да и неделька предстоит не из легких. Но воспитание не позволяет игнорировать вежливый вопрос, тем более от женщины, которая похожа на учительницу начальной школы. Я улыбаюсь, киваю и сквозь зубы примиряюсь с тем, что следующие несколько часов пройдут в беседе с незнакомым человеком.

Моя соседка едет в гости к детям, живущим в Сэндае. Их у нее двое, сын работает в маркетинговом отделе фирмы, которая занимается финансовыми базами данных в секторе недвижимости. Скоро его должны повысить. Дочь – домохозяйка, не работает, но недавно закончила курсы росписи по лаку. Она очень талантлива и собирается предложить свои изделия местной сувенирной лавке.

Соседка довольно откидывается в кресле: ее отчет о себе закончен. Раз в месяц она ездит в Токио в гости к сестре, у которой нет детей. Сестра работает парикмахером. «Каждый день делает людей красивыми! И что это ей дало после стольких лет работы кроме плохих ногтей и полного чулана дешевого шампуня?»

«Это ужасно», – чересчур усердно киваю я.

Она поворачивается и смеряет меня пронзительным взглядом. «А у вас сколько детей?»

Хороший вопрос в 6:30 утра, особенно когда уже 3 часа на ногах и в животе пусто. Мне достаточно одного лишь взгляда на ее упертое лицо, чтобы понять, как отвечать не нужно. Мне даже

не приходится ничего придумывать, слова сами слетают с языка: «Мне двадцать девять лет, у меня есть жених, хороший молодой человек, работает в IBM. Свадьба в октябре. Детей у нас будет двое, мальчик и девочка, и мы уже знаем, как их назовем!»

Соседка улыбается и одобрительно кивает. Я с облегчением отворачиваюсь. Но тут она принимается рыться в большой сумке и достает тяжелый брусок какой-то коричневой пасты – видимо, это что-то, что добавляют в пищу. Она кладет брусок мне на колени. Он мне ни к чему, поэтому я с благодарностями протягиваю его обратно. Соседка говорит, что у нее еще много, и открывает сумку: та битком набита красиво обернутыми подарками. Я вспоминаю свою бабушку: она покупала подарки на Рождество в середине лета и к началу осени, естественно, все раздаривала.

Я беру ее визитную карточку, чтобы потом написать ей благодарственное письмо. Она фотографирует меня своим фотоаппаратом и записывает мой адрес, чтобы потом прислать фотографию, и тут же демонстрирует фото внука. Оказывается, она еще и обатян – бабушка. Она боится старости, но в то же время гордится, что воспитала сына, который женился на хорошей женщине и стал отцом. Я, как и полагается, удивляюсь, что для ее возраста у нее такая гладкая кожа и черные волосы, и замечаю, как это здорово, что ей удалось привить детям понятие о крепких семейных ценностях За это меня вознаграждают большим пакетом крекеров. Пытаюсь объяснить, что они мне не нужны – рюкзак и так уже лопается по швам. Соседка тут же рвет пакет и заставляет меня съесть крекеры на месте. Я в ужасе пытаюсь найти хоть что-то, чтобы отблагодарить ее, и не нахожу ничего, кроме экстренного запаса из 4 шоколадок в пуленепробиваемой металлической коробочке, припасенных на случай смертельного голода. Надеюсь, шоколад не расплавился – я давно не проверяла А потом, на грани отчаяния, прошу ее позволения, поворачиваюсь на бок и притворяюсь, что заснула.

Вскоре соседка будит меня и дарит куклу, собственноручно сшитую из ткани для антикварных кимоно. Мне уже нечем ее отблагодарить – я все оставила дома, кроме оборудования, старой зубной щетки и запасных клипс для штатива. На помощь приходит тележка с едой: я разоряюсь на зеленый чай и пакетики с сушеными кальмарами. Соседка уже успела выведать, что я живу в Фудзисаве и гощу в семье. Стоит мне на секунду расслабиться, как она сует мне в руку пакет с сахарной ватой. В моем рюкзаке с тяжеленным оборудованием для съемки он через 10 секунд превратится в блин.

«Обязательно возьмите, – тихо уговаривает она. – Это не для

вас, а для вашей японской семьи».

Поезд замедляет ход. Моя остановка еще нескоро, но я все равно иду к выходу, еще раз поблагодарив соседку на прощание. Мы улыбаемся и машем друг другу руками. Поезд уходит. Я сажусь и жду следующего.

Когда я наконец добираюсь до нужной станции, Томо уже ждет. Он оказывается высоким, поджарым и жилистым, а когда я чересчур радостно пожимаю ему руку, цепенеет, как деревяшка. В Хагуро ехать 2 часа, и за все время он ни разу не улыбается.

На парковке у большого храма собираются новички-ямабуси. Рядом с нами останавливается шикарная серебристая машина; из нее выходит мужчина с дорожной сумкой и с высокомерным видом направляется в храм. Внутри, у самого входа – очередь на регистрацию. Это похоже на стойку для первокурсников в колледже новоприбывшим раздают брошюры с правилами, буклеты и перечень сутр, которые нужно выучить наизусть.

Ямагути-сан, настоятель храма, подзывает нас к угловому столику. Мы с Томо садимся и выслушиваем неизбежный свод правил, которые нам предстоит соблюдать в течение недели. Томо не предлагает перевести, поэтому я улавливаю, что могу, но меня слишком отвлекают ногти Ямагути – длинные, крючковатые когти, подпиленные в форме идеальной параболы и отполированные до блеска. У настоятеля часы размером с хоккейную шайбу и большой круглый живот.

Над нашими головами лениво жужжат слепни, ища, где бы приземлиться. Один ныряет под стол и кусает Ямагути за ногу. Тот прихлопывает его с неожиданным проворством и злобой, спокойно поднимает труп, разрывает его надвое, как кусочек бумаги, и выбрасывает в пепельницу.

Оказывается, новичкам запрещено мыться, чистить зубы и переодеваться в чистое на протяжении 8-дневного испытания. Первые 48 часов – голодание. Можно пить зеленый чай и при необходимости разбавленный апельсиновый сок. На 150 мест было подано 500 заявлений. Костюмы ямабуси нельзя купить, можно лишь взять в аренду. Администрация не несет ответственности за несчастные случаи и полученные увечья.

Ямагути пускается в объяснения стадий аскезы, и я быстро теряюсь в дебрях специализированной лексики. Новички нервно ощупывают костюмы, а те, кто уже прошел испытание, смотрят на них свысока. Наконец новенькие просят старших помочь и с гордостью подвязывают мешковатые штаны, перекрещивая веревочки на животе и подтыкая штанины у щиколоток Но всего через неделю они будут готовы на все, лишь бы поскорее сбросить

этот наряд.

Для тех, кто приехал неподготовленными, продаются бандажи и дождевики за 30 долларов, носки в упаковке по 5 пар – на 4 больше, чем разрешено иметь. Можно купить целый блок или пачку сигарет. Я высказываю недоумение: послушникам нельзя чистить зубы, но можно курить? Ямагути-сан пожимает плечами и тушит сигарету. «Правила меняются», – говорит он.

Стройные ряды облаченных в костюмы ямабуси скрываются за поворотом. Прежде чем подняться в священные горы, предстоит последний марш по городу. Во главе процессии, под большим красным зонтиком, который держит новичок, стоит Ямагути-сан. Второй по старшинству служитель размахивает большим деревянным топором, отгоняя демонов и расчищая путь новичкам.

Как только мы входим в ущелье Хагуро, свинцовое небо разражается проливным ливнем. Новички надевают свои хлипкие пластиковые дождевики и топчутся на месте в ожидании приказа. С соседней тропинки за процессией внимательно наблюдают хорошо одетые женщины, которых набралось с десяток Сгрудившись под зонтиками и пытаясь не промочить дорогие туфли, они выглядят здесь совершенно не к месту. Я потихоньку навожу справки. Оказывается, это жены ямабуси-новичков, большинству из которых под 60. В Японии это возраст принудительного выхода на пенсию, и мужчины, привыкшие повелевать другими, вдруг оказываются не удел. С этого момента их жены, в одиночку командовавшие хозяйством в течение 30 лет, вынуждены каждый день лицезреть у себя в доме неприкаянного полунезнакомого мужчину, который постоянно путается под ногами. Судя по их каменным лицам и мрачным взглядам, они пришли не проводить мужей, а удостовериться, что те уберутся восвояси.

К храму на вершине горы ведет лестница из 2446 ступеней. Войдя в эти ворота, назад уже не повернуть. Раздается сигнал – 3 ноты. Так ямабуси взывают к духам. По ступеням медленно ползет длинная белая гусеница. Лица мужчин преисполнены гордостью и страхом, лица женщин – облегчением.

Этой тропе сотни лет, а вырубленные вручную ступени отполированы соломенными сандалиями* бесчисленных поколений ямабуси. Над нами нависают высоченные кедры, массивные стволы вздымаются к самим небесам, а корни опускаются глубоко под землю, под упругий мох густые зеленые ветви загораживают солнце, и мы ступаем на территорию вечных сумерек. От влажного чернозема исходит густой пар, точно земля

облегченно вздыхает после жизнетворящего дождя. Сандалии ямабуси с мягкими подошвами из рисовой соломы едва слышны на мокрых каменных ступенях

_____

* Сандалии изготовлены из прессованной рисовой соломы таким же способом, что и татами, поэтому их тоже называют татами.

_____

Уставшие, промокшие и приунывшие, мы добираемся до вершины. Послушникам нельзя с нами разговаривать, но они кивают, глядя на мою промокшую одежду, и сочувственно улыбаются. Я научилась различать их по цвету помпонов: те, кто участвует первый год, носят белые, под цвет формы. Выдержат еще 2 года, получат право носить оранжевые и не поститься. Настоящие фанаты постепенно повышают ранг – сначала идут синие, потом красные, желтые и, наконец, через 20 лет, фиолетовые помпоны.

Ямагути удивлен, что мы с Томо сумели преодолеть тысячи ступеней. Однако это не значит, что мы заслуживаем приглашения в священный храм, где ямабуси располагаются на ночлег. Нас отправляют в соседний кемпинг, где мне предстоит нелегкое дело, поближе познакомиться с моим переводчиком.

Мало-помалу мне удается вытянуть из Томо связный рассказ. В 24 года он ездил в Америку по туристической путевке, потом вернулся домой и 5 лет проработал в отцовской корпорации агентом по продажам. Корпоративный стиль жизни был ему ненавистен, и Томо намеренно, проявив редкое для японца неповиновение, отказался от ежедневных поездок на электричке, деловых костюмов и карьерной гонки. «Это не для меня», – говорит он, резко жестикулируя (что странно для японца): перекрещивает руки у лица в форме буквы X и трясет головой.

В 33 года Томо уволился с работы и на год поехал в Новую Зеландию, где путешествовал с рюкзаком и палаткой с двумя новозеландцами и шведкой. Он в красках повествует о том, как жил в жестких условиях, объездил всю страну без гроша в кармане и несколько месяцев ночевал в кемпингах (однако даже не умеет как следует поставить палатку и зажечь газовый фонарь). С гордостью и отвращением Томо описывает неделю, проведенную на овцеферме, мясные мухи отложили яйца в овечьей шерсти, и ему пришлось обрабатывать их лекарством и смотреть, как выползают личинки.

«Ты когда-нибудь делала нечто подобное?» – агрессивно спрашивает он.

«Нет», – решаю соврать я.

Томо впервые за все время улыбается и кивает головой.

Стоит душный августовский день, один из тех, когда жара столь невыносима, что даже сверчки затихают, а птицы распушают перья и открывают клювы, чтобы дышать.

С раннего утра мы карабкаемся по обрывистой горной дорожке, прерываясь лишь для того, чтобы спеть сутры у корявых деревьев и камней.

«В этих горах, – говорит Ямагути, – каждый может открыть в себе природу Будды».

Но сперва послушники должны отбросить все связи с миром и очиститься телом и душой. Намеренно отказавшись от мытья, они тем самым возвращаются в мир животных, где им предстоит выковать дух, сделать его более совершенным.

«Белый, – объясняет настоятель, говоря о форме ямабуси, – это цвет чистоты и смерти*. Послушникам предстоит символическая смерть и перерождение в виде горных аскетов.

Тропа обрывиста и опасна, мешковатые шаровары уже рвутся от постоянных падений. На головах новичков *тонкины* – круглые черные шапочки размером с маленький камамбер. Их удерживает тонкая эластичная резинка, которая то и дело сползает. Она абсолютно гладкая, лишь посередине маленький вогнутый треугольник Настоящий ямабуси знает, как правильно расположить тонкий лицом вперед.

В стародавние времена ямабуси носили с собой ножи с коротким лезвием, чтобы совершить самоубийство в момент просветления. В маленьком кошелечке хранилось достаточно денег на скромные похороны. Современные послушники берут с собой одноразовые фотоаппараты, чтобы запечатлеть великий момент, и сотовые телефоны, чтобы поделиться достижением с друзьями и родными.

Сегодня новичкам разрешено говорить, но они ни в коем случае не должны раскрывать тайны ночных храмовых обрядов. На улице так жарко, что им позволили взять воду в бутылках. Однако многие, всю жизнь проведя в кондиционированном помещении и проездив в лифте, даже не подумали об этом. На полпути вижу старика, который сидит на бревне. Он весь обмяк, лицо раздулось и побагровело. Я протягиваю ему запасную бутылку с водой, но Томо делает предупреждающий жест: нельзя. Делаю вид, что ничего не заметила, но спустя полмили мой переводчик в ярости набрасывается на меня.

«Мы не должны вмешиваться в ход испытания», – грубо наказывает он.

«Но им же можно пить во…»

«Они должны помогать друг другу. Только тогда они смогут научиться».

Я так не думаю, но Томо так разозлился, что я киваю головой.

На обратном пути нагоняем группу новичков, и я подслушиваю их разговор. Они устали, измучились, проголодались и полностью поглощены собой. Говорят о том, как неплохо бы сейчас выпить пива, посмотреть телевизор, отдохнуть в мягком кресле. Пока никакого прогресса.

Доходим до стоянки и ждем несколько часов. Наконец кто-то сообщает, что позади на тропе один из послушников потерял сознание. Кажется, никто даже не собирается идти ему на помощь.

Уже несколько часов как стемнело, и воздух наконец наполнился прохладой. Я стою у входа в храм и жду Ямагути-сан. Сверчки отыгрываются за дневное молчание, их стрекот прорезает темноту, прерываемый время от времени жалобным кваканьем одиноких древесных лягушек, приманивающих таким образом пару. Звездный свет режет глаза, в ночном лесу кипит жизнь.

И вдруг в храме дважды звенит колокольчик. Одинокий голос затягивает сутру. Песнь подхватывает еще сотня голосов, сперва неуверенно, но постепенно набирая силу. Глубокие баритоны и басы сливаются в мощную волну звука, который как будто доносится из недр земли. Неужели таким разным, нетренированным голосам выбившихся из сил новичков под силу слиться в столь безупречной гармонии? Я снимаю наушники, закрываю глаза и слушаю ангельский хор, смешивающийся с ночными звуками. Это песнь просветления.

В 10 вечера пение неожиданно смолкает. С треском закрываются окна и хлопают двери. Я хватаю свои вещи и пячусь назад. Тишина. Тогда я надеваю наушники и начинаю бесстыже подслушивать. Раздается какой-то шорох. Сдавленный кашель. За ним еще один. О боже, кажется, это *намбанибуси* – ритуальная смерть через удушение. Я читала об этом, но думала, что традиция давно забыта, как и захоронение живьем и всенощное изгнание демонов.

Намбан означает красный перец, *ибуси* – дым, пары. Ямабуси запечатывают двери и окна храма и кидают в большие жаровни смесь острого перца и рисовой шелухи. Комната мгновенно пропитывается голубоватым дымом, который жжет нос и глаза и создает почти неконтролируемое удушье. Этот ритуал – симуляция смерти, таким образом послушников готовят к перерождению в природном мире. Дым также отпугивает комаров, отбивает неприятный тельный залах и не дает уснуть.

Слишком рьяные приверженцы культа могут упасть и потерять сознание.

Двери распахиваются без предупреждения, и новички вываливают на улицу. Вокруг них клубится пар. Ямабуси стоят, согнувшись пополам, по щекам текут слезы; они кашляют, выплевывая клубы перечного дыма, точно отравившись слезоточивым газом. Это испытание им предстоит проходить 2 раза за вечер до конца похода. Неудивительно, что курение здесь не под запретом!

Новички возвращаются в храм, и тут появляется Ямагути-сан. Томо соглашается перевести мои вопросы, чтобы я могла получить точный ответ.

«Почему эти люди хотят стать ямабуси?» – послушно переводит он.

Ямагути пускается в пространные объяснения. Томо внимательно слушает, время от времени прерывая настоятеля для уточнений. Через 20 минут я дергаю его за рукав и прошу, чтобы он наконец перевел.

«Они хотят понять смысл жизни», – отвечает Томо.

«И все?!» – недоумеваю я.

«Остальное не важно – всего лишь детали».

Позднее, в нашем кемпинге, я достаю блокнот и спрашиваю Томо, не хочет ли он рассказать поподробнее об этих маловажных деталях Оказывается, он уже ничего не помнит. Когда я прошу его в. будущем переводить хотя бы каждое второе предложение, он тут же обижается и агрессивно заявляет, что я считаю его неудачником. Я в отчаянии иду на попятную. Нет, это я, и только я виновата в том, что не владею японским в совершенстве; в будущем клянусь быть более осторожной. Через час костер гаснет, а Томо все еще щетинится, как морской еж Мы доедаем ужин и ложимся спать.

Новички по-прежнему страдают от усталости и голода, но теперь они хоть догадались брать с собой воду и уже не падают так часто, карабкаясь со скалы на скалу. Я поражаюсь их быстроте и выносливости, а они, в свою очередь, тому, что я не отстаю, хоть и тащу на себе кучу тяжелого оборудования и рюкзак. Томо обижается, что ямабуси меня часто хвалят.

Послушников уже не интересует еда и сон, и они наконец начали присматриваться друг к другу. Пот, грязь и нескончаемые тяжелые дни сплотили их. Их уже не заботят знакомство по всем правилам и обмен визитными карточками. Они обращаются друг к другу по имени, а не званию, и используют неофициальную разновидность японского – обычно ею пользуются лишь друзья

детства. Даже цвет помпонов, показатель статуса в иерархии ямабуси, уже не кажется таким важным, как несколько дней назад.

Среди послушников сформировались группки в зависимости от увлечений и уровня физической подготовленности. В нашу компанию попали профессор из университета Нагойя, моряк, массажист, 2 бизнесмена, производитель строительных лесов и профессиональный игрок в *патинко**. Есть среди нас и музыканты, они любят идти впереди. Спускаясь с горы, поют рок-н-ролл, а на подъеме, запыхавшись, диско. А есть и клика адептов-ямабуси (все до одного новички): они следуют всем правилам буквально и следят, чтобы остальные делали то же самое. Стоит мне задать вопрос, как они затыкают мне рот, им явно не нравится, что я ошиваюсь рядом. Самые младшие послушники носят с собой мази и бинты, каждый вечер забинтовывают колени и щиколотки и на следующий день гордо демонстрируют свои ранения, точно военные награды. А есть один умственно отсталый – человечек неопределенного возраста от 35 до 60. Бесхитростный, как ребенок, вечно забывает тонкин или какие-либо другие вещи. Я не понимаю ни слова из того, что он лопочет. Когда мы останавливаемся в живописном месте, он часто раскидывает руки и громко кричит от восторга. Мне он нравится больше всех.

_____

* Игральный автомат, чисто японское изобретение.

_____

Постепенно знакомлюсь с новичками поближе, и они включают меня в свои разговоры. Оказывается, все они стали ямабуси по разным причинам. Кто-то хочет стать поближе к природе, кого-то привлекает строгая дисциплина. Один из послушников просто увидел поход ямабуси по телевизору и захотел участвовать. У другого есть дочка, родившаяся здоровой несмотря на проблемы во внутриутробном развитии. Теперь каждый год он совершает ритуал в знак благодарности. Один старичок робко признается, что в ямабуси его отправила жена, чтобы выдворить из дому. А толстощекий парень уныло взирает на свой обед из рисовых шариков с уксусом и говорит, что решил таким образом похудеть.

К моему удивлению, хоть среди ямабуси немало буддистских и синтоистских священников, из религиозных побуждений в походе участвует лишь 1 из 5 послушников. Большинство же недавно вышли на пенсию и попросту не знают, что делать дальше. 40 лет они жили только работой, поднимались рано, чтобы успеть на электричку, а вернувшись домой, сразу шли

спать. Им было некогда общаться с детьми, а теперь детям некогда общаться с ними. Для жен они не более чем мебель, с которой нужно иногда вытирать пыль

Один из новичков вышел на пенсию неделю назад. Работать он начал в 21 год. Каждый день дорога на службу отнимала у него 2 часа и 34 минуты. Я мысленно подсчитываю: 5 дней в неделю, 50 недель в год, 39 лет…

«Вы провели в электричке двадцать пять тысяч часов, – говорю я. – Это же почти… три года, круглые сутки».

Он вдруг притихает. Я оставляю его в покое.

На четвертые сутки профессиональный игрок признается, что присоединился к ямабуси, чтобы излечиться от игровой зависимости.

Патинко – это нечто среднее между пинболом и слот-машиной. Бросаешь монетку и смотришь, как крупные шарики преодолевают лабиринты и отскакивают от рычажков. Когда нужный шарик попадает в лузу, запускается цифровая слот-машина Если выпала выигрышная комбинация, игрока награждают новыми шариками. На исход игры повлиять невозможно, и шансы чаще всего не на стороне игрока.

«Как же можно заработать на такой игре?» – недоумеваю я.

«Такая система была не всегда, – поясняет мой собеседник, -20 лет назад игра была полностью ручной. Даже специальные служащие стояли позади автомата и заливали шарики обратно. После закрытия заведения *кугуси* (механики) подкручивали рычажки, чтобы слегка изменить выигрышные шансы».

К разговору с интересом присоединяются другие послушники Дело в том, что в Японии патинко – что-то вроде общенациональной мании. Наверняка присутствующие здесь и сами провели немало времени, приклеившись к автомату.

«Профессиональные игроки, – продолжает мой новый друг, – обычно из бывших кугуси. Они умеют „читать" положение рычажков и маневрировать ими перед игрой. Однако недавно все автоматы заменили на цифровые, и теперь есть только один способ выиграть – продеть в щель струну от рояля или использовать специально настроенный сотовый телефон, чтобы перехитрить компьютер и открыть „ворота". Честным способом уже не заработать», – сокрушается игрок. И тем не менее он просиживает перед автоматом с полудня до глубокой ночи, 7 дней в неделю. Патинко съедает все пенсионные сбережения.

«Если вы уже знаете, что выиграть нельзя, зачем же вы туда ходите?» – тихо спрашиваю я.

«Альтернатива, – так же тихо отвечает он, – еще хуже».

Послушники согласно кивают. «Не дома же сидеть», – спокойно говорит один.

«Но почему вы не встречаетесь с друзьями, коллегами?»

«С ними надо держать лицо».

«Для патинко ничего не требуется, – объясняет один из новичков. – Никакого напряжения, мыслей, ответственности. Проще, чем смотреть сериал, который видел уже сотню раз. В залах игровых автоматов специально приглушают свет и включают невыносимо громкую музыку, чтобы помешать общению. Поэтому мы и ходим туда, чтобы ни на кого не обращать внимания».

«Только в зале игровых автоматов можно быть самим собой», – тихо произносит игрок, которому вскоре предстоит избавиться от игрового прошлого.

На шестой день я совершаю ужасную ошибку.

Мы уже прошли половину намеченного пути, преодолев продолговатую седловину между двумя священными пиками. Вдали вьется тропинка, на заднем плане – горные цепи и изумительной красоты панорама. Я отхожу в сторону, чтобы запечатлеть группу ямабуси, передвигающихся одиночной цепочкой. Встаю на колени на мягкий песчаный склон, который постепенно становится все более и более отвесным и превращается в обрыв. Тут один ямабуси видит меня, и все замирают. Я слышу странный гул, точно растревожили осиное гнездо: это 30 мужчин одновременно шикают на меня.

«Спускайтесь», – спокойно говорит один из ямабуси, обращаясь ко мне как к самоубийце, который собирается броситься с 52-го этажа. Я оглядываюсь. Обрыв в 20 футах за спиной, и я стою очень устойчиво.

«Нет проблем, – весело отмахиваюсь я. – Я не упаду». И тут я замечаю, что у моего собеседника фиолетовые помпоны – символ того, что человек уже 20 лет как состоит в рядах ямабуси. Хотя юридически ямабуси не несут никакой ответственности за мою безопасность и благополучие, фактически они стоят на высшей ступени иерархии и потому имеют моральные обязательства защищать младших, то есть меня. Другими словами, пусть физически я и не подвергаюсь опасности, но на моральном уровне близка к самоубийству.

Я слезаю с утеса и приношу пространные извинения. Меня сквозь зубы прощают. После этого случая, если мне хочется заснять необычный план, я залезаю на дерево или прячусь за скалой.

Через 6 часов послушники исчезают в стенах храма. Мы с

Томо садимся у потрескивающего костра. Он требует, чтобы мы разводили костер каждый вечер невзирая на ужасную летнюю жару. Наверное, это напоминает ему о беззаботной жизни в Новой Зеландии, которую он вел прежде чем пришлось вернуться в Японию и столкнуться с неопределенным будущим.

С той самой минуты, как мы с Томо встретились на станции, я пытаюсь пробить его непроницаемый панцирь. Мне удалось выяснить, что он любит бегать и как-то даже участвовал в марафоне. Я узнала, что он завалил вступительные экзамены в университет и год занимался самостоятельно как *ронин**. Еще он боится жуков – стоит мотыльку прилететь на огонь, и Томо в панике убегает, трясет головой, как разъяренный бык, и укрывает шею. Он умеет готовить, по очереди со мной моет посуду – это мне нравится. Любит сушеный инжир с тех самых пор, как прочитал об этом лакомстве в «Тысяче и одной ночи». А еще он жутко чувствительный – почище старенького больного астмой пекинеса**. Под маской любезности кроется настоящий ураган эмоций. Смех у Томо нервный и грустный. Я хочу спросить, что он думает по поводу игрока в патинко, но не хочу, чтобы он опять завелся.

_____

* В Средневековье этим термином называли самурая без хозяина, что считалось позорным и унизительным В современной Японии так называют студентов, проваливших экзамены в университет или другое учебное заведение и оставшихся без школы.

** Порода маленьких декоративных собак по названию города Пекин.

_____

Он рассказывает о собеседовании в туристическом информационном центре. Вакансия, на которую он претендовал, была совершенно неподходящей для мужчины с его образованием. Когда его спросили, зачем ему такое невыгодное место, он ответил, что ему нужен опыт. В результате на эту работу наняли 22-летнюю девушку.

«И что ты теперь будешь делать?»

«У меня есть друг, врач из Бангладеша, – внезапно оживляется он – Вот думаем открыть торговую фирму. К сожалению, сейчас врач очень занят… вот может, через годик-два…»

«И чем будете торговать?»

«Не знаю. Товарами из Бангладеша. Товарами из Японии».

Остался последний участок пути: странствие по горам

длиной в 20 миль. О тяжести перенесенных испытаний говорят лица послушников и покрытые синяками ноги. Голодные спазмы уже прекратились. Ученики идут более уверенным шагом, реже хватаются за веревки и металлические перила. Прежде белые мешковатые штаны не узнать под слоем грязи. От соломенных сандалий остались одни ошметки.

Вскоре деревья остаются внизу, а мы встаем на тропу и пробираемся сквозь высокую траву. Цепочка послушников растянулась и стала похожа на нитку жемчуга, плывущую в зеленом море. Периодически к свисту ветерка присоединяются 3 ноты – это ямабуси взывают к горным духам. Я стараюсь запомнить каждую мелочь: ведь этот день никогда не повторится, это я знаю точно.

Перевалив через вершину, мы спускаемся все ниже и ниже, пробираемся сквозь кустарник и лес, выходим на размытую дорогу, усыпанную булыжниками, и наконец оказываемся у реки. На том берегу видна тропинка, которая исчезает в лесу.

Река широкая, но мелкая. Первый ямабуси смело шагает вперед, определяя глубину посохом и перескакивая с камня на камень. Остальные проворно следуют за ним. Те, что шли первыми, уже на другом берегу. И тут кто-то из идущих в середине поскальзывается и падает в воду.

Он выныривает, отплевываясь от воды. Глубина всего по пояс, но упавший, кажется, не спешит выбираться. Он принимается прыгать вверх-вниз, трет пятно на брюках, пытаясь его отстирать. Остальные следуют его примеру, и через несколько минут в реке уже полно плещущихся ямабуси в одном белье. Они восторженно барахтаются на мелководье, вычищая грязь из-за ушей и между пальцами ног. Тщательно отстирав одежду, они раскладывают ее на скалах просушиться. Из всех лишений, что им пришлось вытерпеть за эту неделю, запрет на мытье, должно быть, был самым невыносимым

Пока послушники надевают выстиранную форму, я думаю о тех робких и испуганных неженках что лишь неделю назад прибыли в штаб-квартиру ямабуси. Те люди, что сейчас выходят из реки, не имеют с ними ничего общего. Они не просто загорели и окрепли. Они стали самодостаточными людьми. Ямагути-сан был прав: они и впрямь обрели второе рождение.

Через час, шагая по тропинке вдоль речной впадины, замечаю фигуры в белых одеждах первыми добравшиеся до вершины. С ними и умственно отсталый инвалид – ему, наверное, помогли подняться. Он оборачивается, смотрит на долину, закидывает голову и начинает кружиться, крича от искреннего восторга. Остальные ямабуси хлопают в ладоши.

Кажется, я начинаю понимать, в чем сила этой загадочной секты. Дело вовсе не в *мудрах* – 9 тайных жестах которые они практикуют до поздней ночи. Да и перечное удушье тут, похоже, ни при чем. Даже недельное пребывание на природе играет не столь важную роль, хотя хорошенько пропотеть и подышать свежим воздухом точно никому не мешает.

Нет, главное здесь – покой. Передышка от паутины обязательств, от внутреннего голоса, управляющего каждым поступком и диктующего каждую мысль. Для кого-то эта неделя стала первым за 40 лет отрезком времени, когда не надо ничего делать и спокойно подумать о будущем. Поразмышлять о возможностях, разобраться в себе и поговорить с людьми, оказавшимися в схожем положении. Пусть новичкам и не открылась правда о вселенной зато они наконец открыли правду о себе.

Вечером состоится ритуал посвящения. Послушники будут прыгать через очищающий огонь и петь древние мантры. По всем правилам, лишь после этого их можно будет назвать ямабуси. Но гладя на далекие фигуры на горной вершине, слушая их голоса, сливающиеся в безупречной гармонии, я понимаю, что ритуал – всего лишь условность.

Они уже заслужили место в древнем роду ямабуси.

ГЛАВА 12

Стоя на станции Цуруока, я смотрю, как один за другим проносятся мимо поезда до Токио. Мысль о том, чтобы сесть в один из них, мне просто невыносима. Только подумаю о том, чтобы вернуться в Фудзисаву, и хочется убежать обратно в горы, а там залечь в спячку до весны.

Дело не в том, что страдает мое личное пространство. Мне и раньше приходилось жить в условиях, когда в мою жизнь постоянно вмешивались. И я вполне могу вынести полное отсутствие человеческого контакта – никаких тебе объятий, рукопожатий, словно у меня кожная болезнь. Нет, главная проблема в том, что мне никто не рад. Я точно сотрудник телемаркетинговой фирмы, звонящий с опросом в самый неподходящий момент, или кишечный паразит. Меня никто не хочет видеть.

Надо бы, конечно, вернуться и попробовать все исправить. Будь я чуточку сильнее, без раздумий села бы в поезд и сделала бы все нужное, чтобы воздать за неудачи последних месяцев. Но вместо этого я делаю то, что и всегда, когда у меня портятся отношения с людьми: убегаю от проблемы.

Через 10 минут я уже шагаю по дороге в обратную сторону, в руках табличка с надписью «Еду на юго-восток Поделюсь шоколадным печеньем». Я решила отправиться в Огуни, фермерскую деревушку в японской глуши – почти что на краю света. Подруга одного знакомого 2 месяца назад приглашала меня приехать на сбор урожая. Ее зовут Юка. Не знаю, в силе ли до сих пор ее приглашение и помнит ли она меня вообще.

Вокруг, покуда хватает глаз, рисовые поля окрашиваются в цвет поджаристой золотистой корочки, а сухие желтые стебли сгибаются под тяжестью созревшего зерна. Вскоре и горные вершины окрасятся золотом. Ветерок становится мягче и пахнет свежескошенной травой.

Подъезжает грузовик. Я с улыбкой поднимаю свою табличку. Грузовик останавливается и берет меня на борт. Оказывается, водителю не нужны даже мои печенья. Он в совершенстве говорит по-английски и очень любезен. На вид лет 30, но рано поседел. Выпускник университета, графический дизайнер.

Он ведет себя дружелюбно и вежливо, но рассуждает с глубоким цинизмом, хотя его злобные замечания относятся и не ко мне. Я убираю печенье подальше и осторожно принимаюсь за расспросы.

«Значит, вы хотите понять Японию? – переспрашивает он. –

Тогда вам нужно знать только одно: торчащие гвозди здесь заколачивают».

Вцепившись в руль, он смотрит прямо перед собой, а потом, покосившись в мою сторону, продолжает: «Биллов Гейтсов в Японии не бывает. Его бы здесь возненавидели. К понятию „сам всего добился" японцы относятся с глубочайшим презрением. Если человек приобретает богатство вне системы, общественное мнение против него. Взгляните на влиятельных людей в японском обществе – все они учились в престижных университетах и работали в престижных компаниях. Иначе и быть не может. В японском обществе не место индивидуалистам и выскочкам».

Он на минуту замолкает, а потом продолжает, будто разговаривая с самим собой: «Для японцев нет ничего более ненавистного, чем *нарикин*. Вы называете их нуворишами, новыми богачами, но в нашем языке нарикин означает пешку, ставшую королевой. Для японцев пешка всегда останется пешкой, даже если попадет в совет директоров и станет вести себя как важная персона. Пешка не имеет права так себя вести».

Он замечает мои камеры. «Интернетом пользоваться умеете?»

«Конечно».

Он кивает. «В Японии почти у каждого человека моложе тридцати есть по меньшей мере один сотовый телефон. Можно скачать гороскоп, самое удобное расписание электричек, послать фото новой подружки соседу по комнате. И при этом большинство старших менеджеров в японских компаниях не умеют пользоваться электронной почтой. Секретари распечатывают письма за них и записывают ответы. В Японии, если нужно прийти к единогласному мнению, по офису проходит бумага. Все должны одобрить ее с помощью *банко* – персональной печати. Система та же, что и двести лет назад! Руководство компании в глаза не видело Интернета и не понимает, какая от него польза. Еще бы, ведь им всем за пятьдесят. А если кто-то и осознает важность технологий, толку от этого ноль – большинству веб-дизайнеров еще нет и двадцати пяти. В таком возрасте в деловом мире никто их всерьез не воспримет».

Его лицо ничего не выражает. Урчание мотора в кабине похоже на рев приближающегося поезда.

«А с вами что случилось?» – тихо спрашиваю я.

Оказывается, он хотел открыть собственную фирму, занимающуюся веб-дизайном. Ему было 22 года. Ничего не вышло, он потерял все. Теперь работает водителем грузовика.

Он делает 40-минутный крюк, чтобы подбросить меня до станции в окрестностях Огуни, и вручает мне коробочку бэнто – собственный обед Мне хочется сказать ему что-то, что не

прозвучит банально.

Торчащие гвозди заколачивают. «Я вас понимаю», – говорю я.

Звоню Юка со станции. Ее нет дома, но приветливый голос предлагает заехать за мной на станцию и вешает трубку. Я не успеваю ответить. Через час является старенький пикап. Водитель выходит и называет свое имя. Его зовут Осава-сан, он плотник, работает на строительстве офисного здания в соседнем городке Ямагата.

«Я уехал из Огуни шестнадцать лет назад», – говорит Осава-сан. Теперь он ездит в деревню только по выходным, чтобы помочь друзьям с урожаем риса.

«Что это за место?» – спрашиваю я.

Он качает головой. «Народ там держится за старые устои, – он сжимает кулак, – мертвой хваткой. Все следят друг за другом: хорошо ли вычищен снег во дворе зимой? Сколько бегоний соседи посадили по весне? Традиционные события вроде свадеб и похорон имеют огромную важность. Попробуй-ка справить свадьбу в Таиланде – домой можешь не возвращаться».

Сам Осава 7 лет прожил на Хоккайдо (японской Аляске) и мечтает о том, чтобы вернуться. Ему понравился тамошний холод а главное – ощущение свободы.

Останавливаемся у крутого лесистого холма. Товарищи Осавы тоже плотники, рубят деревья, из которых потом изготовят решетку для сушки риса. Это настоящие горцы, уверенно орудующие кошками с бензопилой наперевес. Они спускаются с горы, взвалив на плечи 20-футовые деревья, и с легкостью нагружают ими кузов.

Мне кивают в знак приветствия – никаких тебе сложных церемоний, обмена визитными карточками и многочасовой беседы ни о чем.

Все ребята выросли в окрестных деревнях, но, что удивительно, подружила их американка. Ее звали Кристобер (по крайней мере, так они произносят ее имя). Кристобер почти без запинок говорила по-японски и была помешана на органических продуктах. Она убедила местных жителей, что 45% американцев – вегетарианцы, а в Нью-Йорке живут инопланетяне. После ее отъезда остались 10 мешков органической сои с надписями на английском, не поддающимися расшифровке, панамка и резиновые сапоги до колен. Похоже, Кристобер стала для них неким идеалом, с которым они теперь сравнивают всех иностранцев.

«Нет, я не вегетарианка, – отвечаю я на их расспросы. – А насчет Нью-Йорка Кристобер, возможно, была права».

Слава богу, у нас с ней один размер обуви. Я надеваю ее

сапоги, хватаю косу и шагаю на рисовое поле.

Стебли обрезаются на дюйм выше земли и складываются аккуратными горочками, все в одном направлении. Нос уткнулся в колени, подколенные сухожилия получают отличную растяжку, спина болит – работенка не из легких. Теперь я понимаю, почему у пожилых японок такие кривые спины. На Западе ни один фермер не стал бы кланяться каждому кустику. С другой стороны, таких полей, как в Америке, сплошь заросших янтарной пшеницей, в Японии никогда не было. Среднестатистическая японская ферма очень мала – не больше 3 акров*. Но при этом, чтобы покрыть арендную плату, почти 90% фермеров вынуждены устраиваться на вторую работу.

_____

* 1 акр равен 0,4 га (4000 м2).

_____

Наше поле размером с баскетбольную площадку. Здесь родится около 200 фунтов экологически чистого риса – достаточно, чтобы кормить двоих в течение года. Хозяин поля Ясунори-сан мог бы купить столько в супермаркете за несколько сотен долларов.

«Неужели это стоит таких усилий?» – спрашиваю я, упершись руками в бока и со скрипом распрямляясь, как ржавый складной стул.

«Это рис», – с откровенным недоумением отвечает он.

Рис. Священное зерно. В японской истории ему отведена ключевая роль с тех самых пор, как почти 2 тысячи лет назад рис завезли из Китая. До недавнего времени рис играл роль японской национальной валюты. Закон обязывал крестьян культивировать рисовые поля, хотя им нередко приходилось отдавать весь урожай в уплату налогов. Сами питались просом и жареным ячменем, рис ели только по праздникам.

Связанные стебельки укладывают аккуратными снопами и водружают на решетку для просушивания. Мы снимаем сапоги и идем в дом ужинать. Жена Ясунори уже готовит сукияки** – традиционное японское праздничное блюдо. Я делаю вид, что нарезаю овощи, поддерживаю беседу, а сама одним глазком поглядываю на дверь. Юка, знакомая моего друга, должна прийти с минуты на минуту, а я все еще не уверена, что она помнит, кто я такая. Она мне даже не подруга, да и приглашение было сделано 2 месяца назад… Теперь урожай собран, и я сомневаюсь, будут ли хозяева рады, если я попрошусь переночевать.

_____

** Это блюдо готовят из тонко нарезанной говядины, тофу, лапши, лука, капусты и грибов. Все ингредиенты смешивают в

одной сковороде и тушат в соевом соусе с рисовым вином мирин.

Через 10 минут в дверь вваливается Юка. У нее каштановые волосы, внушительный бюст и широченная улыбка. Английские слова она точно берет из воздуха и нанизывает одно на другое, как экзотические бусины. Меня тут же заключают в медвежьи объятия, и я таю, как сосулька в августовский день.

«Все хорошо?» – спрашивает Юка.

Не просто хорошо. Все замечательно!

Наш ужин – настоящий деревенский пир. Мясо, капуста и грибы готовятся прямо на столе, в большом котле. Маринованные овощи, (ферментированный кальмар, засахаренные каштаны – все домашнее, приготовлено на чьей-то кухне). И мои любимые липкие вареные сверчки: их тушат в соевом соусе с сахаром и саке и подают холодными, с пивом. Чем использовать пестициды, японцы попросту едят вредителей.

За ужином знакомлюсь с семьей Юка. У Ясунори своя фирма по доставке пропана. Его жена Ясуэ на восьмом месяце беременности. Вовремя свадебного путешествия они поднялись на Килиманджаро, потом несколько лет жили в Токио, но решили вернуться в родную деревню и обзавестись семьей. В доме Ясунори и Ясуэ соседствуют на первый взгляд несовместимые вещи: полы, устеленные татами, старая черепичная крыша и кухня, напичканная современной техникой, дисковый телефон и телевизор с экраном 46 дюймов, домашний кинотеатр и туалет – яма, вырытая в земле.

Гаку-профессиональный плотник, увлекается скалолазанием. Ито-сан – учитель в средней школе. Юка работает в офисе, а вечером подрабатывает игрой на барабане *тайко**. Все пальцы у нее в грубых мозолях, как подошвы борца сумо.

Родные Юка просят рассказать о моей жизни в Фудзисаве и приемной семье. Я довольно подробно описываю Гэндзи, его хорошие манеры, мастерство дзюдоиста и удивительные познания в области японской культуры и истории.

«А твоя „сестричка"?» – Юка так и сияет.

«На тебя она не похожа».

В ее глазах появляются озорные огоньки. «А хозяйка?»

Я долго молчу. «Очень мило с ее стороны разрешить мне жить в ее доме».

Юка смеется. «А ведь я звонила Юкико-сан, пока ты была с ямабуси. – Она картинно вздрагивает. – Брррр. Да она просто цербер».

---

* Традиционный японский большой барабан, обтянутый

коровьей шкурой.

_____

Я нехотя признаюсь, что моя «приемная мама», пожалуй, не в восторге от некоторых черт моего характера.

«Например?»

Я пожимаю плечами, но Юка так легко не отстает. Игнорируя мои попытки сменить тему, она как клещами вытягивает из меня всю правду. И вот я уже глотаю слезы и пытаюсь объяснить этим совершенно незнакомым людям, как испортились мои отношения с приемной семьей. Наконец договорив, поднимаю глаза и вижу, что моя веселая подруга беспокойно хмурится.

«Карин, ты должна переехать к нам и жить здесь. Мы найдем тебе место».

Все согласно кивают. Я же просто поражена. Уехать из Фудзисавы? Покинуть прекрасный дом, где всегда стоит идеальный порядок, но где я вечно попадаю впросак? Через 30 секунд я уже готова собирать вещи. Хотя если подумать… Скоро зима, а Огуни на 5 месяцев в году заносит снегом. Это будет конец моего фильма.

«Оставайся здесь сколько захочешь», – решительно заявляет Юка и наливает всем еще саке.

Я лихорадочно размышляю. Танака на 3 недели уехали в Европу. У меня еще полно времени на раздумья.

Засыпаю под хриплый смех своих хозяев: они пьют за первый урожай этого сезона и спорят о бейсбольных командах. Горит яркий свет, в комнате шумно, а подушка жесткая, как кирпич. Но сегодня ночью впервые со дня приезда в Японию я сплю спокойно.

Дни проносятся калейдоскопом, и я успеваю перезнакомиться со всеми друзьями и приятелями Юка.

Ватанабе-сан занимается сельским хозяйством. Он выращивает помидоры, грибы и другие овощи в маленьких и длинных пластиковых теплицах, которые, как толстые гусеницы, расползлись по всему полю. Ватанабе использует современные удобрения и пестициды, чтобы собрать по максимуму с каждого дюйма бережно обработанной земли.

«Пятьдесят лет назад, – рассказывает он за чашкой зеленого чая с сахарными пирожками, – более половины японцев были заняты в сельском хозяйстве. Сегодня фермеров осталось всего три процента».

После войны Япония направила все ресурсы на модернизацию производства и экспорт. О сельском хозяйстве попросту забыли. Наконец правительство вспомнило о фермерах

и выделило им субсидии, чтобы уберечь от разорения. Были установлены фиксированные тарифы, чтобы ограничить конкуренцию со стороны других стран. Фермерские хозяйства стали процветать, но со временем их конкурентоспособность упала: сейчас цена на рис в Японии на 600% превышает цену в США.

«Если тарифы отменят, чем же вы займетесь, чтобы получать прибыль?»

Несколько минут Ватанабе сидит молча. «Надгробными плитами», – наконец отвечает он.

Приготовление гречишной лапши начинается ровно в 8 утра. В большой миске смешивают муку и воду. Повар разминает комковатую смесь толстыми пальцами, пока та не превращается в сухое упругое тесто. Оторвав комок размером с пончик, он раскатывает его простой деревянной скалкой. Пончик принимает форму блюдца и становится похож на лепешку для пиццы. Повар швыряет тесто о стол, скручивает его и раскатывает по поверхности. Через 10 минут образуется 3-футовый блинчик идеальной формы толщиной с кредитную карту. Повар продолжает бить тесто о стол, потом достает нож и нарезает круг на полоски толщиной 2 мм – ни больше ни меньше. Взвесив каждую порцию на ладони, он сворачивает ее красивой восьмеркой и откладывает в сторону для варки. Спустя 3 часа 35 порций лапши готовы.

В лесистых горах вокруг Огуни водятся антилопы, олени, кабаны и овцы. Охота на медведя – прибыльный бизнес и местное развлечение. Шкуры (иногда и несколько) украшают стены почти каждого дома, владельцы магазинов и ресторанов вывешивают лучшие трофеи прямо у входа. Медвежья шкура стоит 1000 долларов, мясо – 500, а желчь, применяемая в народной медицине, – 7000 долларов.

На местном рынке продаются свежие овощи из местных фермерских хозяйств или дикорастущие, собранные в лесу. Весна – сезон *такэноко*, побегов бамбука со специфическим резким вкусом. Осень – время гигантского гриба *мацутакэ*, который растет в сосновом лесу. Зимой можно купить несколько видов маринованных овощей в пластиковых пакетах, на каждом из которых от руки написано имя изготовителя и домашний адрес.

Ито-сан заезжает на стоянку местной школы. Таких высоких зданий мне не доводилось видеть с самого отъезда из Токио.

«Раньше мы учили только чтению, письму, математике, –

рассказывает Ито-сан по дороге в класс – Теперь в программе бухгалтерское дело, компьютеры и английский».

Кажется, новая программа ему не слишком-то нравится. Ито-сан – серьезный молодой человек со спортивной фигурой и приплюснутым лицом, тренер школьной команды по пинг-понгу. По выходным ходит на охоту. Он рассказывает, как стал учителем: в пятом классе так стеснялся говорить с девочками, что все время сидел, уткнувшись в книжку, – вот постепенно и выучился.

А в Японии школьным учителям живется очень даже неплохо. Они подают публичный пример молодому поколению и сидят в самом центре паутины человеческих отношений. Но и вести себя нужно соответственно. В маленьком городишке учитель не должен переходить улицу на красный свет и ездить на машине иностранной марки. Ему нельзя жевать резинку на улице, нельзя даже купить пива без уважительной причины. Заросшая лужайка, волосы на дюйм длиннее положенного – все это для учителя табу. А обучение компьютерной грамоте, математике – это все второстепенные обязанности. Главная задача Ито-сан – воспитать учеников настоящими японцами.

Ито подвозит меня к дому матери Юка, где мне предстоит остановиться на ночлег. Маму Юка я сразу узнаю: розовые щеки, пышная фигура – Юка ее точная копия. Когда она улыбается, крупные зубы так и рвутся наружу, как живот из слишком тесной кофты на пуговицах. Меня угощают рисом, сладкой рыбой *айю* и литрами зеленого чая.

Наутро у калитки собирается 15 деревенских женщин в платьях, передниках и домашних тапках. Они тихо переговариваются между собой. Ни одна не накрашена, и всем далеко за 50. Наверное, у них здесь что-то вроде кулинарной школы или буддистской церемонии, думаю я. Тут мама Юка выходит на улицу, отпирает дверь в подвал, и мы оказываемся… в маленьком сборочном цехе. Вдоль стен от пола до потолка выстроились большие пластиковые коробки. Цементный пол устлан искусственным газоном. В каждой комнате стоит 20-футовая схема, которая привинчена к столикам с наклонными столешницами и торчащими металлическими втулками. Женщины занимают свои места, берут рулетки с проволокой и изолентой и принимаются за работу. Оказывается, здесь собирают проводку зажигания для фирмы «Nissan», которая потом идет на экспорт в США

С видом профессионалов женщины сверяются со сложной электронной диаграммой, отматывают провод и надевают его на нужную втулку. Они щелкают рулеткой, как заправские плотники,

и оборачивают провода изолентой, наматывая ее ровной спиралькой. Их действия полны спокойной уверенности – точь-в-точь как у моей бабушки, когда она печет яблочный пирог ко Дню благодарения.

Когда я спрашиваю, зачем им работа, они смущенно хихикают. «Чтобы не сидеть дома», – отвечает одна за всех. Им нравится спокойная атмосфера, возможность побыть в компании подруг. Но дело не только в этом: все они принадлежат к послевоенному поколению, взращенному на идеалах самопожертвования и дисциплины. В голодные пятидесятые работа была не просто способом обеспечить пропитание – она стала моральным обязательством. Эти женщины приходят сюда не только ради общения с подругами и приятной беседы – их просто так воспитали.

Наконец-то мы с Юка садимся в ее крошечный автомобильчик и едем на репетицию ансамбля тайко. Путь предстоит неблизкий, но мы с Юка почти не виделись с того первого вечера. Обычно она заходит всего на минутку, озаряет меня своей широченной улыбкой и идет домой спать. В ходе постоянных сокращений уволили всех ее коллег, и теперь она вынуждена одна работать за целый отдел, получая при этом меньше, чем при поступлении на работу. Презентации 2 раза в день, подготовка до поздней ночи и бесконечные совещания почти каждые выходные. Стресс отражается на лице, лоб покрыт усталыми морщинами, вокруг глаз круги, как у енота. Но слишком напряженная работа и недостаток свободного времени – это еще не все. Есть проблемы и посерьезнее.

«Карин, помнишь, ты рассказывала о своей приемной семье? Вот и у меня здесь то же самое», – признается она, как только мы выруливаем на шоссе.

Юка ездит в студию 3 раза в неделю, затрачивая 2 часа на дорогу. Барабанщики репетируют весь вечер, и домой она добирается часа в 2 ночи. А на работу приходится вставать еще до рассвета. Юка мечтает уволиться из офиса и постоянно играть в ансамбле, но игрой на тайко не заработаешь даже на аренду маленькой квартиры. Рэндзан, директор барабанного ансамбля, слишком занят своими двумя сыновьями и больше ни на кого не обращает внимания.

Юка разрывается меж двух огней, но ситуация тупиковая. Через 10 дней ансамбль Рэндзана должен выступать в Аомори. Это очень далеко отсюда. Начальник Юка запретил ей ехать. Рэндзан же настаивает, чтобы она поехала. Юка так хмурится, что меж бровей залегают глубокие морщины.

«Рэндзан мне как отец, он моя семья. Но как я буду платить за квартиру?»

Учитель не понимает, что у нее финансовые трудности. Ей же хочется заниматься любимым делом, но это невозможно: надо оплачивать счета. А ведь Юка всего 23 года.

«Я говорила с Рэндзан, пробовала заставить его понять, но…» -Она смотрит в залитое дождем окно и качает головой.

«Что ты будешь делать?»

«Не знаю. – Она смотрит на меня. – А ты?»

«Без понятия».

Студия, где занимается ансамбль тайко, совсем маленькая, и здесь полно барабанов всех размеров и форм. Репетиция уже началась. Юка берет палочки и садится играть.

Ансамбль тайко – это большое многокамерное сердце: каждый отсек пульсирует в собственном ритме, но все находятся в совершенной гармонии. В груди резонирует гул гигантского барабана *одайко*. Меньший барабан выстукивает сложную мелодию. На фоне громовых раскатов раздается журчание флейты – она как ветерок, раскачивающий вековые сосны. Тихий звон цимбал – как прикосновение птичьих крыльев. Если бы сама природа сотворила симфонию стихий, эта музыка звучала бы именно так

А в эпицентре всего – Рэндзан. Высокий и мускулистый. От многолетней игры на барабанах мышцы на руках стали стальными. Рэндзан не просто красив, в нем есть какой-то животный магнетизм, который не под силу воспроизвести ни одному пластическому хирургу. Он бьет в барабан с восторгом ребенка и нечеловеческой точностью. Рэндзан – артист от природы, это видно по тому, как он жонглирует палочками и неотразимо улыбается. Когда приходит время выучить новый ритм, Рэндзан подходит к барабану, выстукивает невероятно сложную мелодию и говорит ученикам: «Вот так!» Вот и все объяснение.

Через 4 часа Рэндзан наконец устраивает перерыв. Он объявляет, что в следующие выходные проведет 2-дневный семинар в местной школе. Я смотрю на Юка – она вся сияет, от усталости не осталось и следа. И не раздумывая записываюсь.

Оба дня, вместо того чтобы играть на барабане, я любуюсь на Рэндзан. Наш учитель явный экстраверт, что для японца большая редкость. Он сидит к нам боком, скрестив руки на груди с видом великодушного монарха, и лишь изредка выступает вперед, чтобы исправить ошибку или продемонстрировать технику игры. Но даже когда он ничего не делает, энергия так и плещет во все

стороны, как от огненного шара.

Ученики бинтуют нарывы и наклеивают поверх бинтов пластырь. В конце концов забинтованные пальцы становятся такими толстыми, что палочки еле держатся в руках. Но ученики продолжают барабанить. Даже те, кто ждет своей очереди, не теряют время зря, хлопают в ладоши и притопывают ногами. И время от времени украдкой поглядывают на Рэндзан в надежде, что тот обратит на них внимание.

Вечером Рэндзан садится во главе стола, а полдесятка учеников наперебой берутся наполнять его стакан саке, да так, что напиток льется через края. Учитель – идеальный хозяин вечеринки: сумел уговорить студентов из Фукуока станцевать знаменитый танец Цветов, а самую робкую девочку – спеть караоке. Заметив, что кое-кто не пьет, он приказывает наполнить стаканы. Слово хозяина – приходится пить.

Но стоит Рэндзан выйти из комнаты, как по ней пробегает поток. Ученики постарше, в деловых костюмах, переговариваются на приглушенных тонах: этот Рэндзан… какой высокомерный… он индивидуалист, принимает решения, не спросив у группы… Те самые подхалимы, что только что соревновались за право сидеть с ним за одним столом, смеялись над его шутками, купались в лучах его обаяния, после ухода учителя тут же заговорили так, как того требуют их одинаковые серые костюмы, одинаковые прилизанные прически. Шепот не затихает. Рэндзан смеется и пьет саке. Ему все равно.

По окончании семинара ансамбль укладывает барабаны, и мы едем к северу, в Аомори, 12 часов на автобусе. Рэндзан устраивает одному из барабанщиков энергичный массаж, кладет ноги на плечо Юка и засыпает. Я вспоминаю ее слова: «Он мне как отец. Он моя семья». Уверена, если бы Юка забеременела, не будучи замужем, Рэндзан бы без колебаний взял ее с ребенком к себе. Если бы кто-то из барабанщиков попал в аварию и стал инвалидом, он заботился бы о нем до конца жизни. Подопечные учителя могут рассчитывать на заботу и неразрывную дружбу – взамен требуется лишь абсолютное повиновение.

Барабанное шоу похоже на сказку: 200 цветных прожекторов, барабаны стоимостью 400000 долларов, вырезанный из дерева дракон со сверкающими глазами и паром изо рта и даже шоу фокусников в перерыве. Зрители в основном старшего возраста. Поднимается занавес, все вежливо хлопают. Барабанная дробь прокатывается по залу подобно гигантской пенной волне. Зрители машинально притопывают ногами и кивают головами. Их привлекает не красивый ритм, не удивительное мастерство, а сами барабанщики, которые, кажется, получают от игры огромное

удовольствие. Вспышки прожекторов освещают перекатывающиеся мускулы Рэндзан. На его лице широкая и абсолютно искренняя улыбка. Даже зубы сияют люминесцентно-белым, точно подсвеченные изнутри. Когда затихает эхо последних ударов, раздаются громовые аплодисменты. Рэндзан раскидывает руки, принимает букеты и бутылочки с саке как заслуженную награду. Наконец занавес опускается, но я все же успеваю взглянуть на маленького мальчика лет семи в первом ряду. Его глаза полны восхищения и прикованы к высокой фигуре в центре сцены.

Зрители покидают зал помолодевшими на 20 лет. Их шаг легок и пружинист, спина прямая. Они идут чуть ли не вприпрыжку.

Рэндзан-сан не свойственна скромность, чисто японское стремление к самоуничижению, – он во многих отношениях вообще не похож на японца. Но именно в этом секрет его обаяния. Он – воплощение всего, что не может позволить себе среднестатистический японец. И пусть завтра эти среднестатистические японцы проснутся, наденут свои серые костюмы, сядут в электричку и поедут на работу. Сегодня у них еще есть время помечтать.

Вскоре после представления я прощаюсь с Юка. Пусть мы знакомы совсем недавно, но за это время я успела узнать о ней не так уж мало: она ужасно водит, может выпить больше, чем трое мужчин, вместе взятые, и если понадобится, отдаст последнюю иену незнакомому человеку на улице. Это она залечила трещины, из-за которых вся моя жизнь грозила расколоться. Уже через 5 минут после знакомства с Юка я готова была бросить все и переехать в ее маленькую деревню в горах. За эти 3 недели я словно снова побывала дома. Теперь пора уезжать, и у меня разрывается сердце.

ГЛАВА 13

Измученные Танака возвращаются после 3-недельного путешествия по Европе. Они очень рады, что больше не нужно осматривать никакие достопримечательности. В итальянской программе было слишком много замков, и все на вершинах холмов, на которые приходилось утомительно долго подниматься. Туалета в Испании отвратительно грязные. Через 4 дня после начала путешествия все трое ужасно простудились. И все потолстели на 5 фунтов от ужасно жирной европейской еды.

Юкико немедленно сажает всех на жесткую диету и записывается на срочный прием к хиропрактику. Тот колет ей палец, берет каплю крови и рассматривает ее под микроскопом, после чего со скорбным видом заявляет, что у нее в крови плавают бактерии и грязь. И все потому, что толстая кишка функционирует неправильно. Что же он ей прописывает? Какой-то пакетик с белым порошком. Узнав цену, я чуть не падаю в обморок. Порошок впоследствии оказываете обычным соевым крахмалом.

Юкико хочет узнать мое мнение. Так как я не могу сказать о хиропрактике и его лекарстве ничего хорошего, то хитро перевожу стрелки на Гэндзи. Тот, кажется, тоже не верит хиропрактику, но тем не менее не запрещает жене ходить к нему и смиренно глотает все лекарства, которые она от него приносит. В Японии домашнее хозяйство и здоровье семьи находятся в руках женщины. Грязный стол на кухне, вросший ноготь у мужа – во всем виновата она. Это по велению Юкико семейство Танака несколько раз в месяц ходит вправлять позвоночник, но в кресле зубного оказывается лишь тогда, когда болит зуб. Раз Юкико решила, что от промывания кишечника пользы не будет, значит, так оно и есть. Если возникли сомнения, она советуется с семейным врачом. Ему 89 лет. И самое главное, она в курсе, какая у кого группа крови.

Японцы считают, что группа крови влияет на характер человека. При приеме на работу работодатель требует сведения о группе крови потенциальных сотрудников. Этим критерием руководствуются при выборе друзей, деловых партнеров, целевой аудитории покупателей. Интерес к этой теме всколыхнулся в 1920-е годы, когда появилась серия статей о влиянии группы крови на темперамент. Людям с первой группой свойственно великодушие, прямолинейность и неповиновение авторитетам. Обладателям второй группы приписывается осмотрительность, добрый нрав, высокие интеллектуальные способности, спокойный

темперамент, молчаливость, склонность к подчинению, дисциплинированность. Именно такие становятся трудоголиками, страдают от запоров и повышенного давления. Люди с третьей группой эгоистичны, общительны, но не любят заботиться о других.

Не прошло и 10 лет, как графа с группой крови была добавлена в большинство анкет, которые требуют заполнить при приеме на работу. Это якобы способствовало сбалансированной рабочей обстановке: слишком много людей второй группы создавали слишком пассивный коллектив. Вакансии распределялись соответственно темпераменту. Вторая группа – агенты по продажам, клерки; четвертая – школьные учителя, дипломаты. Карьера гейши (для женщин) и военного (для мужчин) была уделом первой группы. Каждой группе были свойственны и свои нехорошие качества. Например, финансовые преступления чаще всего связывались со второй группой, обладатели которой были самыми образованными. Первую группу отличала склонность к насилию, третью – к безделью.

В 1971 году было опубликовано исследование под названием “Группы крови и совместимость характеров”. Этот опус с тех пор пережил более 200 переизданий; его автор выпустил 9 книг на аналогичную тему. Идея книги проникла повсюду – теперь даже презервативы в автоматах разложены по группам крови!

У Юкико вторая группа.

«А у тебя?» – спрашивает она, застав меня врасплох. Оказывается, у мена тоже вторая. Она, кажется, не очень-то рада.

«Понадобится переливание – будешь знать, к кому обратиться», – отшучиваюсь я и протягиваю руку. Юкико морщит нос, точно учуяла запах мертвечины. Я еле удерживаюсь, чтобы не ляпнуть, что это в ее крови плавает грязь и бактерии, но здравый смысл меня вовремя останавливает. Недаром говорят, что люди со второй группой крови обладают немалым интеллектом!

Я очень надеялась, что месяц вдали друг от друга улучшит отношения между нами, но, похоже, они только испортились. Танака вежливы со мной, но каждый раз, наткнувшись на кого-нибудь из них, я чувствую дистанцию. Никто не спрашивает, где я была, чем занималась. По дороге на дзюдо Гэндзи по-прежнему приветлив со мной, но дома он тут же пропадает наверху. Мне очень хочется все исправить, но с чего начать? Может, Роберто подскажет?

Он молча выслушивает рассказ о моих неудачах на кулинарном и хозяйственном фронте, но когда я упоминаю о наших с Гэндзи беседах за ужином, его лицо мрачнеет, как туча.

«Ты должна была слушаться Юкико и готовить ужин, а не с

Гэндзи говорить». – замечает он. Я понимаю, что он прав, но теперь-то какая разница? Меня больше не приглашают ни ужинать, ни говорить, ни даже мыть посуду.

Роберто считает, что Юкико сильно ревнует меня к Гэндзи. Спешу заверить его. что между нами никогда не было и намека на неподобающее поведение.

«Это не важно, – отвечает Роберто и качает головой. – Ты ведешь опасную игру».

Он говорит, что я должна быть предельно осторожна.

«Что я должна делать?»

Наверняка же и он тоже совершал ошибки и нашел способ все исправить?

«Надо извиняться до тех пор. пока она не простит тебя, – задумчиво произносит он. – Кланяйся, соглашайся на любые наказания, пока они не будут готовы принять тебя обратно».

Я невольно вспоминаю рассказ Марка Твена про голубую сойку, которая пыталась заполнить пустой дом, бросая желуди сквозь щелочку в крыше.

«Мне тридцати лет будет мало».

Роберто кивает. «Так наберись терпения».

Я иду домой, беру свой любимый шелковый шарф и брошку и заворачиваю их в красивую оберточную бумагу. На собственноручно изготовленной открытке пишу записку Юкико «Мне очень жаль, что так вышло, я скучаю по нашим разговорами» и т. д. Кладу подарок и открытку на секретер у входной двери. Они бесследно исчезают. Я еду в город и покупаю вкусные деликатесы, которые Танака очень любят. Они тоже исчезают.

А потом, в один прекрасный день у меня на пороге появляется толстый коричневый конверт. Я бегу в комнату и нетерпеливо его разрываю. С того самого дня, как Дзюнко познакомилась с сумотори, я очень заинтересовалась японским подходом к любви и женитьбе. И вот пару месяцев назад я составила анкету по этому вопросу и договорилась с учителями английского, чтобы те раздали ее студентам в качестве домашнего задания. А на курсах английского в Японии учатся по большей части скучающие 40-летние домохозяйки: дети выросли, заняться особо нечем. Просмотрев ворох бумаги, я наскоро вывожу результаты. Юкико и Гэндзи они наверняка заинтересуют, может, мне даже удастся добиться, чтобы меня пригласили для дружеской беседы?

В последние несколько месяцев Гэндзи и Юкико очень обеспокоены поисками мужа для Дзюнко, и тревога растете каждым днем. Ей уже 29, а у нее нет не то что достойного жениха,

а даже приятеля. Недавно Юкико заставила ее записаться на еженедельные кулинарные курсы. Н Дзюнко ни разу не принесла попробовать свои шедевры, а мне и вовсе кажется, что она прогуливает занятия, Дзюнко знает, что после 30 ее уволят, но, кажется, ей это не слишком тревожит. Когда ее слишком уж настойчиво расспрашивают о планах на будущее, она отвечает, что хочет попутешествовать в течение года – без родителей, естественно, – и, возможно, поступить в кулинарную школу в Париже. Юкико при этом всегда оживляется – видимо, перед ее глазами уже стоит картина, как дочка взбивает крем-брюле. А вот Гэндзи. напротив, мрачнеет – видимо, представляет, как Дзюнко транжирит родительские денежки в квартале модных бутиков. В одном Гэндзи и Юкико сходятся: 3 года обучения за границей – это слишком долго. Дзюнко обязательно должна выйти за японца.

Мне понятны усилия Дзюнко оттянуть неминуемый исход. Ей явно не хочется отказываться от нынешнего образа жизни в пользу жизни домохозяйки. Ведь это означает целыми днями быть запертой в маленькой квартире, вместо сумочек „Armany" покупать продукты на неделю, менять подгузники до отупения и быть прислугой для мужа. Немногим японским женщинам удается избежать такой участи. Даже принцесса Масако, выпускница Гарвардского университета и прекрасная теннисистка, променяла блестящую дипломатическую карьеру на добровольное заключение в мире 12-слойных кимоно, бесчисленных ритуалов и предписаний этикета.

Японская поп-культура лишь осложняет переход от свободной жизни к замужеству. Незамужние женщины из телепрограмм и рекламы – само воплощение инфантилизма стиля постмодерна. Синтетические поп-звездочки, которые становятся для тысяч восприимчивых девочек подросткового периода предметом для подражания, надувают розовые губки и носят носки с помпончиками и два хвостика на макушке. Они олицетворяют стиль кавайи – нечто милое, детское, трогательное, невинное, ранимое. Такие сахарные ангелочки. Даже от 25-летних женщин ждут покорности. Они должны быть зависимыми, женственными и ни в коем случае не агрессивными. В офисе женщины-служащие ведут себя как совершенные дети: на телефонные звонки отвечают нарочно писклявыми голосами и считаются с мнением всех мужчин без исключения – от посыльного до директора фирмы.

Что же происходит, когда молодая женщина наконец встречает свою любовь и примеряет свадебное платье? Буквально за один день она превращается из милой очаровашки в матрону, вечный предмет офисных шуток. На нее вдруг ложится

ответственность за домашнее хозяйство, финансы, детей, их образование. Японцы считают, что мать должна быть воплощением силы и благоразумия. Кончаются деньги – вся вина ложится на хозяйку: надо было экономить. Ребенок плохо учится – значит, мать плохо подготовила его к школе. Муж растолстел – виновата жена: не надо было разрешать ему есть и пить слишком много. Японские мужчины, как правило, никогда в жизни не живут одни и сильно избалованы матерями. Обязанность жены – следить за тем, чтобы муж был в хорошей форме. И вот в жизни молодой женщины вдруг наступает момент, когда окружающие оценивают ее уже не по тому, какой у нее цвет помады. Теперь на первом месте стоит то, чем она готова пожертвовать, чтобы создать идеальный дом для мужа и детей.

А если верить моему исследованию, многие молодожены в начале семейной жизни даже не влюблены друг в друга. По мнению моих респонденток, брак – очень важное дело и потому не может основываться лишь на сексуальном влечении. Брак по-японски – это вовсе не поиск второй половинки, а всего лишь то, что принято делать в определенном возрасте. Брак по любви не такая уж и редкость, но даже счастливые браки нередко заключаются через посредника. Общество прилагает все усилия, чтобы провести грань между влюбленностью и браком. Популярные у подростков песенки про любовь повествуют о губках, глазках, стройных ножках, но в них редко говорится о долгой и счастливой совместной жизни. Телесериалы про любовь почти всегда заканчиваются плохо. Главными лейтмотивами большинства из них являются долгие печальные взгляды под дождем и тихонько плачущая женщина, раздираемая тайными желаниями, которые неизбежно приведут лишь к несчастью и позору. Если юная героиня поддается страсти, ее история всегда плохо кончается, ибо в глазах японцев настоящая любовь – это нечто неосуществимое.

Помимо всех перечисленных трудностей, свидания с противоположным полом до окончания школы, мягко говоря, не поощряются. Подростки в Японии очень редко могут позволить себе купить машину, а учитывая строжайшие законы об автомобильных выхлопах, починить какой-нибудь старый драндулет, как это делается в Штатах, просто не представляется возможным. Вследствие этого – никаких вам открытых кинотеатров, никаких поцелуев на заднем сиденье у озера. Японские подростки (и их родители) полностью ограждены от потрясений и сердечных травм, которые переживает в том же возрасте среднестатистический западный тинейджер. Но, с другой стороны, они не имеют возможности учиться на своих

ошибках. Когда японцы наконец женятся, они словно попадают в семейную жизнь сразу из детства. Это сродни прыжку с крутого обрыва, и пережить шок бывает непросто.

Я заканчиваю обзор 50 с лишним ответов на мою анкету.

Оказывается, самый ужасный порок в представлении японцев – *кидзинсуги* (индивидуализм). Это слово в Японии почти ругательное. Бесстыдство и разгильдяйство идут с небольшим отрывом.

Самая великая добродетель – благородство, мужество, стыдливость. И умение правильно носить кимоно.

По всеобщему мнению, свахи – отличный способ познакомиться с потенциальным супругом. Лишь одна женщина против: она ненавидит своего мужа и винит во всем сваху.

Идем дальше. Молодые женщины, живущие с родителями, должны помогать по хозяйству, но не должны платить арендную плату. Матери обязаны обучить дочь кулинарии и умению вести хозяйство, иначе какой от девочек будет толк?

Женщина, которая достигла определенного возраста и так и не вышла замуж, считается позором для общества. Что касается ухода за ребенком, этим должна заниматься женщина. На ней же лежит и уход за престарелыми родителями. Хорошее образование мешает женщине удачно выйти замуж.

Я беру результаты, бегу наверх и осторожно стучусь в дверь гостиной. Гэндзи там, смотрит новости по каналу CNN. Я вкратце объясняю, что провела исследование и предлагаю показать ему результаты. Он тут же выключает телевизор и поворачивается ко мне. Даже Юкико бросает готовку и слушает. Они зовут Дзюнко, чтобы и та ответила на вопросы анкеты.

«Какое качество вы считаете самым важным для будущего супруга?» – обращаюсь я к развалившейся в кресле Дзюнко.

«Такай, такай, такай», – смеется она. Стандартный ответ: в нем обыгрывается 3 значения слова *такай* – хороший доход хорошее образование, высокий рост.

Я пробую другой подход. «А что, если бы пришлось выбирать любовь, высокий заработок или одинаковое социально-экономическое положение?»

«Заработок», – без колебаний отвечает она.

Гэндзи ничего не говорит, по удивленно вскидывает брови.

«А любовь – необходимое условие брака?»

«Нет».

Оказывается, у Дзюнко к будущему супругу одно-единственное требование – хорошие карьерные перспективы.

«Если у молодого человека есть карьерный потенциал, – рассуждает она, – то я выйду за него замуж и буду надеяться, что

любовь возникнет позже, сама собой».

«А если он несимпатичный?» – наверное, это нескромный вопрос, но любопытство сильнее меня.

«Постараюсь с этим смириться».

У Гэндзи глаза лезут на лоб. Похоже, мое исследование грозит обернуться семейной ссорой.

Надо сменить тему. Я лихорадочно просматриваю заметки. В Японии нередки случаи, когда родители нанимают частного детектива, чтобы тайком навести справки у коллег, друзей и соседей кандидата в женихи (это если помолвка уже назначена). Если выяснится, что у кого-то из родственников жениха были отклонения в умственном развитии, если даже кто-то из родных обанкротился, то даже самую удачную кандидатуру могут отвергнуть. Именно по этой причине японцы так неохотно обращаются к врачам, когда речь заходит о лечении алкогольной зависимости и депрессии, ведь можно испортить брачные перспективы последующих поколений.

«А вы бы стали нанимать детектива, чтобы разузнать побольше о будущем зяте?» – спрашиваю я Гэндзи. Тот колеблется с ответом, а Юкико, не дослушав вопрос, уже согласно кивает. Готова поспорить, эта допросит всех, вплоть до детсадовских воспитателей потенциального жениха – какие отметки он получал по рисованию и т.д.

«Если окажется, что отец жениха увольнялся с работы, будете ли вы мешать заключению брака*?

_____

* В Японии существует система пожизненного найма. Ее возникновение не в малой степени обусловлено традиционными представлениями. Наниматель и работник – это тот же феодал и подданный, присягнувшие друг другу во взаимной верности. В сознании рядового японца нет ничего хуже, чем изменить фирме, которую они считают своей семьей, вторым домом. Отсюда и нежелание использовать все дни законно предоставляемого отпуска, и стремление работать сверхурочно – все это в сознании японца является проявлением патриотичности по отношению к фирме. Увольнение считается страшным позором. Фактически, если сотрудник был уволен из крупной корпорации (кроме как по сокращению штатов), ему никогда уже не найти работу в другой.

_____

«Это пусть Дзюнко решает». – отвечает Гэндзи.

Мы все смотрим на Дзюнко. Та решительно трясет головой. «О каком браке может идти речь! Отец – модель для сына, а яблоко от яблони недалеко падает».

Юкико очень довольна ответом Дзюнко.

Я делаю рискованный ход «А вы были влюблены, когда женились?» – спрашиваю я Гэндзи.

«Ну она-то была от меня без ума!» – Он улыбается и показывает на Юкико. Та толкает его в бок. Гэндзи смеется.

Я на этом не останавливаюсь. «Как вы познакомились?»

Он задумывается. «Не помню».

Юкико бросает на него один из своих взглядов. Но Гэндзи ее просто дразнит. Он в точности помнит, где они познакомились, кто их представил. Юкико улыбается, слушая его рассказ.

В такие минуты мне очень нравится на них смотреть. Они без ума друг от друга и, главное, прекрасно ладят. Юкико и Гэндзи играют отведенные им роли и уважают обязанности друг друга. Они- ходячее доказательство, что система работает. Может, Дзюнко стоит над этим поразмыслить?

Когда приходит время возвращаться в мою комнату, я практически парю над лестницей. Я соскучилась по моей приемной семье гораздо сильнее, чем мне казалось. И пропасть между нами, кажется, не так уж велика.

Через 2 дня меня зовут на кухню. Время ужина. Гэндзи сидит за столом в тапочках и пьет виски. Он хочет со мной поговорить. Юкико стоит у плиты и режет имбирь.

«Заходи! Заходи! – радостно зовет Гэндзи и приглашает меня в кресло. – Садись!»

Я украдкой смотрю на его стакан. Он полон лишь на треть, но иногда Гэндзи выпивает и два. Смотрю я и на кухонный стол. Он завален разнообразными блюдами, но Юкико всегда красиво выкладывает продукты, даже перед варкой, и невозможно понять, предназначены они на стол или в кастрюлю.

«Вы уверены?» – спрашиваю я.

«Садись!» – Гэндзи действительно хочет со мной поговорить. Именно об этом и предупреждал Роберто. Мне бы надо помочь Юкико накрыть на стол, но ведь я даже не знаю, пригласят ли меня к ужину. А игнорировать просьбу Гэндзи тоже нельзя, даже если Юкико рассердится. И я сажусь в кресло.

Мы обсуждаем вечерние новости. Гэндзи в ударе. Наверное, это уже вторая порция виски. Он говорит о том, что сейчас творится в «Renault» на высших постах теперь одни французы. Я могла бы слушать его хоть весь вечер. С отцом мы никогда так не разговаривали, этих бесед я жду всю неделю. Но Юкико на маленькой кухне сердито ходит от стола к плите, и я ее прекрасно слышу. Через 15 минут встаю с кресла, бормочу извинения и благодарю Гэндзи за разговор. Когда я подхожу попрощаться с Юкико, ее взгляд ошпаривает меня, как кипятком.

Я бегу вниз.

Наверное, ужин у нее был уже готов. Надо было сесть за стол… У меня такое чувство, будто я вложила в акции все сбережения, а фондовый рынок взял и рухнул. Я сажусь у себя в комнате и стараюсь не слушать, как наверху гремит посуда.

Юкико больше не здоровается со мной в саду, а почту вручает молча. Она морщится от отвращения, стоит ей взглянуть в мою сторону. Я терплю 3 дня, а потом укладываю камеры и уезжаю.

Высадившись из поезда в Киото, я толком не знаю, куда идти. На углу стоит туристический киоск, и я направляюсь туда. Маленькую японку за стойкой зовут Морита-сан. Она объясняет туристам, как пройти в местный театр кабуки, помогает с размещением и подсказывает, как добраться до знаменитых храмов Киото на метро. Должно быть, в прошлой жизни она не угодила богам, иначе почему именно ей выпало несчастье сидеть за стойкой в тот момент, когда я вошла в дверь?

Я начинаю с малого: спрашиваю, как пройти на фестиваль, и прошу порекомендовать дешевую гостиницу. Морита-сан с таким радушием мне помогает, что на следующее утро я являюсь к агентства еще до открытия. Рассказываю ей о своем фильме. Дело в том, что даже со связями Танака мне так и не удалось приоткрыть дверцу в мир традиционной Японии – тут все засекречено почище штаб-квартиры ФБР. Бесконечные буддистские храмы и сады камней – вот практически все, что у меня на пленке, и какую ценность после этого имеет мой фильм? Рекламного ролика для групповых туристов?

И вот, выслушав мой рассказ, Морита-сан произносит судьбоносные слова: «Может, я смогу чем-то помочь?»

Я делаю глубокий вдох и выкладываю все и сразу. «Как думаете, можно мне пожить в буддистском храме? Не как туристке, а в качестве послушника. Я хотела заснять игру в патинко, но когда вошла в салон, ровно через минуту меня схватили и выставили на улицу… А есть ли в Японии заводы по производству саке, где до сих пор используют деревянные ведра и лопатки для риса? А еще хочется пойти на рыбалку с ловцами крабов-пауков, видели таких гигантских крабов размером с тарелку? И фестиваль голых* – кажется, там очень весело… Как думаете, меня туда пустят? Ведь можно надеть 2 набедренные повязки – одну вниз, другую наверх…»

---

* Фестиваль проводится несколько раз в год по всей Японии. Несколько сотен, а то и тысяч мужчин в набедренных повязках собираются во дворике храма и ловят брошенный в толпу

священный предмет.

_____

Морита-сан все записывает. Когда я наконец замолкаю, возникает небольшая пауза – ну, как если бы я заявила приятелю, что погощу у него еще с месяц, а он слишком добр, чтобы отказать.

Морита-сан улыбается и говорит: «Вы первая, кто просит меня о таком… Посмотрим, что можно сделать».

В тот же вечер она знакомит меня с владельцем салона патинко. Он не только разрешает заснять интерьер салона и игроков, но и приглашает меня на ужин и за едой подробно рассказывает, как устроен игровой бизнес. На следующее утро я снова стою у туристического центра: в руках пакетик с пирожными, на лице стыдная улыбка. У меня еще с десяток просьб к Морита-сан. Я понимаю, что она помогает мне чисто из доброты душевной, работы у нее и без того навалом, но в ответ на все мои сомнения она лишь улыбается и машет рукой.

«Ты задаешь очень интересные вопросы», – вот и все, что она отвечает.

Перед моим отъездом из Киото Морита-сан совершает замечательный, невероятно щедрый и в то же время ужасный поступок: дает мне свой адрес электронной почты. Я знаю, что это против правил туристического центра. И даю себе обещание, что не воспользуюсь адресом, но все же нарушаю клятву. Морита-сан – мое связующее звено, мой единственный шанс на успех спустя все эти месяцы сплошных неудач. Если Танака неспособны помочь мне понять Японию, то я сделаю это сама – через видоискатель своей камеры.

ГЛАВА 14

«Карин, наверх!»

Уже несколько недель я не слышала этих слов. Бегу вверх по лестнице. На маленькой кухне полно людей. Гэндзи говорит с сыном, а Ясуэ, невестка Танака, помогает Юкико готовить ужин Синтян – единственный внук Гэндзи и Юкико – носится по комнате и после каждого второго круга останавливается и просится к деду на колени. Я вижу, что овощи еще не нарезаны, и иду прямиком к доске, но Гэндзи хватает меня за руку: он хочет, чтобы мы с его сыном поговорили по-английски.

Усио – очень серьезный молодой человек с тонким лицом, натянутый, как струна. Он похож на человека, для которого дисциплина важнее кислорода. Вслед за отцом поступил в престижный Токийский университет, по окончании которого был тут же приглашен в “Nissan” – одну из престижнейших автомобильных корпораций. Спустя 3 года Усио перевели в тайваньский офис. Он быстро выучил местный язык и получил черный пояс в одном из видов боевых искусств. Гэндзи сияет от гордости, глядя на сына. Тот с трудом припоминает английские слова, но Гэндзи не разрешает ему перейти на японский. Закончив рассказ о себе, Усио начинает утомительный экскурс в тайваньскую историю. Я пытаюсь сосредоточиться на его словах, но обнаруживаю, что могу думать только о морковке, которая так и лежит на столе ненарезанной. Мне почему-то кажется, что, если я сейчас же не встану и не нарежу эти нечетные корнеплоды, они превратятся в летающие кинжалы и вонзятся мне в грудь. Гэндзи решает, что Усио должен продемонстрировать свои достижения в боевых искусствах на дорожке перед домом. Меня приглашают посмотреть. Повернувшись к овощам спиной, покорно плетусь за хозяином.

Во время обеда я делаю вид, что слушаю Усио, но на самом деле все время наблюдаю за его сыном. Синтяну 1,5 года. Для этого возраста он удивительно послушный ребенок. Тихо сидит у матери на коленях, показывает на тарелки и говорит: «Кушать». Ясуэ неустанно поправляет: «Пожалуйста». Он повторяет за ней и лишь тогда получает кусочек. После обеда Синтян слезает с рук Ясуэ и бежит на свое любимое место – к дедушке на колени. Гэндзи смеется, берет малыша на руки и разрешает ему поиграть со своими очками. Мы с Ясуэ встаем, чтобы убрать со стола. Невестка Гэндзи – настоящая красавица: короткие черные волосы, высокие скулы, длинные ресницы. Она говорит только шепотом, никогда не поднимает глаз и во всем слушается Юкико: знает,

куда ставить посуду, и вскакивает, чтобы исполнить приказ еще до того, как его произнесут.

Ясуэ прошла суровое одобрение Юкико и стала идеальной невесткой во всех отношениях, кроме одного. Родители Гэндзи жили на первом этаже его дома, а Юкико прислуживала им днем и ночью. Естественно, она рассчитывала, что, когда сын приведет домой жену, та будет так же прислуживать ей. Даже дом был построен с расчетом на то, что однажды сюда переедет Усио с семьей. А потом случилась катастрофа: Усио получил работу в другой части Токио, куда было слишком долго добираться на электричке. Теперь он навещает родителей всего раз в месяц, а Юкико после долгих лет в услужении у родителей мужа лишилась своей награды.

И тут появляюсь я – женщина одного с Ясуэ возраста, но совершенно нецивилизованная. Я занимаю то место, где должна была быть Ясуэ. В Японии само собой разумеется, что свекровь должна недолюбливать невестку. Даже слово *сутомэ* – невестка – имеет множество нехороших двойных смыслов. Молодая женщина является в дом чужим человеком, и главная ее обязанность – уяснить, какие порядки установлены в доме свекрови, и следовать им безукоснительно. Невестку с самого начала считают ни на что не годной, и могут пройти годы, прежде чем ее со скрипом признают одной из своих.

Я наконец понимаю, почему Дзюнко предпочитает жить в маленькой комнате наверху и не хочет переезжать в просторную квартиру на первом этаже. Это первый шаг на пути туда, где она ни в коем случае не хочет оказаться.

Ужин меня утомил. Когда Усио наконец уезжает, я с чувством облегчения машу ему вслед. Но как только я собираюсь пожелать Танака спокойной ночи, оказывается, что вечер еще не окончен. Гэндзи отводит меня в сторону и сообщает, что его назначили руководителем ежеквартального собрания бывшей группы по дзюдо Токийского университета (благодаря этой самой ассоциации полгода назад я оказалась у Танака).

«Я был бы рад, – вежливо просит он, – если бы ты согласилась прийти и произнести небольшую речь на японском».

«Конечно, Гэндзи». Это всего лишь одна 10-тысячная того, что я могу для него сделать; мой долг гораздо больше.

Мы решаем, что речь должна быть на 15 минут. Я несколько раз спрашиваю, о чем мне говорить, но Гэндзи считает, что я сама должна решить.

Я пишу 4 варианта, но ни один не проходит одобрение.

«Может, напишешь о своих занятиях дзюдо – здесь и в Америке?» – предлагает Гэндзи.

Я делаю, как он говорит. Он предлагает кое-что добавить. Я добавляю. За первыми дополнениями следуют другие. В результате получается речь на 30 страниц, без единой ошибки – несколько ужасных вечеров в обнимку со словарем.

«Хорошо, – наконец заявляет Гэндзи. – Только речь должна быть на *кэйго**».

_____

* Почтительная разновидность японского, в отличие от фуцуго (обычная речь, просторечие).

_____

К сожалению, я знаю только обычную разновидность японского. Тогда Гэндзи любезно предлагает переписать речь в нужном стиле. Втайне от него я потом перевожу ее на английский, и оказывается, что он убрал все мои шутки, да и самому тексту как будто сделали лоботомию. Ну ничего. Записываю, как Гэндзи произносит речь перед камерой, и 2 недели тренируюсь каждый вечер. Мне все равно, что подумают люди из ассоциации; главное, чтобы Гэндзи мной гордился.

Я понимаю, что мои дни сочтены, когда парикмахер Юкико отказывается меня стричь. Я звоню ему уже в третий раз, но он всегда занят. И наконец я получаю сообщение: больше не звоните.

Через неделю Юкико сообщает, что на Рождество приедет ее мать. Обычно они селят ее в гостиную с нормальной западной кроватью, но я все равно предлагаю съехать. Юкико тут же соглашается.

Неужели вот так все и кончится? На первый взгляд мне ничего не остается, как собрать вещи и вернуться в Штаты. Но я начала снимать фильм, который так и остался незаконченным. Если я сейчас поеду домой, то получится, что все было напрасно. И я опять потерпела неудачу. С этим я никак не могу смириться.

И я остаюсь.

Легче сказать, чем сделать: стоит лютая зима, а мне скоро будет негде жить. Обзваниваю с десяток агентств по недвижимости, но ответ везде один и тот же: на договоре аренды должна стоять подпись поручителя – гражданина Японии. В конце концов открываю рубрику частных объявлений в английской газете: в Осаке требуется сосед по квартире. Общая кухня, ванная и гостиная, тихий район в 5 минутах от станции Киобаси, залог в размере месячной платы. Комната свободна с 20 декабря. Я соглашаюсь, даже не взглянув на помещение. Моего нового соседа зовут Джерри.

Вечером, вернувшись домой с тренировки, вижу на столе записку от Юкико: оказывается, я немедленно должна сделать

копию материала, который мне удалось заснять на фестивале Сандзя (это было полгода назад), и послать кассету владельцу бара в Асакусе. И приложить письмо с извинениями, почему не прислала запись сразу.

Тут, наверное, какая-то ошибка. Я записала кассету сразу после фестиваля и отдала ее Юкико. Иду наверх и спрашиваю у нее, но она говорит, что в глаза эту пленку не видела. Оригинал записи уехал с мамой в Штаты. Мне остается лишь предложить выслать кассету после возвращения домой.

«Сделай сейчас!» – шипит Юкико.

Наутро меня ждет второе письмо. В нем список всех людей, перед которыми я должна извиниться в письменной форме, – от друга Юкико из ресторана органик до соседки, той самой, которая не опрыскивает изгородь. Прошу Юкико помочь, но у нее нет времени. Я в отчаянии бегу к Роберто.

Он молча выслушивает меня и качает головой.

«Ты должна немедленно уехать оттуда», – решительно заявляет он. Ему кажется, что поведение Юкико иррационально – даже в Японии так никто себя не ведет.

Если бы только можно было объяснить ей, как многому я научилась. Теперь я умею сортировать мусор – бумага по средам, пластик по пятницам, стекло и металл раз в месяц. Ем суши вместо чипсов и маринованный редис вместо шоколада. Завтрак из 28 блюд на троих уже не кажется мне сумасшествием Я аккуратно складываю и перевязываю пакеты из-под молока и возвращаю их в супермаркет. Я стала более изящной, уже не натыкаюсь на мебель и могу пройти сквозь толпу на станции и никого не толкнуть. Я в точности могу высчитать момент, когда белье почти высохнет, и тут же его глажу. Я стала чаще убирать помещение пылесосом, вытирать посуду после мытья. Переодеваясь в домашнюю обувь, я оборачиваюсь и смотрю, чтобы носки у туфель смотрели в нужном направлении, потом делаю шаг назад и машинально кланяюсь. Я кладу маленькие тарелочки каждую на свое место, по одной. С рассветом вывешиваю футон проветриться и инстинктивно просыпаюсь, когда начинается дождь, чтобы снять сохнущее белье. И пусть я не считаю, что для каждого действия есть только один, единственно правильный способ его выполнения, мне все же нравится сворачивать садовый шланг аккуратным колечком, в одном направлении и в одном и том же месте. Я узнала, что такое *ката* – это когда учишься дисциплине, повторяя одно и то же действие день за днем, пока оно не становится второй натурой. Это знак уважения к твоим наставникам и обществу, в котором ты живешь Если бы только Юкико знала, какого успеха ей удалось

добиться.

Я делаю последнюю попытку. Наладить отношения вряд ли удастся, но, может, получится хотя бы красиво уйти и открыть дверцу к примирению – хоть через несколько лет? Я дожидаюсь времени обеда и тихонько стучусь в дверь кухни. Кланяюсь и спрашиваю, что я сделала неправильно и есть ли способ все исправить. Юкико проглатывает кусочек жареного баклажана и собирается с мыслями. Оказывается, я – не что иное, как деревенщина, не имеющая никакого представления о хороших манерах.

«А поконкретнее?» – без малейшего издевательства спрашиваю я.

Я неправильно здороваюсь, когда вхожу в дом. Мою коврик для ванны не так часто, как требуется. Один раз она нашла пятно с обратной стороны разделочной доски, и домработнице пришлось его отмывать. Когда у нее уже все готово накрывать на стол для ужина, я захожу и начинаю говорить с Гэндзи!

Тут я не выдерживаю. «Но я дважды спрашивала, не возражаете ли вы! И вы молчали».

Оказывается, я должна была понять по выражению ее лица.

«Наверное, все дело в противоречии культур…»

«При чем здесь культура? Я говорю о хороших манерах. У тебя их нет».

Она 40 минут перечисляет мои недостатки, а когда наконец замолкает, я, как ни странно, чувствую облегчение. Юкико не сказала ничего, в чем бы я побоялась признаться своей матери. Ее претензии я как-нибудь переживу.

Я собираю вещи и прощаюсь со своим любимым садом.

Осталось только одно неоконченное дельце. Сегодня мы с Гэндзи встречаемся в Токио – я должна выступить на собрании ассоциации. Он арендовал клуб в престижном квартале, на 26-м этаже небоскреба. Закуски, форма одежды вечерняя – все как полагается.

Появляюсь в назначенный час. Из элегантного фойе с приглушенным светом открывается потрясающая панорама ночного города. Женщина за длинной стойкой из красного дерева и атласа удивленно смотрит на меня. Я говорю, что должна выступать на собрании, появляется молодой человек и проводит меня в зал.

Примерно 40 мужчин в деловых костюмах группками рассеялись по залу и ведут тихую беседу. Средний возраст присутствующих – от 60 до 85 лет. Я делаю глубокий вдох. Нелегко будет выступать перед такой аудиторией, но я столько

тренировалась, что не сомневаюсь: мне удастся удержать их внимание.

И тут мимо вдруг проходит женщина… На ней 4-дюймовые шпильки, чулки в сеточку, бикини со стрингами, а сзади – пушистый заячий хвостик. И я вдруг понимаю, что попала в «Плейбой-клуб». Зайчики ходят по залу, разнося закуски и напитки. Достают из выреза зажигалки, наклоняются и предлагают прикурить, не оставляя простора воображению. Некоторые гости потому курят одну за другой. Приглушенный свет не в силах скрыть случайные поглаживания и голодные глаза.

У меня есть выбор. Американка во мне, не раздумывая, с отвращением бы хлопнула дверью. Но японка волнуется, не испортит ли это наши отношения с Гэндзи. Я ухожу в уголок и начинаю думать.

Гэндзи мой сэмпай. И я остаюсь. Последнее проявление послушания в благодарность за его доброту и помощь.

Когда вечер наконец окончен, мы с Гэндзи ловим такси до станции. Домой добираемся далеко за полночь. Гэндзи устало отпирает дверь. Мне хочется сказать ему тысячу слов, но удается произнести лишь одну фразу:

«Папа-сан, мне будет не хватать наших разговоров».

Он улыбается, хлопает меня по плечу и поднимается по лестнице. Больше я его не увижу.

Утром, за день до моего отъезда, Юкико заходит ко мне в гостиную. «Мы с Гэндзи едем в горы на три дня, – заявляет она – До нашего приезда не уезжай».

Я уже договорилась встретиться в Осаке с Джерри, но меня трогает, что они хотят меня проводить… Я объясняю, что не могу остаться, но с удовольствием приглашу их на ужин до отъезда.

«Нет. Ты должна лично отдать мне ключ».

«Я поставлю сигнализацию и оставлю ключ в доме, там, где запасной». Я всегда так делаю, когда ухожу и никого нет дома.

«Лично!»

И тут я вдруг все понимаю. «Вы что же, думаете, что я могу вас обокрасть?»

Ледяная улыбка. «Возможно».

Я вдруг чувствую, что сейчас расплачусь. В этом меня еще никто не обвинял. Она превзошла все грани дозволенного.

«Вы не хотите взять свои слова обратно?» – осторожно выговариваю я.

«Нет».

Через час мои вещи собраны. Простыни, полотенца, кухонные

тряпки, коврик для ванной – все постирано и выглажено. Мебель вычищена, оттерта до блеска и стоит в точности на тех местах, как до моего приезда. Я пересчитываю ложки и вилки и ровно, до миллиметра, выстраиваю тарелочки в стеклянном буфете. Потом вытираю слезы и уезжаю.

Я толком не знаю, куда еду, но тут в окне поезда возникают высокие горы долины Кисо, густо поросшие соснами. Выхожу на станции Цумаго, в старинной деревушке, где мы с мамой провели чудесный летний день. Кажется, что это было в прошлой жизни. Помню, как мы ели спелые помидоры и крекеры и подставляли головы струям водяной мельницы, чтобы хоть немного охладиться… А сейчас воздух колючий и холодный. Последние зеленые травинки покрылись серебристым инеем. Темнеет рано, но у меня нет желания селиться в гостинице, кланяться хозяйке, пить бесконечный зеленый чай и притворяться, будто мне приятен бессмысленный разговор. Я ступаю на старую почтовую дорогу и иду в горы.

Путь предстоит тяжелый, а я уже чувствую усталость – не от физического напряжения, а от усилий сдержать эмоции. В голове пульсирует боль, возникшая так давно, что я уже не помню. У меня нет ни теплой одежды, ни фонарика, который осветил бы путь в неровных скалах. Сквозь деревья ко мне тянутся щупальца серо-голубого света, постепенно исчезающие в темноте. Загораются яркие холодные звезды. Под ногами трещат замерзшие сухие листья.

И тут грудь и голова вдруг наполняются воздухом, точно лопнули сжимавшие их железные обручи или корсет. Точно так же я чувствовала себя, развязав тугой хатимаки в конце фестиваля. Гнев и беспомощность отступают. Безлюдное пространство вокруг возвращает мне способность дышать свободно.

Рюкзак прилип к спине под тяжестью 10000 шагов. Ноги ноют от восхитительной боли. Я слышу журчание полузамерзшего ручья, шуршание листьев под лапками маленького зверька. Вот и та самая водяная мельница. Сев на берегу, подставляю пальцы ледяным струям.

Я уверена, Гэндзи сто раз пожалел о той минуте, когда не подумав поднял руку и вызвался пригласить незнакомку в свой дом. Он точно по неосторожности привел в семью большого, добродушного, но совершенно невоспитанного дворового пса.

Очень многие качества Гэндзи вызывали у меня восхищение, но больше всего я любила его смех. Смеясь, он откидывал голову и забывал обо всем на свете. Такой заразительный, совершенно беззастенчивый, счастливый смех – было в нем что-то совсем

неяпонское. Гэндзи часами, нить за нитью помогал мне распутывать клубок японского этикета – самостоятельно я бы запуталась в нем, как котенок

Он покупал мне детские книжки, чтобы я училась читать по-японски. В электричке уступал место старушкам. И всегда следил, чтобы мама в дождь не выходила без зонтика.

В японском языке с десяток слов со значением «друг», но все они предполагают какую-либо иерархию: старший школьный товарищ, младший коллега по работе и так далее. Я понимаю, что Гэндзи пришлось приложить немало усилий, чтобы переступить через пропасть между нами – через разницу в возрасте, социальном статусе и поле. Он – невероятно успешный мужчина со связями, на самой верхушке общественной лестницы, богатый, воспитанный в традиционной системе ценностей, а я? Сделала карьеру, но денег так и не заработала, прямолинейная, да еще и иностранка – по всем пунктам стою ниже его в иерархии, по законам которой он воспитывался. И все же он никогда не колебался, прежд чем представить меня друзьям и коллегам, ценил мое мнение и всегда – всегда – меня уважал.

Не квартира, не уроки дзюдо, не даже объяснения тонкостей японской культуры, а уважение – вот главный его подарок мне.

А Юкико? Она всю жизнь трудилась, чтобы достичь идеала японской женщины Воспитала двоих детей, помогла им занять хорошее положение в обществе. Без возражений годами заботилась о родителях мужа. У нее идеальный дом, она готовит лучше шеф-поворов токийских ресторанов, следит за здоровьем и весом домашних. У Юкико есть полное право рассчитывать на спокойную старость, заботу детей и безоговорочное уважение.

И тут вдруг в ее жизни появляюсь я, причем никто не спрашивает ее разрешения и одобрения. Мне 35 лет, и я не замужем. По японским меркам просто социальная аномалия. Я хожу на дзюдо с ее мужем, пока она сидит дома и готовит нам ужины. Мой приезд был оскорблением не только ее образу жизни и жизненному выбору, но самой системе, в которой она существовала.

Хуже всего, что Гэндзи уважал мое мнение и хвалил меня за успехи. Он относился ко мне как к равной в интеллектуальном отношении. Хвалил мое знание японского и спортивные достижения, обсуждал со мной глобальные проблемы, в то время как его жена стояла рядом и чистила овощи. Оказалось, он ценил во мне все то, чем, как внушили Юкико, не должна обладать японская женщина.

Юкико старательно пыталась сделать из меня нормальную женщину и, если повезет, может даже и хорошую жену. Но она не

учла, что публичное высмеивание и унижения меня не трогают. Вся японская культура основана на чувстве стыда, а мне не стыдно быть такой, какая я есть.

ГЛАВА 15

Мой новый дом стоит в старом квартале в центре Осаки, в глубине узкого переулочка. Тонкостенная развалюха вплотную теснится к соседним домам. Обстановку можно охарактеризовать как «спартанский раздрай»: нет ни туалетной бумаги, ни соли; под окном воют кошки, а один из соседей приезжает за полночь на ревущем мотобайке. На первом этаже сгорели две из четырех ламп, а третья только мигает. Стоит зайти в душ, и кончается горячая вода. Но в этих отнюдь не роскошных апартаментах мне живется просто замечательно. Я свалила оборудование на пол, в угол спальни, и мне не нужно за это ни перед кем извиняться. Если я забуду повесить сушиться несчастный коврик для ванной, никто не станет внушать мне, что я совершила смертный грех и навсегда останусь неотесанной деревенщиной. За все время, что я прожила в просторной квартире у Танака, я ни разу не чувствовала себя так хорошо, как здесь.

Наконец-то я сплю на нормальной кровати, которую не нужно затаскивать в чулан ни свет ни заря, два больших шага – вот и моя спальня. В углу – маленький книжный шкаф и школьная парта. В доме нет ни отопления, ни теплоизоляции, а стены такие тонкие, что сквозь бумагу просачивается солнечный свет. Входная дверь всегда открыта, и когда газовщик приходит проверить счетчик, то просто заходит без стука. На кухне нет ни микроволновки, ни духовки, ни горячей воды. На каждую комнату – по одной розетке и по одной лампочке. В гостиной на втором этаже есть балкон, где едва помещается стиральная машинка и сушка для белья. Зимой машинка замерзает и работает только в солнечные дни, когда как следует оттает. До соседского балкона легко дотянуться рукой, а до того, что через улицу, можно доплюнуть. Но у моей комнаты есть одно бесценное достоинство, которое с лихвой возмещает все изъяны: если кто-то постучит в дверь, я без минутного колебания могу приказать ему убираться.

Вытащив на балкон грязный ковер из спальни, я вешаю его на перила и выбиваю каждый истертый сантиметр. Запачканную вонючую подушку запихиваю в крошечную стиральную машинку с тройной дозой порошка. Чище она не становится, но теперь хоть пахнет приятно. Я бегу на улицу, покупаю маленький напольный обогреватель – и впервые за несколько недель руки перестают болеть от холода. Грязную посуду я мою в раковине ванной комнаты и с ужасом вижу, что пластиковое сиденье унитаза покрыто странной хрустящей коркой с серо-коричневыми

пятнами. Выливаю на него полбутылки дезинфицирующего средства, поддеваю щипцами и на 20 минут отправляю под горячий душ.

Мой новый сосед Джерри – высокий, светловолосый, симпатичный и голубой. Он отлично одевается и выглядит вдвое моложе своего возраста. Джерри работает в частной фирме – преподает английский скучающим 40-летним домохозяйкам. Зарплаты хватает на жизнь в стиле студенческой общаги, сигареты и пиво. В Японии он почти 5 лет; вернется ли в Штаты – неизвестно. Мужчины-*гайдзин** (*иностранцы) в Японии очень популярны, и для сексуально активного гея здесь сравнительно безопасно.

Джерри работает вечером, а после идет на вечеринку. Бывает, что к 2-3 часам ночи приводит домой кого-нибудь из знакомых. Все утро он спит, иногда до 4 часов. Мы так редко видимся, что общение происходит в основном путем записок на грифельной доске в ванной.

Как-то утром, столкнувшись с Джерри в коридоре, я прошу его познакомить меня с соседями. Мне хочется участвовать в жизни нашего района. Он лишь смеется в ответ.

«В прошлом году я решил устроить клумбу перед домом, – рассказывает он. – Так парень из соседнего дома взял и высыпал на землю два килограмма соли».

Зачем? Им не нравится, что в их маленьком переулке поселился иностранец? Или это потому, что он голубой?

Джерри пожимает плечами и идет спать.

Не он один ведет подобный образ жизни. В Осаке полно иностранцев, и многие зарабатывают преподаванием английского. Почти все живут изолированно и в свободное время общаются только с другими иностранцами. Они приехали в Японию по 2-летней визе, потом некоторые продлили ее еще на год. Кое-кто остается на 4-6 лет, до тех пор, пока не поймут, что на родине их навыки уже никому не нужны.

Японская система правил и обязательств на них не распространяется – достаточно хотя бы для видимости соблюдать принятые в обществе условности. Им платят лишь за то, что они говорят на родном языке. Обычно даже не надо готовить план урока. Но среднестатистический японец относится к ним безо всякого уважения. Помню, как Гэндзи за ужином как-то сказал: «Учителя английского, которых вы присылаете к нам, в вашей стране годны лишь для того, чтобы работать на бензозаправке». Гэндзи редко проявлял такую резкость – разве что будучи уверенным, что говорит очевидное.

Я спрашиваю Джерри, и тот, к моему изумлению, кивает.

«Большинство учителей, живущих в Японии, – отбросы общества в той или иной степени. Здесь уже одно то, что ты иностранец, гайдзин, ставит тебя особняком. А принадлежность к другой нации оправдывает любые странности. К тому же любой человек европейской наружности сразу же становится тебе родным – таким образом, тебе никогда не будет одиноко».

Однако по мере знакомства с другими учителями из Осаки я начинаю сомневаться в словах своего соседа. Все без исключения иностранцы, с кем мне доводится встречаться, прилагают нечеловеческие усилия, чтобы стать хоть немножко японцами.

Рори – большой шутник и добряк. Женат на красивой и умной японке. Их 3-летняя дочка послушна, как ангел. В прошлой жизни Рори был гидом по рафтингу в Новой Зеландии и почти 300 дней в году сплавлялся по реке. В Японию переехал, чтобы проводить больше времени с ребенком. К сожалению, японский ему выучить так и не удалось, разве что основные фразы, и бывает, что он даже не понимает, о чем говорит его дочь. Дома Рори не может даже ответить на звонок, а общается только с другими иностранцами. Дочкины сказки тоже на японском: он даже не может почитать ей книжку на ночь. Что она подумает о нем, когда станет постарше и начнет приводить домой друзей? Боюсь, как бы роль идиота не оказалась для Рори намного хуже положения вечно отсутствующего отца.

Лу согласился работать в компании IBM лишь ради командировок в Японию. Когда шеф заявил, что командировок не будет, он уволился и приехал сюда в качестве учителя английского. Встречается с японкой. У нее блестящие губки, подведенные глазки и рыжие волосы.

Увидев меня в пиццерии, она первым делом заявляет: «А Ру пукает!»

Я мысленно перебираю все похожие по звучанию японские и английские слова, но ничего не находится. «Не поняла?»

«Ру пукает! Пукает!» – кричит она.

«Съел вчера плохую рыбу, вот теперь и мучаюсь животом», – смущенно поясняет Лу.

Поначалу я думаю, что общение на уровне 5-летнего ребенка объясняется плохим знанием английского, но прислушавшись, как она говорит по-японски, понимаю, что это не так. При этом подружка Лу одета, как картинка из модного журнала, и с видом эксперта стреляет сигаретки у приятеля Лу. Когда ее блюдо оказывается слишком острым, она обиженно надувает губки, и Лу тут же бежит менять тарелку. Образ маленькой девочки – намеренный выбор, а не свидетельство умственной отсталости.

Следующей весной они хотят пожениться.

Мэри 29 лет, и она глубоко несчастна. Работает в обычной школе, и босс не разрешает ей жить одной. Сейчас она уже в третьей приемной семье. Первые хозяева выкинули ее после того, как она пригласила приятеля на ночь. Мэри протащила его в комнату после полуночи, в гробовой тишине, с выключенным светом, но приемные родители узнали об этом еще до того, как утром парень ушел. Мэри устроили выволочку: она, видите ли, плохо влияет на их 24-летнюю дочь, которая 3 раза в неделю напивается до поросячьего визга и уже 2 раза засыпала на крыльце, потому что не могла найти дверь.

Второй раз она поселилась в доме 73-летней пенсионерки, бывшей учительницы, которая согласилась пустить к себе иностранку лишь под давлением со стороны бывшего босса. У старухи было 2 взрослых сына, которые ее никогда не навещали, и 3 кота, которые ели с ее тарелки. Мэри жила в пристройке с окнами в сад. Через 3 месяца она увидела в саду пожилого мужчину в кресле-качалке и поняла, что у ее хозяйки, оказывается, есть муж, который вполне себе жив и здоров. Каждую ночь хозяйские коты садились у Мэри под окном и выли, пока однажды в отчаянии она не вылила им на головы чайник с холодной водой. На следующий день у нее перестал работать водонагреватель. Она попросила хозяйку починить его, но шли недели, а газовщик так и не появлялся. Мэри пыталась исправить нагреватель сама, но оказалось, что в квартире выключен газ. В конце концов ей надоело принимать ледяной душ, и она попросила босса найти ей новую семью.

Третьи хозяева оказались милыми людьми – раз в неделю приглашают ее к обеду, а по субботам угощают мандаринами с фермерского рынка. Она пытается улыбаться и поддерживать разговор, но больше всего на свете ей хочется вернуться в Штаты.

Сара – жена уважаемого бизнесмена из Осаки. Она здесь уже 12 лет и искренне пытается стать настоящей японкой. Ходит на курсы по кулинарии и ведению домашнего хозяйства, обожает японский язык, крутит роллы получше любого шеф-повара и даже пробовала вести чайную церемонию. Но своих сыновей, которым 7 и 9 лет, Сара послала в американскую школу. Видит их раз в год во время 2-недельного отпуска в Луизиане. Они уже забыли страну, где родились, японское культурное наследие для них пустой звук Сара говорит, что таким образом их защищает.

На углу у станции вечно ошивается один израильтянин. Каждый раз, когда я его встречаю, он называет новое имя – Томас, Свен, Майкл, но он там всегда – днем и ночью. Сидит за столиком на тротуаре и продает украшения и сумки. Я специально ловлю его в момент, когда торговля идет не очень, и слушаю, как он

рассказывает о себе.

«Видите? – он показывает пару дешевых серебряных сережек. – Я их купил за двенадцать долларов. А знаете, за сколько продаю? (Вопрос риторический.) За триста восемьдесят пять. Неплохо, а? В месяц я зарабатываю почти девять тысяч. И никакой тебе офисной работы, никакой политики. Через полгода я вернусь домой и смогу внести аванс за дом в Тель-Авиве». Томас-Свен потирает руки. На улице середина декабря, и он уже весь посинел от холода. Мимо проходит компания бизнесменов, и мой новый друг принимается нахваливать товар. Они делают вид, что не замечают его, и поспешно скрываются за углом.

Он равнодушно машет рукой. «Когда они идут группами, то никогда ничего не покупают. Надо выискивать одиноких мужчин, которые куда-то спешат, особенно с шести до десяти вечера. Эти бегут на свидание, и если хотят, чтобы оно закончилось удачно, должны сделать своим девушкам подарок». Томас-Свен берет тоненький серебряный браслет. «Восемьсот долларов. Японцы – самый наивный народ из всех, кого мне доводилось встречать. Продал четыре штуки в месяц – и свободен».

Через минут 20 врать ему надоедает.

«Работа моя просто ужасная, – устало говорит он. – Торчать на улице приходится по двенадцать часов в день, а бывает, что и по шестнадцать. Семь дней в неделю, и никаких тебе выходных, больничных и льгот».

Все лето он просидел на тротуаре, жарясь на полуденной жаре, как яйцо на сковородке. 75% прибыли приходится отдавать поставщику, который, в свою очередь, платит якудза, контролирующим этот квартал.

«Благодаря мафии у меня нет конкурентов, – говорит торговец. – Мой участок отсюда и досюда». И он показывает размеры своего угла: от забегаловки в пяти домах вниз по улице до стоянки велосипедов рядом со станцией. «Захочет кто посягнуть на мою территорию – через десять минут явится один из их парней и объяснит что почем!».

К несчастью, авторитет якудза не распространяется на полицейских. «На этой неделе копы приходили уже дважды, А месяц назад закрыли мой киоск перед самыми праздниками! Я мог бы столько заработать – ведь все магазины два дня были закрыты. Я так рассчитывал на эти дни!»

Мало того что торговать на тротуаре незаконно у моего друга к тому же туристическая виза, то есть, по сути, работать ему запрещено. Если полицейским взбредет в голову его арестовать, он отправится в тюрьму или вынужден будет заплатить штраф в несколько тысяч долларов, после чего его немедленно

депортируй. Но Томас-Свен-Майкл готов рискнуть.

«Всего полгода, – мечтает он, – и у меня будет дом с тремя спальнями и двумя ванными комнатами. В лучшем районе Я сдам его в аренду и вернусь сюда, а меньше чем через год смогу купить второй». Он притопывает ногами, чтобы согреться.

За 3 дня до Рождества уличные торговцы вдруг пропадают с улиц. Через 2 недели якудза заключают с полицейскими новый уговор. Я снова вижу столик с дешевыми безделушками, но вместо Томаса-Свена за прилавком худой юноша в наушниках и с 3-дневной щетиной. О своем предшественнике он ничего не знает.

Мимолетные встречи в общей гостиной и случайные вечеринки у Джерри приоткрывают мне ту грань японского общества, которую иначе мне бы никогда не довелось увидеть. Я говорю о мире японских гомосексуалистов.

«Главное – притворяться, что ты не гей, тогда можно делать практически все что угодно. Но говорить правду нельзя никому – ни коллегам, ни соседям, ни даже семье». У японского приятеля Джерри, с которым они уже полгода вместе, была престижная работа в ресторанном бизнесе – ровно до тех пор, пока он не согласился сняться для рекламы презервативов в журнале для геев с ничтожным тиражом. Через неделю его уволили с работы. Семья от него отреклась.

«А что, если ты случайно наткнешься на кого-то из коллег, ходя из гей-бара?»

«Надо сделать вид, что ты его не заметил, а потом вести себя так, будто ничего не было. Конечно, слухов не избежать будут и шепотки в коридорах, и подозрительные взгляды в мужском туалете. Но до тех пор, пока ты сам не признаешься в своей гомосексуальности, остальные будут делать вид, что ничего не замечают».

До тех пор, пока тебе не исполнится 30 – в этом возрасте полагается жениться. Кто-то смиряется с неизбежным, позволяет родителям выбрать себе жену и так и доживает свой несчастный век, лишь изредка вступая в случайные связи. А кто-то женится на лесбиянке и под прикрытием семейного счастья продолжает жить в свое удовольствие.

Джерри надевает красивую голубую рубашку, которая наверняка разбудит в его ученицах тайные фантазии и, если повезет, поможет найти партнера. «Япония – не худшая страна для гомосексуалиста. Здесь никто не станет докапываться до правды. Никто не захочет вывести тебя на чистую воду. Надо только притворяться – и тебя оставят в покое».

«Не так уж плохо», – думаю я, пока не знакомлюсь с лесбиянкой, которая живет здесь уже 3 года и только что вышла за гея-японца. Семья в Штатах уже 10 лет знает об ее ориентации, но она ничего не рассказала им о муже. В Японии никто даже не подозревает, что она лесбиянка. Одна ложь поверх другой… Через 7 месяцев она едет домой. Ее жизнь – как поезд, сошедший с рельсов и неминуемо летящий к пропасти.

ГЛАВА 16

Мое знакомство с Адамом Кули произошло самым неожиданным образом. Все началось с потрепанного английского журнала, который кто-то бросил рядом со мной в электричке. В журнале была статья об уличном артисте, который устраивает представления: наряжается римской статуей, встает на углу оживленной улицы и заговаривает с прохожими. По-моему, надо быть поистине отчаянным человеком, чтобы устроить такое на улице японского города. И я решаю найти этого парня.

Связавшись с редакторами журнала, я усердно уговариваю их поделиться информацией и наконец получаю электронный адрес. Адам отвечает почти сразу. Оказывается, пантомимой он больше не занимается, но время от времени дает уличные представления. Он хочет встретиться со мной и даже дает мне свой домашний адрес.

Высокий, подтянутый, гибкий и симпатичный Адам в Японии уже почти 7 лет. Он безупречно говорит по-японски, хотя ни разу в жизни и не брал в руки учебник.

«Слушал, как говорят друзья, вот и научился», – поясняет он.

Его крошечная комната битком набита картинами, книгами, масками. Одна стена вся в аквариумах. В ванночке живут маленькие крабы. В углу растет деревце, сбрасывая листья на кучу грязного белья.

«Я сейчас ищу место, чтобы его посадить, – говорит Адам, проследив за моим взглядом. – Нашел старое кладбище в паре миль отсюда. Тихое местечко, много птиц, и никто не станет подрезать ветки – так можно и вовсе дерево погубить». Он протягивает руку и нежно гладит тонкую веточку.

Четыре месяца назад он случайно забыл морковку на книжной полке. Окруженная заботой и теплом, та быстро пустила корни. Сейчас филигранные листики вымахали уже на 10 дюймов, и вид у них куда более процветающий, чем у моих овощей в Фудзисаве с их супер-пупер удобрениями. Адам будет поливать морковку до весны, а потом высадит в мини-сад на веранде. Я выглядываю на улицу: садик совсем зарос, а часть растений перелезла на соседский участок

«Соседи не против?» – я вспоминаю историю с соседом Джерри и мешком соли.

Адам качает головой. «Весной я сажаю сахарный горошек и иного цветов, а потом разрешаю всем рвать, сколько захотят. Люблю сидеть с открытым окном и слушать, как они лузгают стручки».

Адам вырос в бедной американской семье, жившей в городишке Реднеквилль. Он никогда не понимал, почему мытье посуды считается женским делом и зачем мальчишки отрывают крылья у мух. Он не состоял в бойскаутах, не ночевал у друзей, которых у него, собственно, и не было. Неисправимо робкий, почти что мучимый агорафобией, он прятался от мира, от незнакомых людей, от всех, кто, как ему казалось, представлял угрозу, и от неловких ситуаций. Ну и геям в маленьком городке живется, мягко говоря, непросто.

И вот однажды он вдруг попал туда, где впервые в жизни почувствовал себя в безопасности.

«В Японии все носят маски. Японцы поднаторели в этом искусстве – они учатся скрывать свои чувства еще с детских лет. Те, кому это хорошо удается, точно знают, какая личина у них припасена для какого случая. Японцы уважают притворство, если притворяешься хорошо. Никто не пытается проникнуть под маску и разглядеть, что там под ней. Японцы восхищаются внешней красотой – этого им вполне достаточно».

Он замолкает и смотрит на увешанную масками стену адское смешение цветов и эмоций. Свиные рыла и.кроваво-красные рога, милые личики и головы Медузы, смеющийся клоун и женщина с ярко-зелеными слезами на щеках.

«Они не пытаются снять мою маску и узнать обо мне правду. Но это вовсе не означает, что японцы поверхностны. Они просто очень терпеливы – ждут, пока я откроюсь сам». Он горько улыбается. «Когда я только приехал, мне казалось, сбылась моя мечта -мальчик в маске попал в страну, где все носят маски».

Разговор затягивается до поздней ночи. У Адама удивительно цветное, красивое, непосредственное восприятие – для взрослого человека большая редкость.

Я спрашиваю, какой у него любимый запах. Он отвечает, даже не думая: «Запах рисового поля, когда идешь по нему ночью, за две недели до сбора урожая, и ветер колышет спелые колосья…»

А если бы могло исполниться всего одно его желание, что бы он попросил?

«Финансовой независимости, славы, крепкого здоровья и чтобы носить любые вещи и не казаться толстым…» Замолкнув, он мечтательно смотрит вдаль. «Это все, конечно, хорошо, но больше всего мне хотелось бы научиться летать».

Адам разрешает заснять его уличное выступление. Лишь обнимая его на прощание, я понимаю, какое глубокое восхищение у меня вызывает этот человек – мудрый, как старик, и бесхитростный, как 5-летний ребенок

Возвращаюсь домой вдохновленная. Может, все-таки удастся

наладить отношения с соседями? Пусть им не нравятся иностранцы – я возьму и докажу, что все, что они думают о нас плохого, на самом деле неправда! Сделаю, как Адам Кули: буду такой милой, что они просто не смогут сопротивляться.

Решаю начать со старушки, что живет напротив через улицу. Под крышей ее дома устроен садик, обнесенный изгородью. Внутри – около сотни растений в горшках, и многие еще в цвету невзирая на морозы. Я часто вижу, как она поливает их, когда стираю на балконе.

И вот я испекла печенье с шоколадной крошкой, штук 6 съела сама, а остальное завернула в бумагу. Стучусь к соседке в дверь, но. увидев меня, она морщит нос и чуть было не бежит обратно в дом.

«Погодите!» – кричу я. Объясняю, что я ее новая соседка и просто хотела поздороваться и сказать спасибо, что благодаря ей из моего окна такой чудесный вид. Сунув ей печенье, поспешно удаляюсь. Она шагает в дом и медленно закрывает дверь.

Теперь каждый раз, отправляясь за покупками, я беру что-нибудь и для нее – пару яблок, банку мисо-пасты. Стучу в дверь и, если никто не отвечает, оставляю подарок на пороге. Через неделю выхожу на балкон соскребать иней со стиральной машинки и вижу, что старушка вышла поливать цветы. Она не улыбается, но все же кивает в мою сторону.

Тут же бросаю стирку и несусь в угловой супермаркет купить для нее мандаринов. Когда прибегаю обратно, ее уже нет дома, но я все равно вешаю пакет на дверцу и оставляю записку.

Ночью меня будит громкий стук, как будто кто-то медленно стучит по голове кувалдой. Расклеиваю глаза: циферблат часов показывает 3. Я плетусь в коридор. На кухне стоит Джерри и молотит об стол замороженным кочаном брокколи, из которого торчит огромный резак Лезвие застряло, и теперь он пытается вытащить его, разломив кочан пополам

«Джерри, три часа ночи», – шепчу я.

«Я есть хочу», – отвечает он и продолжает стучать.

«У нас есть соседи, которые сейчас наверняка проснулись на два квартала вокруг».

Он пожимает плечами. И тут до меня доходит, что если Джерри ненавидят, то вовсе не за то, что он гайдзин и к тому же гей, а за то, что он неотесанная деревенщина?

Наутро мой пакет с мандаринами висит на нашей дверной ручке. Соседка больше никогда не смотрит в мою сторону.

Неделю спустя звонит Адам: он готов к выступлению. Мы встаем на оживленном перекрестке в самом сердце одного из

престижнейших районов Осаки. С Адамом 2 ассистента, с головы до ног одетые в черное. Их лица скрывает плотная марля. Сам Адам в узком черном топе без рукавов и в мешковатых штанах. Лицо вымазано белой рисовой пудрой, а губы обведены кроваво-красным. Несмотря на холод, он босиком.

Встав на тоненький коврик татами, Адам сворачивается клубком. Он – семечко молодого деревца бонсай. Голова медленно раскручивается. Это он дает ростки и всходит. Ассистент мельтешит вокруг, добавляя к его костюму кусочки искусственного газона и зеленые ветки. Группа бизнесменов, видимо направлявшихся на ланч, останавливается и наблюдает. Мне-то известна сюжетная линия, а вот они, похоже, озадачены. Но Адам не смущается. По задумке, зрители должны заинтересоваться, что же такое здесь происходит, и начать угадывать: это задержит их подольше Адам медленно поднимается в полный рост, растопыривая пальцы и подставляя их солнцу: это деревце становится большим и сильным. Помощники прикрепляют новые веточки и листья. Они помогают ему превратиться в могучее дерево. Помощники – это общество, которое пытается в каждом из нас выявить лучшее.

Но потом вдруг что-то меняется. Помощники связывают руки Адама веревкой и больно их выкручивают. Они пытаются деформировать его первоначальную форму, наподобие корсетов XVI века или китайских колодок для ног. Ему подрезают ветви и облекают в ту форму, которая была бы приятна обществу. Внезапно я начинаю понимать, почему Адам не тронул ту морковку в комнате, почему так радовался, когда она пустила корни естественным образом, почему хочет посадить деревце в хорошую почву, где его потенциал мог бы полностью раскрыться.

Сперва Адам пытается сопротивляться, лицо искажает гримаса боли. Но веревка врезается ему в руки и оставляет на шее красные рубцы. В конце концов он подчиняется, опускает руки и падает на землю. Адам умирает, как деревце, которое слишком часто подрезали.

Никто не хлопает, 2 девочки болтают по сотовым телефонам, парень в очках-стрекозах и кожаных брюках сидит неподвижно курит десятую сигарету, дородная матрона садится на велосипед и уезжает. Кажется, гибель Адама произвела на них не такое уж и сильное впечатление… Но тут я еще раз оглядываюсь по сторонам и понимаю: ведь прошло 2 часа, и все это время они были здесь.

«Им очень понравилось», – шепчу я Адаму. Мы собираем наши пожитки. Адам довольно кивает, и я понимаю, что зря его успокаиваю: ведь даже если один человек по дороге домой хоть

на секунду задумается об увиденном, Адам будет доволен.

«Адам, – вдруг спрашиваю я, – а ты как думаешь, иностранцы в Японии вне общества?»

Он долго думает, как и над всеми моими вопросами. «Быть вне общества это значит не принадлежать группе, но все же пытаться в нее проникнуть. Представь себе квадратный шуруп и круглое отверстие: они просто не подходят друг другу. Если ты – квадратный шуруп, ты должен искать квадратное отверстие. Выбери все лучшее, что встречается на твоем пути, и создай собственный мир, который бы по подходил именно тебе».

Он уходит, а я понимаю, что он сейчас говорил о себе. Пусть носит маску, но, в отличие от большинства наших личин, она совершенно прозрачна.

ГЛАВА 17

Мало-помалу мы с Джерри приходим к непростому компромиссу. Он выделяет мне верхнюю полку в холодильнике: теперь его протухшая еда не капает на мои фрукты и овощи. Взамен я предоставляю в его полное владение плиту и раковину: пусть копит там грязную посуду и разводит тараканов. А также разрешаю ему курить в гостиной и чищу туалет. Но в грязный душ не решаюсь даже ступить. Вместо душа я каждый вечер иду в общественную баню.

Многие старые дома в Осаке были построены еще в те времена, когда собственная ванна и душ были роскошью. Приходя домой с работы, жители шли в местную *сэнто* (баню). Теперь водопровод и горячая вода есть почти в каждом доме, но, несмотря на это, в общественной бане в двух кварталах от моего дома каждый вечер аншлаг.

Баня похожа на обычный дом с темно-синей шторкой вместо двери. За 3,5 доллара посетителям выделяют маленький шкафчик разномастные пластиковые ведерки. Мыться можно на выбор в одной из 5 ванн. Мужчины и женщины моются отдельно, хотя все, что происходит в мужской бане, прекрасно слышно: разговоры, споры, плевки, рыгание и прочие животные звуки. На женской половине – гробовая тишина.

Правила посещения очень просты: никогда не смотреть соседу в глаза и не разглядывать других посетителей, даже такие интересности, как шрамы, родинки, татуировки и вросшие ногти. Как ни странно, посетители бани ничуть не стесняются своих отнюдь не идеальных тел. Женщины приподнимают обвисшие груди, растирают животы и даже не смотрят в зеркало во всю стену. Никто не смущается своих недостатков. Располневшие бедра вообще никого не заботят.

Я беру табуреточку, сажусь под душевую головку, торчащую из стены на уровне пояса, и принимаюсь тщательно оттирать грязь – со спины, из-за ушей, вокруг ногтей, в волосах. За мной украдкой следит десяток глаз: не пропустила ли я ненароком участок между указательным и средним пальцами ноги? Прежде чем забраться в фуро, посетители бани должны отчиститься до красноты, содрав с себя всю мертвую кожу, чтобы новая залоснилась. И вот я скребу и чищу себя щеткой и смываю все водой. Теперь я готова.

Опускаю одну ногу в ванну со среднегорячей водой. С меня чуть кожа не слезает. Я хоть и не роняю ни звука, но муки, должно быть, отразились на лице – женщина напротив

понимающе улыбается. Постепенно погружаюсь в воду, растирая каждый участок кожи – ощущение такое, будто раз за разом ударяешься об острый угол кофейного столика. Наверное, так чувствовали себя еретики, которых инквизиция варила живьем. Сжимаю зубы. Волосы начинают чесаться. Пытаюсь часто дышать, как собачка – может, хоть это поможет. Но дыхание волнует воду вокруг грудной клетки, и кожу ошпаривает еще сильнее. Свешиваю голову через край ванны и тоскливо смотрю на пол, как щенок, выглядывающий в окно машины в жаркий день. Скоро все закончится. Я упаду в обморок, тихонько опущусь на дно, и меня выловят, когда засорятся трубы.

Надо сидеть абсолютно неподвижно – не то сваришься, как праздничная индейка. Когда тонкий защитный слой воды вокруг охладится до температуры тела, станет чуть терпимее. Украдкой слежу за часами: у японцев для всего есть правила, и на табличке написано, что в фуро нужно провести не менее 3 и не более 5 минут. Неужели прошло всего 30 секунд? Какие-то неправильные часы. У меня уже глаза вылезли.

Через 4 минуты пульс поднимается до 135. Я вылезаю из ванны. Ноги превратились в вату. Доковыляв до бассейна с ледяной водой, падаю в него, как камень. К несчастью, стоит середина декабря, и воду в бассейн доставили как будто специально для меня с Северного полюса. Легкие пронзает судорога, кожа горит то меня отхлестали крапивой. Сердцебиение падает до опасной отметки. Над водой поднимается пар. Спустя 3 минуты стук сердца становится таким оглушительным, точно кто-то бьет меня по голове кувалдой. Уши ломит от холода. Перебираюсь в другую ванну. На этот раз вода еще больнее шпарит кожу, а ведь это среднегорячая ванна.

И все равно я прихожу сюда каждый вечер. Постепенно меня начинают принимать за свою. Женщины уже не косятся украдкой, проверяя, побриты ли у меня подмышки, заколоты ли волосы, хорошо ли я отскреблась, прежде чем залезть в ванну. А я научилась тихонько подсматривать за ними, делая вид, что разглядываю плитку. Вскоре до меня доходит, что я здесь вовсе не самая толстая. Мне кажется, я уже очень давно не находилась среди настоящих людей, которые не похожи на манекены из модного бутика. Глядя на эти рыхлые ягодицы, отвислые груди, тонкие костлявые руки, я чувствую неописуемое облегчение и впервые за несколько месяцев перестаю стыдиться своей фигуры.

Как-то вечером замечаю маленькую ванночку, в которой почему-то никого нет. Табличка гласит «*Дэнки фуро*». На первый взгляд она ничем не отличается от других ванн, но стоит приглядеться повнимательнее, и я замечаю, что по воде бегут

зловещие маленькие барашки. Дэнки по-японски электричество.

Убедившись, что в мою сторону никто не смотрит, я тихонько опускаю ступню в ванну – и что-то пронзает мою ногу изнутри, как вирус бешенства, стремительно атакующий централь нервную систему.

Наверное, это очень неприятно. Но я в Японии, и значит должна быть дисциплинированной. У меня есть лицо, и я не могу потерять его, попятившись назад, – пусть даже никто меня не видел. Потихоньку, дюйм за дюймом опускаюсь в дэнки фуро – так осторожно, что смертоносные барашки даже не колышутся. Как хорошо, что я не мужчина и между ног у меня нет сверхчувствительных мест!

Проходит вечность, и вот пора выходить. Жду, пока все не выйдут из комнаты, чтобы можно было дать себе волю, выскочить из ванны, как ошпаренная, завопить… Вопить получается, а вот выскочить – нет. Я не могу сдвинуться с места. Ноги как будто уснули. Это даже не судорога – они просто выключились, как свет.

Наконец удается приподняться на руках и на манер тюленя проползти до душа на животе. За мной тянется мокрый скользкий след. Электрические разряды бегут по пятам, как выводок голодных пиявок. Облокотившись о стену, жду, когда организм вернется к жизни. Потом одеваюсь и вываливаюсь на улицу. Я выгляжу точь-в-точь как пьяный токийский бизнесмен, отключившийся в электричке после гулянки по барам.

ГЛАВА 18

Я стою на бульваре Тэрамати в Киото… или мне кажется, что это бульвар Тэрамати… В поисках знаменитого магазина японской рисовой бумаги я болтаюсь по одним и тем же улицам уже целый час. Такое чувство, что номера домов здесь расположены в произвольном порядке, как фишки для бинго. С каждым шагом я закипаю от злости.

Из метро выходят 6 бизнесменов и шагают в моем направлении. Большинству из них под 40, одеты, как близнецы, в совершенно одинаковые костюмы и черные ботинки. Группу возглавляет седовласый начальник, а позади семенит совсем молодой парень – мальчик на побегушках, в чьи обязанности входит покупать билеты на метро и следить, чтобы у старших не кончились сигареты. Я жду, пока процессия не поравняется со мной, и храбро преграждаю бизнесменам дорогу.

«Пожалуйста, простите за беспокойство», – начинаю я на почтительном японском. Бизнесмены тут же сбиваются в кучу, как стая пингвинов. Молодой парень, кажется, знает, о каком магазине речь. Он оборачивается, указывает в том направлении, откуда они только что пришли, и принимается объяснять дорогу, сосредоточенно нахмурив лоб. Его коллеги переговариваются и кивают головами. Но тут вдруг вперед выходит босс. Все расступаются перед ним. Я точно знаю, что он даже не слышал мой вопрос.

«Я ищу магазин Камидзи Какимото, – продолжаю я, – где находится маленькая бумажная лавка».

И тем не менее он решительно берет у меня карту, минутку держит ее в руках, а потом наугад тычет пальцем куда-то в восточную часть города в 10 кварталах отсюда. Парень, что первым указал мне дорогу, смотрит на карту и совершенно автоматически, как стрелка компаса, разворачивается на восток и показывает туда. Вместо радостной улыбки на лице вдруг появляется застывшее выражение, как будто у него запор. Коллеги сперва начинают перешептываться, но вскоре замолкают и все, как болванчики, принимаются кивать головами.

Мне жарко, я устала и несу тяжелый рюкзак, но эти шестерки нарочно посылают меня не в ту сторону, лишь бы угодить своему напыщенному боссу! Я просто в бешенстве, но все же киваю, улыбаюсь и рассыпаюсь в благодарностях, а сама притворяюсь, что изучаю карту и жду, пока они не скроются за углом, – не могу же я проигнорировать их совет в их же присутствии. Перед самым углом молодой человек оборачивается и смотрит на меня. Я

улыбаюсь. Он кивает головой, но не улыбается в ответ.

«Такой же, как и они все», – ставлю я безжалостный диагноз.

Дождавшись ухода несчастных врунов, я беру рюкзак и иду к метро. Внутри все просто кипит от негодования. Неужели они не знают, каково это – оказаться в чужом городе совсем одной, не зная дорогу? Прошагав полквартала, я уже чуть не плачу от жалости к себе. И тут вдруг из-за угла выглядывает тот самый юноша. Прижавшись к стене, он лихорадочно озирается по сторонам. Небось сказал своим старшим, что у него закончились сигареты, и тайком вернулся. Увидев меня, он улыбается с явным облегчением и тычет в ту сторону, куда и в первый раз. Я киваю. Он показывает 3 пальца – 3 квартала – и демонстрирует жестом налево.

Я справляюсь в нужную сторону. Юноша кивает и широко улыбается. Отвернувшись всего на секунду, я оборачиваюсь, но его уже нет.

Домой я прихожу, нагруженная свертками васи, и тут же принимаюсь за изготовление самодельных открыток для тех, кто согласился участвовать в моем фильме У меня осталось всего 5 месяцев, и я решила целиком посвятить себя съемкам. Может, хоть так мне наконец удастся найти то, что я искала?

Но если бы не было этих 6 месяцев в Фудзисаве, я бы тоже многого не узнала.

Теперь я умею контролировать свои жесты и речь (последнее удается не всегда). Я научилась общаться без слов в конфликтной ситуации, как это делают японцы. И мне удалось приподнять маску, которая скрывает от посторонних настоящее лицо Страны восходящего солнца. Здесь как бы существуют 2 параллельных мира, и настоящий всегда у тебя перед глазами, только увидеть его не каждому дано.

Но в глубине души я понимаю, что ничего бы не добилась без помощи Морита-сан. По меньшей мере раз в неделю я посылаю ей письмо на адрес информационного центра в Киото. И каждый раз не знаю, какое бы оправдание придумать: «Извините за беспокойство…», «Обещаю, это в последний раз…». Каждый раз я пишу это искренне, но никогда не выполняю обещание. Она же обзванивает для меня всевозможные организации, знакомит меня с буддийскими монахами и владельцами скотоводческих ферм. Ее репутация и репутация ее фирмы теперь зависит от моего поведения. Благодаря Морита-сан я попала на курсы каллиграфии, прокатилась на пожарной машине и на паровозе. Но больше всего я благодарна ей за то, что она в меня верит.

В электронном ящике новое сообщение: Морита-сан нашла мне семью краболовов. В Симоде у них небольшая гостиница, и

они согласились взять меня на рыбалку. Пора собирать вещи.

Семья Хоуэй – краболовы в 4-м поколении. Рыбалка у них в генах: кому лень вставать ни свет ни заря и выходить в ледяной океан, тот работает в рыбном магазине, на рыбном заводе или в суши-баре.

У деда курчавые седые волосы. Лицо потемнело и ссохлось от многолетнего пребывания на солнце, воздействия соленого воздуха и дизельных паров. Толстые щетинистые брови чуть тронуты сединой. Дед себе на уме, любит притворяться, что туговат на ухо, чтобы не принимать участия в семейных разговорах.

Его сестра – спокойная, тихая, общаться с ней очень приятно – все равно что сидеть в душный день на прохладном ветру. Детей у нее нет, и вся жизнь вращается вокруг любимого лабрадора по кличке Дом.

Пес умеет приносить газету и телефонную трубку, и никогда не ворует еду с низенького стола, какой бы аппетитной та ни казалась. Его фото повсюду: на ночном столике хозяйки, семейном веб-сайте, футболках. Он слит у нее в ногах, а в машине всегда кладет голову ей на колени.

Первые 2 дня после моего приезда дует сильный ветер. Рыболовецкие лодки стоят привязанными в гавани, а сами рыболовы сидят по домам. Здешняя кухня очень сытная, а порции огромные: чтобы было чем подпитывать силы в предрассветные часы в штормовом океане, промерзая на колючем зимнем ветру. Крабовые клешни в густом коричневом соусе, джем из морских водорослей и маринованный редис. Картошка, вареные овощи, густая рыбная паста. Толстые ломти сашими и жесткие куски сушеной рыбы. На первом этаже стоит столик, обложенный мягкими подушками. Под столешницей горит газовая лампа. Сунув ноги под одеяло, можно остаться в тепле невзирая на окружающий холод. В моей комнате нет ни отопления, ни мебели: отличный повод посидеть с хозяевами внизу.

Сезон ловли крабов длится всего 3 месяца. Весной краболовы меняют оснастку и оставшиеся месяцы возят туристов на глубоководную рыбалку. Найти клиентов несложно: когда-то Симода сыграл поворотную роль в модернизации Японии, и с тех пор в туристах недостатка нет.

Это случилось 8 июля 1853 года, в жаркий удушливый летний день, как две капли воды похожий на любой другой день затянувшейся эпохи Токугава. Рыбаки вышли в море на своих лодчонках, осторожно лавируя в волнах, чтобы, не дай бог, не отойти слишком далеко от берега: для перебежчиков тогда

предусматривалось одно наказание – казнь, даже при ненамеренном пересечении границы.

250 лет Япония жила в своей раковине, вознамерившись укрыться от грязи внешнего мира. А потом на горизонте появился клубочек черного дыма, и этому клубочку предстояло изменить судьбу целой нации. Он превратился в корабль, и вслед за ним из-за горизонта показались еще 2, а потом и 4 судна. Зазвонили храмовые колокола, крестьяне и рыбаки бросились прочь от «огненных кораблей чужаков». В тот день американский командор Перри бросил якорь в Симоде и потребовал аудиенции у градоначальника:

Вообще-то, Перри был не первым иностранцем, побывавшим в Японии. Дипломатические миссии десятилетиями пытались наладить контакт, но лишь голландцам разрешили открыть небольшую торговую компанию на Нагаски – островке в 200 ярдов длиной и 80 шириной. С сушей остров соединял тонкий мостик. Чтобы его пересечь, требовалось специальное разрешение. Высокая стена закрывала панораму на материк. С заходом солнца слуги расходились по домам, и на ночь ворота запирали.

Но как бы правители Японии ни пытались остановить время, перемены в остальном мире шли с головокружительной скоростью. На смену грациозным клиперам, когда-то рассекавшим азиатские воды, пришли пароходы. Первые пароходные суда сжигали огромное количество угля, и в тихоокеанском регионе началась настоящая охота на угольные месторождения. В 1851 году до американцев дошли сведения, что в Японии богатейшие природные залежи угля. И вот командор Перри, квадратноголовый, с двойным подбородком и большим пузом, прибыл в Страну восходящего солнца с целью установить торговые контакты.

Первый договор подписывали в полной тишине: разговаривать японцам с иностранцами было противозаконно. Японский эмиссар Каяма-сан, приняв дары в виде ситцевых тканей, сахара, вина и книг, мудро поступил, выпив вино по дороге на берег. Ибо стоило ему ступить на землю, подарки были конфискованы и уничтожены, а его самого понизили в звании.

В конце концов американцам разрешили сойти на берег. Первым делом Перри приказал своим людям натянуть между двумя зданиями телеграфный провод в полмили длиной. Самураи часами стояли в очереди, чтобы послать сообщение, после чего бегом бежали на другой конец и удивлялись, как это слова прибежали быстрее. Моряки построили 350 футов железнодорожных путей и выгрузили с корабля 4-составный

паровоз. Японцы катались на нем по очереди, их длинные платья развевались на ветру со скоростью 20 миль в час.

Хотя японцев и впечатлила американская техника, миссия Перри имела успех прежде всего потому, что он верно рассчитал время. В те годы Япония пребывала на грани голода и социального распада. Обанкротившиеся сегуны потеряли всю свою политическую власть и не могли даже контролировать народ не говоря уж о том, чтобы дать отпор варварам с Запада.

Через 15 лет сёгунат свергли, феодализм и самурайская каста прекратили существование. Для Японии наступила современная эпоха.

Ветра в Идзу все не умолкают, и мы весь день помогаем двоюродному брату Хоуэй: он устанавливает переносную столовую с горячим супом на территории местного цветочного фестиваля. Вечером – сплошные разговоры, но не о фондовой бирже и мировой экономике, а о старике с соседней улицы, который уколол палец о плавник и всю неделю лежал с заражением. Дом виляет хвостом, выпрашивая фрукты, и аккуратно ест с руки, когда я даю ему кусочек

Спустя несколько дней у меня кончается чистая одежда. Устраиваю постирушки в душе и оглядываюсь по сторонам: где бы развесить это хозяйство? В отчаянии прикалываю мокрые носки и нижнее белье к изнанке длинной юбки и в таком виде иду ужинать. Спрятав йоги под одеяло, я тайком задираю юбку, чтобы белье поскорее высохло у газовой лампы. После ужина прощаюсь с хозяевами и поднимаюсь по лестнице… вслед раздается громкий смех. Обернувшись, вижу длинный белый носок, который тянется сзади, как пушистый хвостик.

После этого меня принимают в семью. Даже Дом больше не лает, заслышав мои шаги. В глубине души я надеюсь, что погода так и не наладится.

Когда приходит время возвращаться в Осаку, с меня не берут плату за жилье и еду.

«Ты теперь член семьи, – говорят хозяева. – Приезжай, когда захочешь».

По дороге домой на 2 дня останавливаюсь в Кофу – там проходит огненный фестиваль*. Заселившись в маленькую гостиницу, выхожу на улицу под дождь. Старая хозяйка кричит, чтобы я не уходила, бежит в кухню и возвращается с уродливым фиолетовым зонтом. Он сделан из дерева и промасленной бумаги и явно видал лучшие времена: бумага порвана, ручка вся в занозах. Хозяйка вручает мне зонтик, я говорю «спасибо» и

протягиваю его обратно. Он тяжелый, как покрышка, увенчан желтой шишкой и похож не то на громадный прыщ не то на фиолетовый синяк. Мы стоим и суем зонтик друг другу в руки. Наконец мне надоедает, я кланяюсь и ухожу, таща за собой несчастную махину, похожую на бумажно-деревянный складной дом.

_____

* Во время этого фестиваля на улицах жгут костры и расставляют огромные горящие факелы.

_____

Через 3 дня, прошагав несколько сотен миль, чувствую, что с меня хватит. Зонт не влезает в рюкзак, его нельзя повесить на руку, да и дождя не было уже давно, и пользы от него, как от полена. Может, взять и потерять его? К несчастью, в Японии есть только 2 вида мусорных баков: один для алюминиевых банок, другой для газет. Чувствуя себя полной дурой, пытаюсь запихнуть зонтик в маленькую дырочку, предназначенную для банок. А вдруг кто-нибудь увидит, как я выбрасываю этот бесценный экземпляр народного творчества? Решаю не рисковать и уготовить зонтику более счастливую судьбу – пусть упокоится в бюро находок железнодорожного департамента Японии среди сотен тысяч своих собратьев, забытых в электричках в течение года!

Назначаю операцию на день, когда мне предстоит совершить 5 переездов, 2 из которых на знаменитых сверхскоростных поездах, задерживающихся на каждой станции меньше минуты.

В первой электричке просто собираюсь с духом. Мне с детства внушали, что мусорить в общественных местах плохо, и при одной мысли о своем плане я опускаю голову и начинаю украдкой косить по сторонам, как и пристало человеку с преступными намерениями.

Во второй электричке есть только стоячие места. Я встаю и пробираюсь к двери. Но тут меня кто-то окликает. Другой пассажир преграждает мне дорогу и показывает за спину. Услужливые пассажиры передают зонтик из рук в руки, и фиолетовое страшилище неминуемо приближается. Я приношу извинения, говорю «спасибо», кланяюсь, выхожу из электрички и машу вслед вагону ответственных граждан. Они тоже машут.

Третья электричка: сверхскоростной поезд-экспресс, мягкие сиденья, народу почти никого. Сажусь рядом с обасан (бабулей), которая тут же делает комплимент по поводу моего зонтика. Плохой знак. Только бы она вышла на следующей станции., или уснула. Но увы – бабуля бодра, смотрит по сторонам и выходить не собирается. Вот уже моя станция, и мне пора выходить. Бабуля

пристально смотрит на мои вещи, и я понимаю, что как ни старайся, все бесполезно. Хватаю зонтик. Бабуля улыбается, кивает, желает мне хорошего дня и удачи.

Следующая электричка местная. Сажусь, стараясь ни на кого не смотреть и ни с кем не разговаривать. Фиолетовый кошмар кладу на верхнюю полку, запихиваю в самую глубину и ставлю сверху чужую сумку. На своей станции жду до последнего, быстро надеваю рюкзак и бросаюсь к двери. Бегом по ступенькам вниз, к платформе напротив… Моя следующая электричка через 3 минуты. Мне уже кажется, что сейчас зонтик по волшебству появится за моей спиной, прилетит по воздуху, как Мэри Поппинс, но проходит минута, и все спокойно.

Ура! От радости хочется танцевать. Теперь мой багаж легче на целых 4 фунта – по такому случаю можно даже купить газету на следующей станции.

И тут вдруг кто-то кричит – по-английски. Кроме меня, ни одного лица европейской наружности на платформе нет, и я невольно оборачиваюсь. Напротив стоит мальчик в школьной форме и радостно размахивает зонтиком. Я машу ему в ответ, куда менее радостно. Я не могу вернуться и забрать зонтик, даже если бы хотела – опоздаю на электричку. Мне очень неловко притворяться, что я не замечаю бедного паренька, который через 2 платформы пытается докричаться до меня, но проблема вот-вот разрешится, надо лишь дождаться поезда. Тут мальчик вдруг перестает размахивать руками и бросается к лестнице. Я молю Всевышнего, чтобы электричка пришла поскорее, но это бесполезно: парень молодой, бегает быстро. Вот он уже над моей платформой, прыгает через 3 ступеньки. И запыхавшись, тормозит передо мной. Я кланяюсь. Он кланяется и протягивает зонтик. Сделав изумленное лицо, я рассыпаюсь в благодарностях и даже не пытаюсь отрицать, что зонтик мой: наверняка кто-то видел, как я его несла, запомнил меня и сможет опознать, а в Японии 95% преступлений раскрываются именно таким образом.

Подходит моя электричка. Мальчик все так и стоит с зонтиком в руках. Я не теряю надежды и пытаюсь вручить ему зонтик в благодарность за доброту, но он отказывается от столь щедрого дара. Я кланяюсь. Он кланяется в ответ. Я кланяюсь еще раз. Он кланяется в ответ… Моя электричка уезжает.

Тут подходит его электричка. Мальчик в отчаянии бежит по лестнице к ней, но и его поезд покидает станцию.

Еду в последней электричке. Перед самым выходом смотрю в окно: идет дождь. Схватив горемычный зонтик, засовываю его под мышку. Подумаешь, пара лишних килограммов!

ГЛАВА 19

Провинциальная Фудзисава так и не стала мне родной, а вот в Осаке я потихоньку обживаюсь. Наш квартал живет в собственном ритме, и мне удалось постепенно под него подладиться, хотя, может, я просто стала более восприимчивой? Дважды в неделю, в 6 утра, приходит мусорщик. Из его громкоговорителя доносится веселая зазывная песенка. В нескольких футах от моего окна спешат на работу и по делам жители нашего переулочка – кто с портфелем, кто с пакетами, а одна женщина – со скрипучей коляской и никогда не умолкающими близняшками. Соседи слева отвечают на сотовые, и я уже различаю разные звонки.

Вечером окрестности наполняются звуками, которые остаются неизменными вот уже несколько веков. После захода солнца появляется торговец сладким картофелем. Его скрипучая тележка-жаровня издает одинокий совиный свист, приглашая отведать *исияки-имо* – сладкий картофель, печенный на горячих углях. Добровольный пожарный патруль – *хиоси-ги* – не отличается такой пунктуальностью: перед тем как выйти на промерзшие улицы, патрульные обычно согреваются в местном баре. Ходят по переулкам и аллеям, выкрикивая «Хи-но-ё-дзин!» («Берегитесь пожара!»), тем самым напоминая жителям, чтобы те выключали керосиновые обогреватели на ночь. Лучи их фонариков скользят по стенам моей спальни; я жду, пока они пройдут, и снова засыпаю.

Потом приходит торговец лапшой. Он появляется примерно в половине первого ночи; ржавый мегафон играет старинную мелодию. Я вылезаю из кровати, надеваю куртку и ищу его тележку на полуночных улицах. Торговец готовит лапшу, подбрасывая ее в сите и затем опуская в миску дымящегося ароматного бульона. Немного яйца, рыбные фрикадельки, нарезанный зеленый лук – и блюдо готово. Я бегу домой, забираюсь под одеяло и ем в темноте. В желудке образуется приятное тепло, и я сворачиваюсь калачиком, кладу руки на живот и засыпаю безмятежным сном.

Лабиринты узких переулков, запутанные, как клубок спагетти, с овощными лавочками на каждом углу – вот какое впечатление производит Осака на первый взгляд. Но на самом деле это очень современный город, второй по величине в Японии. Осаку называют маркетинговой столицей: здесь тестируется большинство новых товаров. У жителей Осаки репутация самых капризных потребителей в мире, и если товар понравится им, то

можно точно рассчитывать на успех. На запруженных улицах и в бесконечных моллах можно купить все что угодно. Местные жители ничуть не стесняются своей прагматичной репутации и вместо приветствия часто спрашивают. «Успел сегодня заработать?» Осака – город бизнесменов.

Каждый будний день огромная движущаяся волна мужчин и женщин с портфелями выплескивается на улицы жилых кварталов, водопадом стекает по ступеням станций метро и распадается на тонкие ручейки, текущие каждый к своему поезду. Я пристраиваюсь в хвост. Мы шагаем к краю платформы и с великим трудом набиваемся в переполненный поезд. Я оказываюсь в тесном кольце совершенно незнакомых людей. Меня до сих пор поражает, как это японцы, у которых вообще не приняты публичные прикосновения, умудряются пережить это ежедневное вторжение в личное пространство.

Но даже в переполненном вагоне этикет – это все. Специально для этого случая был разработан уникальный кодекс поведения, призванный поддерживать гармонию. Нельзя смотреть другим пассажирам в глаза. Нужно вообще делать вид, будто их не существует: даже если кто-то чихнул, не вздумайте сказать «Будьте здоровы». Японцы игнорируют любое поведение, которое потенциально может вовлечь их в разговор, – будь то дружелюбная улыбка или пьяная развязность. Они стараются не привлекать к себе внимания, по возможности вокруг себя создают некое пространство, но если физический контакт неизбежен, не нужно воспринимать это как личное оскорбление. Спать нужно красиво: не храпеть, не пускать слюни, не сползать на пол.

Как правило, японцы в поезде впадают в некое медитативное состояние – настоящее искусство передвижения на метро в стиле дзен. На лицах появляется застывшее выражение, как у дряхлых стариков, оставшихся дома в одиночестве, или у моделей, позирующих нагишом. Они не выглядят несчастными или недовольными: на лицах написано лишь спокойное достоинство. Они погружаются в некое место внутри себя, которое находится в тысяче миль отсюда. Я изо всех сил стараюсь пробиться сквозь толпу, а они, кажется, ее даже не замечают.

На нужной станции срабатывает внутренний будильник, и пассажиры выходят из транса. Их выдавливают из поезда, как зубную пасту из тюбика. В следующие несколько секунд они разбегаются по многочисленным сверкающим небоскребам, выстроившимся вдоль центральных бульваров Осаки.

В Фудзисаве мы с Гэндзи подолгу говорили о том, что происходит внутри этих небоскребов. Благодаря ему я узнала о нескончаемом рабочем дне, корпоративной иерархии, о том, что

столы в комнате всегда стоят лицом друг к другу, чтобы служащие видели, кто чем занимается. Но лишь услышав о протоколе обмена визитными карточками, я по-настоящему поняла, как ужасно запутана жизнь японского бизнесмена.

Визитная карточка содержит единственную, но жизненно необходимую информацию о положении человека в социальной иерархии. Взглянув на визитку, можно узнать о роде деятельности компании и той ступени, которую занимает служащий на корпоративной лестнице. Визитная карточка определяет ваше место за переговорным столом и в лифте, ту разновидность японского, которую необходимо использовать при общении с другими бизнесменами. Если у человека нет визитки, он просто не существует.

Процедура обмена визитными карточками таит в себе множество опасностей. Первым карточку протягивает тот, чей ранг ниже. Так как я женщина молодая, да еще иностранка и не связана ни с одной солидной корпорацией, я почти всегда оказываюсь ниже своих собеседников. Карточку держат обеими руками, повернув вверх той стороной, где надпись по-японски (с оборотной стороны – по-английски), и так, чтобы символы не располагались вверх ногами. Затем следует долгий и глубокий поклон, после чего нужно повторить свое имя.

Чужую карточку нужно принять с еще более низким и долгим поклоном. Обычно я не могу прочесть ни строчки, но все равно притворяюсь, что пристально изучаю иероглифы. Иногда представляю, что передо мной абстрактное искусство, и пытаюсь разглядеть в картинках очертания женщины. Затем следует ритуальное приветствие, я достаю сделанную на заказ визитницу и аккуратно убираю карточку, как будто та действительно является произведением искусства. Черкать что-то на визитке ни в коем случае нельзя (по крайней мере при посторонних). Изуродовать чью-то визитку -непростительный грех. Этот урок я, слава богу, выучила заранее

Не так давно губернатор Нагано встречался с чиновником из префектуры. Чиновник взял карточку губернатора, нарочно сложил ее пополам и положил в карман. Происшествие засняли на камеру. Три дня эта пленка крутилась во всех национальных новостях. В офис губернатора поступило более 8000 звонков, электронных писем и факсов от взбешенных граждан, которые требовали, чтобы чиновника немедленно уволили. Пристыженный чиновник публично извинился и подал в отставку, губернатор заявил, что обсудит ситуацию с главой управления общественными корпорациями и другими чиновниками. В конце концов провинившемуся уволиться не разрешили; была проведена

пресс-конференция, на которой публично продемонстрировано письмо с извинениями. Чиновник признался, что его обращение с визиткой было легкомысленными неуважительным. Он поклялся в дальнейшем выполнять свои обязанности с особым рвением, «как после нового назначения».

Раз уж я взялась снимать документальный фильм, надо испытать на себе, каково это – быть служащим японской корпорации И вот я хорошенько высыпаюсь, беру камеры и сажусь в скоростную электричку. Мой путь лежит в Синдзюку – престижный район Токио, известный своими ночными клубами. Сегодня мне предстоит снимать уникальное событие – последний поезд отправляющийся со станции метро.

Синдзюку – самая людная станция во всей Японии. Каждое утро ее платформы наводняют более сотни тысяч людей. Они снуют по подземным переходам, подобно армии термитов, а выплеснувшись на улицы, растворяются в городской толпе. В полночь те же толпы все еще пьют и веселятся в барах, но в какой-то момент все они одновременно смотрят на часы и понимают, что последний поезд вот-вот уйдет. Такси до пригорода обходится в 200 долларов – для большинства жителей токийских окраин это слишком высокая цена за то, чтобы вернуться к своим домашним тапочкам и жесткому футону. Поэтому в 0:30 ночи на станцию Синдзюку врывается взбесившийся табун людей. Посадка в последний поезд напоминает кровавое побоище.

Мне это только на руку. Немного крови в моем фильме не помешает.

Есть только одна проблема: если я сниму, как уезжает последний поезд как сама доберусь до дома? Сверяюсь с картой: пешком будет далековато, но в принципе можно дойти до соседней станции Токио. Или еще лучше – поймать такси и до утра просидеть в библиотеке пресс-клуба, листая старые издания «Atlantic Monthly» и «People».

Незадолго до полуночи приезжаю на станцию Синдзюку. Обегаю все платформы, пока не нахожу ту, на которой яблоку негде упасть. В сторонке стоит высокий длинноволосый парень европейской наружности: оказывается, этот австралиец прожил в Японии 9 лет. Он показывает место, где лучше ждать поезда, и рассказывает жуткие истории о том, какая давка начнется потом. По его словам, все служащие станции выстроятся вдоль вагонов и будут силой заталкивать людскую массу в двери. Мне не терпится на это посмотреть.

«Знаешь, почему последний поезд уходит в час?» – спрашивает он.

Я, конечно, не знаю.

«В Токио влиятельная таксистская мафия. По идее, правительство могло бы пускать по поезду в час в течение ночи, как в Нью-Йорке, но Ассоциация таксистов щедро платит политикам, и те принимают указы и закрывают метро на ночь».

Приближается поезд. Люди ломятся вперед. Мой австралиец активно пробивает себе дорогу, как сперматозоид, плывущий к яйцеклетке. Я полностью поддаюсь во власть броуновского движения. Мой друг уже в вагоне, меня отталкивают в сторону. Выживает сильнейший.

Снимаю еще несколько поездов в ожидании главного. Табло на соседней платформе показывает, что скоро отходит состав до станции Токио. Я даже подхожу поближе; чтобы удостовериться. У меня уже есть хороший сюжет. Может, просто сесть на поезд и не беспокоиться насчет такси? Но нет – я просто обязана увидеть, что это за пресловутый последний поезд. Это же будет незабываемое зрелище?

Люди постепенно стекаются на платформу. Смотрю на часы и все жду, когда же появятся обезумевшие толпы, но тут подъезжает последний поезд – почти пустой – и все неспешно заходят в вагоны, где полно свободных мест. Двери закрываются. Поезд уезжает. Я остаюсь одна.

Я как ребенок, которого все лето обещали сводить на клоунов, а потом цирк взял и уехал.

Выхожу на улицу. У дверей станции табличка «Стоянка такси». Рядом с табличкой очередь примерно в сотню человек и ни одного такси. Первым стоит парень с букетом цветов. Отправляюсь в самый хвост. За мной пристраиваются 2 пьяных бизнесмена. Холод стоит жуткий, а у меня с собой всего лишь тонкая куртка в набитом до краев рюкзаке. Стоит перестать двигаться, и пот примерзает к лицу. Я устала, умираю от скуки и готова отдать 2 здоровых зуба за любую, хоть самую дрянную книжку.

Проходит час. На циферблате 1:30 ночи. Я смотрю в начало очереди и вижу все того же мужика с букетом. Мне казалось, что очередь потихоньку движется вперед но теперь я понимаю, что это вновь пришедшие налегали сзади. Вокруг все или слишком пьяные, или слишком усталые, или же попросту смирившиеся с ожиданием. Я решаю идти пешком.

Выбравшись со стоянки, достаю карту. Путь предстоит неблизкий – миль 8, а то и 10. Помню, Роберто как-то говорил, что по пятницам всегда ходит в ресторан в Харадзюку и слушает бразильскую музыку. Харадзюку совсем недалеко, а в ресторанах обычно тепло…Да и Роберто приглашал заходить в любое время.

Звоню ему на сотовый. Голосовая почта. Я в тупике – идти в ресторан пешком? Он совсем не по пути на станцию Токио. А Роберто, конечно, очень хороший парень, но полагаться на него я бы не стала… Не хочу сказать ничего плохого, но у него даже туалетной бумаги в туалете нет. Может, он вообще дома, а ресторан закрыт. Ломиться в двери посреди ночи бесполезно. Так что пойду-ка я лучше на станцию Токио. Устану – поймаю такси.

То, что таксисты не любят иностранцев, – общеизвестный факт. Тусовщики из Токио весьма нелестно отзывались на их счет. До сегодняшнего дня я не могла полностью оценить их негодование. Что вообще можно делать в городе после часу ночи? Как вообще можно сидеть 6 часов подряд в дорогом, шумном, прокуренном баре? Если честно, тайком я даже была на стороне таксистов. Гайдзины редко говорят по-японски, не могут нормально объяснить, куда им ехать, и известны своей несдержанностью. Будь я японским таксистом, наверное, тоже не захотела бы иметь с ними дело.

Но разве могла я знать, что сама окажусь на улицах Токио в 2 часа ночи и буду пытаться остановить одну из недружелюбных желтых машин? Пустые такси с зелеными огоньками начинают появляться примерно через полмили. Я машу рукой. Таксисты проносятся мимо с каменными лицами, точно непоколебимые воины-самураи. Иду к светофору и пытаю счастья здесь. На перекрестке останавливается машина. Стучу в окно: ни ответа ни привета. Водитель мертвой хваткой вцепился в руль. Как только загорается зеленый, он нажимает на газ, чуть не сбив меня с ног.

Зеленый, желтый и снова красный. Мне удается привлечь внимание другого, таксиста. Тот очень медленно тянется к разблокировке задней двери, дверь открывается… ура! Пока я копаюсь у задней двери, собираясь влезть в такси, загорается зеленый свет. Таксист захлопывает дверь и уезжает.

В третий раз на светофоре останавливаются целых 3 свободных такси. Водители видят, что я сигналю, их зеленые лампочки с надписью «свободно» подмигивают мне, как рождественские огни.

Загорается зеленый, и они продолжают подмигивать уже из-за поворота. Счастливого Рождества!

Наконец мне надоедает, я прохожу пешком примерно полмили и вижу отель. В холле интересуюсь, не мог бы администратор вызвать для меня такси. Я даже согласна заплатить ему за услугу.

«Никак нет, – отвечает служащий (тоже с непроницаемым, как у самурая, лицом). – Такси-сервис только для гостей отеля».

«Если бы гость стоял у вас в холле, ему вряд ли понадобилось

бы вызывать такси», – замечаю я. Но мои слова никого не интересуют. Приходится идти обратно, на холодную улицу.

3:30 утра. Сказать, что я устала, значит, ничего не сказать. Ноги болят под весом тяжелого рюкзака. Пожелав смерти всем таксистам, решаю идти пешком.

Иду через город по спящим железнодорожным путям, огибая станции. Улицы Токио абсолютно пустынны, если не считать бездомных, которые, как бесплотные тени, вылезают из подворотен на охоту за алюминиевыми банками. Рестораны давно закрыты, но я высматриваю торговый автомат. Они есть почти на каждом углу и чем только не торгуют: сигаретами, фотокамерами, телефонными картами, дисками с поп-музыкой. Иногда попадается холодная газировка, горячий кофе, пиво, крепкие спиртные напитки, а в некоторых кварталах – порножурналы и ношеное женское белье.

Наконец вижу мигающий знак реклама горячего супа с кукурузой. Открываю крышку и вдруг слышу за спиной какой-то звук. Там, на куске картона, крепко спит бездомная женщина, скрестив по-турецки ноги. Она согнулась пополам, голова почти касается асфальта. Сажусь рядом и пью суп. Мне почему-то нравится смотреть, как она храпит и в такт покачивает головой. Но сидеть на холодном асфальте не слишком-то приятно, и вскоре я начинаю дрожать. Распрямив затекшие ноги, я проникаюсь уважением к бездомным, придумавшим систему теплоизоляции с помощью картона, и еще большим презрением к таксистам. Бездомной оставляю 120 иен – как раз хватит, чтобы купить банку супа.

Через час натыкаюсь на отель-капсулу. Женщин они обычно не пускают, но попытка не пытка. Захожу и интересуюсь на всякий случай. К моему удивлению, клерк кивает, берет мои 40 долларов и протягивает ключ. Мы поднимаемся на третий этаж. В отеле-капсуле есть все, что нужно загулявшему офисному служащему после ночи обильных возлияний или игры в патинко. В киоске в лобби можно купить лапшу быстрого приготовления, пиво, саке и сигареты. Есть чистые белые рубашки и галстуки в ассортименте. На большом экране передают бейсбол, в подвале – целый этаже книгами комиксов. Когда клиент наконец решает, что пора спать, скрипучий лифт отвозит его в постель-ячейку.

Этажи представляют собой бесконечные коридоры с рядами ячеек. Это похоже на гигантский пчелиный улей, а местами и на морг. Каждая ячейка в 1 м высотой, в 1 м шириной и в 2 м длиной. Отгородиться от мира можно тоненькой опускающейся ширмой. Замков нет, но нужны ли они? Все равно в ячейку поместится только один.

Внутри капсулы – лампа и радиоприемник Есть телевизор, подвешенный в углу, но для просмотра нужно купить специальную карточку по 8 долларов в час. Мне телевизор не нужен. Я выключаю свет и засыпаю, как только голова касается подушки.

Первый поезд со станции Токио отходит ровно в 6 утра. На платформе уже толкутся 2 десятка людей, все в помятой вечерней одежде. Рядом со мной стоит женщина в длинном облегающем платье и туфлях на шпильках с блестками. Все смотрят в одну точку, у всех круги под глазами и серые лица.

Через 4 часа вываливаюсь из вагона в Осаке. Рядом со станцией – стоянка такси. Бизнес идет плохо. Один из водителей смотрит на меня, и я ему киваю. Он открывает заднюю дверь, а я с гордым видом прохожу мимо. Так ему и надо!

ГЛАВА 20

Он просит меня прикурить, когда я пробегаю мимо в парке Осаки, в тени знаменитого замка. Огонька у меня не находится, но, поймав мой взгляд, он зовет меня присесть. Вид у него безобидный, да и пробежка моя почти окончена, поэтому я соглашаюсь.

На вид ему лет 45. Похож на бизнесмена, причем весьма успешного. Идеально пошитый костюм, явно дорогой, с легким блеском. Должно быть, он замечает, что я одобрительно его разглядываю, и заговаривает со мной, как со старым другом.

«Это случилось почти четыре года назад, – говорит он. – В офис пришли люди и сделали объявление. От стыда мы не могли даже поднять головы и посмотреть друг другу в глаза. – Он замолкает. – Они сказали, что это не наша вина… экономический кризис… плохой экспортный год… и все равно…»

Кто-то дает ему прикурить. Я не смотрю ему в лицо и делаю вид, что любуюсь замком. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять: передо мной человек, который хочет выговориться.

«Я потерял все сбережения и дом. Жену с детьми отослал к родителям. Мы все считали, что это временно. Несколько раз я ездил их навестить, но мне было слишком больно и слишком стыдно. Теперь мы не видимся: так легче для всех. То же самое получилось с друзьями. Хуже всего, что внешне я по-прежнему выглядел, как они, – это словно напоминало им о том, что с ними такое тоже может случиться. Как-то раз я вышел из дома с портфелем, в лучшей одежде, как на работу. И больше уже не возвращался».

Он теребит подкладку костюма. Ткань уже порядком обтрепалась.

«Я научился штопать,- бормочет он. Точно читая мои мысли, и распахивает пиджак: прореха в подкладке залатана крошечными и донельзя аккуратными стежками. – На ночь костюм приходится снимать, чтобы не помялся во сне».

Он хрипло смеется, но в голосе нет ни капли веселья.

«Как-то ночью я чуть не замерз до смерти. То была моя первая зима – январь выдался очень холодный. Я откладываю деньги, чтобы носить костюм в химчистку раз в 3 месяца. Пока его чистят, мне целую ночь и день приходится прятаться. А чтобы он не потерял вид, подвешиваю его над решеткой в метро – оттуда пар идет».

Он обратился ко мне по-английски, но постепенно перешел на японский. Некоторые слова я понимаю, некоторые нет, но по

выражению его лица ясно, что он имеет в виду.

«Бывает, я покупаю дешевый билет и езжу на метро туда-сюда. Меня никто не трогает, ведь я похож на бизнесмена. Но ездить нужно всегда в час пик, когда много народу и неудобно. Я никогда не сажусь. А бывает, на меня заглядываются девушки. – Он улыбается. – Жизнь не так уж плоха».

Когда он шагает в толпе, его никто не замечает. Эти поездки в метро как ни странно, заставляют его чувствовать свою связь с миром. А увидев грязного бомжа в помятой одежде, распластавшегося земле, он реагирует так же, как и любой добропорядочный гражданин: «Я никогда не окажусь на его месте».

Он докуривает до фильтра. Курение – дорогая привычка, и большинство бездомных подбирают брошенные, наполовину выкуренные сигареты, но он так делать ни за что не будет.

«Я слишком много пью, – удрученно замечает он. – Дурная привычка из прошлой жизни. Когда я пью, то вспоминаю бары, куда мы ходили после работы – друзья, мама-сан, клубы дыма, шум, тепло. Там всегда было тепло. Тогда я этого не замечал, но теперь…»

Несмотря на приличную одежду, он не может найти работу. Он ничего больше не умеет. Продавцом его не берут – говорят, что им нужны молодые женщины, а он слишком образован, чтобы торговать за прилавком. Его костюм отпугивает людей, как и грязные лохмотья. А ведь у него есть расходы – раз в неделю нужно стричься. Его старый парикмахер не подозревает, что его клиент бомж, хотя прошло уже несколько лет. А экс-бизнесмен ни разу не попросил скидку и всегда платит наличными.

Огонек был всего лишь предлогом. Впрочем, я – эпизодический актер в его пьесе, участник всего одной сцены. А сюжет у нее такой; успешный бизнесмен прогуливается в обеденный перерыв. Только вот на работу ему возвращаться не надо. Но костюм – это вовсе не декорация; это его достоинство, его лицо.

Он все время теребит подкладку в одном и том же месте. Прореха растет.

«Наступит день, – произносит он, продолжая тормошить пиджак, – когда этот костюм совсем износится. И тогда все будет кончено».

В ту ночь мне снятся стервятники с бесплотными телами, рыскающие по сточным канавам и переулкам, пока люди безмятежно спят. Выясняется, что Осака известна не только как маркетинговая столица, но и как город бездомных, которых здесь

больше, чем в любом другом японском мегаполисе. Большинство – бывшие разнорабочие, мигрировавшие в город в 1980-е годы, в период строительного бума. После первого же экономического кризиса рынок недвижимости рухнул, прошли сокращения, работу удалось сохранить лишь здоровым и молодым. Среднестатистический бездомный – мужчина старше 40. В обществе, где все регулируется жестокими правилами, работы для таких людей просто нет. Обычно бездомные обрезают все связи с семьей – им попросту стыдно показывать, в кого они превратились. Они спят на тротуарах и под мостами, а по утрам аккуратно сворачивают футоны и стряхивают мусор с безупречно чистых татами. Большинство зарабатывает на жизнь сбором мусора – 8 часов тяжелого труда приносят около 10 долларов в день. Я часто вижу их в супермаркетах: они толкают тележки, нагруженные картонными коробками, а по пятам бегут грязные собаки. Бездомные из парка Осаки натягивают между деревьями голубые навесы, фиксируют брезент старыми аккумуляторами и подметают листья вокруг своих чистеньких «домиков». В Японии их не считают за людей. Они как неприкасаемые в феодальные времена – даже не участвуют в переписи населения. Для среднестатистического японца этих людей просто не существует. Как ни странно, среднестатистическому японцу бездомные отплачивают тем же: полным равнодушием. Поэтому к ним очень сложно подобраться.

Наконец, исчерпав все свои ресурсы, я обращаюсь к Морита-сан.

«Познакомиться с бездомным сборщиком мусора?»

Обычно мои просьбы не способны ее удивить, но на этот раз она в шоке. «Даже не знаю», – настораживается она, но уже через минуту придумывает план и звонит местному шефу полиции. Тот рассказывает о благотворительной компании, которая раз в неделю готовит обеды для бездомных. Морита-сан упрашивает шефа познакомить меня с этими людьми. И вот в дождливое утро вторника я сажусь в вагон метро и еду в парк Камагасаки кормить тысячу голодных.

Работа уже кипит: организаторы таскают ведра с овощами и перепелиными яйцами, пожертвованными местными рынками. Вся еда, разумеется, просроченная. Мы поджигаем несколько костров, ставим на них большие металлические котлы и начинаем готовить. В ход идет каждый кусочек. Упавшее на землю яйцо аккуратно моют и отправляют в котел. Эти люди знают, что такое голод – ведь все они тоже бездомные.

В углах парка кучкуются группки неряшливо одетых мужчин и женщин. Сама собой формируется очередь длиной примерно в 3

квартала. Кое-кто достает зонтик, но большинство стоит и терпеливо мокнет под дождем. Получив свой рисовый шарик, бездомные по очереди макают его в оба соуса и быстро отходят в сторону. Усевшись на грязные доски, они смакуют обед, откусывая по-птичьи маленькие кусочки. Внешний вид блюда никого не интересует: главное – питательная ценность. Доевшие шарик тут же встают в конец очереди за добавкой.

Основное блюдо – щедрая порция риса и рагу из овощей и перепелиных яиц. Я наполняю тарелку за тарелкой, глядя в безропотные, отчаявшиеся лица. Почти все говорят «спасибо». Кое-кто даже кланяется. Еда кончается, когда в очереди стоит около 50 человек Они спокойно расходятся в стороны, хоть и прождали несколько часов под дождем. Закончив обед, все встают в новую очередь, на этот раз чтобы помыть миску и палочки и аккуратно убрать их в пластиковые контейнеры. Несколько человек помогают нам прибраться. Среди них – пожилой мужчина по имени Нисида-сан.

Он родился в 1937 году. Закончив 2 класса средней школы, он вынужден был пойти работать. Его приняли на знаменитый завод, где изготавливали динамит для угольных шахт. Он стал профсоюзным активистом, бунтовщиком, и в 23 года организовал забастовку. Когда бастующих разогнали, он понял, что попал в беду, уволился и переехал в Осаку. Затем он 2 года работал на подъемном кране, грузил в доках списанные американские автомобили. Потом его повысили, и он 15 лет проработал на погрузке холодильного оборудования.

«То были лучшие годы моей жизни, – вспоминает Нисида-сан, улыбается и качает головой. – Были и деньги, и хорошие друзья, и вдоволь саке, и чистая сухая постель… Саке и хорошая песня. Что может быть лучше».

Потом идиллия кончилась. Нисида-сан перевалило за 40, он уже не мог конкурировать с молодыми и здоровыми. Место, где он работал, контролировалось якудза, и он не получил ни выходного пособия, ни пенсии. А без домашнего адреса не получишь пособие по безработице. Поэтому Нисида-сан живет на улице, встает в 5 утра и рыщет в чужом мусоре, разыскивая алюминиевые банки.

Я прошу разрешения пойти вместе с ним. Он соглашается без колебаний.

По пути домой захожу поблагодарить Морита-сан. Говорю, что мы с Нисида-сан завтра идем собирать банки. Морита-сан предлагает найти мне переводчика и сопровождающего – ей кажется, что в такую рань на улицах небезопасно. Я тронута ее заботой.

С моим переводчиком Асао мы встречаемся на станции метро. Я согласилась приютить его на ночь. Асао 32 года, а он все еще студент. У него черные зубы и привычка выкуривать 4 пачки в день.

Свой путь домой решаю срезать и иду через торговый центр. Асао резко останавливается у винной лавки.

«У тебя есть алкоголь?» – спрашивает он.

Пытаюсь вспомнить. «Кажется, есть пиво».

«Сколько бутылок?»

«Одна».

«Большая?»

«Маленькая».

Он заходит в магазин и хватает с полки бутылку саке. Я предлагаю заплатить. Тогда он берет вторую и 6 банок пива. «Иначе не засну», – объясняет он.

Я устраиваю его поудобнее в гостиной, убедительно прошу не курить в доме и решаю немножко посидеть рядом для приличия. Асао открывает окна, включает телевизор и обогреватель на полную мощность.

Сам Асао называет себя марксистом, но при этом говорит, что больше всего в жизни хочет заработать побольше денег. Я спрашиваю, в чем выражаются его марксистские увлечения, и он бормочет что-то про студенческие демонстрации, а потом быстро меняет тему. Его цель – устроить студенческую революцию, как в Америке 1960-х, только главное при этом не попасть в переделку.

«А пока вот изучаю акупунктуру по вечерам», – возвращается на землю Асао.

Получив лицензию, он должен будет отработать 2 года, а после этого уедет в Никарагуа и присоединится к армии запатистов*. А еще он хочет выучить много языков и иметь собственный кабинет, где смогут бегать его дети, пока он лечит благодарных пациентов. Жену он хочет любящую, но независимую. После свадьбы и рождения детей она должна продолжать работать. Тогда у них всегда будет доход.

_____

* В истории Мексики движение за национальное освобождение; в наши дни является чем-то вроде антиглобалистской организации, выступающей заодно против бедности.

_____

«А кто будет смотреть за детьми?» – спрашиваю я.

«Она, – раздраженно отвечает он. – Поэтому я и говорю, что мне нужна любящая жена».

А еще Асао хочет, чтобы она была активисткой, и при этом

показывает на меня. «Такой, как ты», – заявляет он.

По странному совпадению меньше недели назад он расстался с девушкой.

«Что случилось?» – не могу сдержаться я.

«Я не мог заниматься с ней сексом», – отвечает он.

Я резко меняю тему.

Асао жил у своей девушки в качестве гостя, а теперь ему придется переехать в общежитие, делить комнату с 6 другими студентами и платить за это 230 долларов в месяц. Ему это совсем не нравится.

Я спускаюсь на кухню и готовлю Асао ужин. Потом сижу и смотрю, как он ест. В жизни не видела, чтобы человек так хлюпал. Я не смогла бы так свинячить даже под дулом пистолета. Асао прихлебывает пиво, гладит себя по животу и зажигает сигарету. Оставляю его наедине с телевизором и бутылкой саке.

В предрассветной темноте встречаемся с Нисида-сан на станции метро. У него есть расписание на истрепанном клочке бумаги, где написано, в каком квартале сегодня выставляют мусор. К рулю велосипеда привязана мягкая игрушечка – медведь панда. На багажнике – грязная желтая сумка с одеждой и прочим скарбом; зонтик и велосипедный насос крепко привязаны к раме. Есть еще шкафчик на вокзале, но чтобы достать или положить вещи, нужно каждый раз платить 4 доллара, поэтому он редко туда ходит. От холода защищают белые перчатки и поношенная серая куртка с меховым капюшоном Нисида-сан выглядит так, будто только что принял душ, – выдают только заспанные глаза. Ему не терпится поскорее начать.

Мы едва поспеваем за его велосипедом. Он точно знает, в какое время хозяева того или иного дома выносят мусор. В некоторых домах банки на переработку вообще не сдают – и Нисида-сан просто проносится мимо. Он усердно крутит педали, тормозит без предупреждения и пинает мусорные мешки. Пинать нужно, чтобы услышать, есть ли внутри алюминиевые банки. Проверив мешки на звук, Нисида-сан наклоняется и проверяет на ощупь: алюминий мягко хрустит в руках. Если внутри больше одной или двух банок, он слезает с велосипеда, развязывает мешок, достает банки, аккуратно завязывает узел, чтобы мусор, не дай бог, не просыпался, и едет дальше. К моему удивлению, алюминиевых банок очень мало. Кажется, японцы действительно больше любят чай – зеленый или ячменный – и спортивный напиток с малоаппетитным названием «Pocari Sweat» (* Пот (англ.)). «Coca-Cola» и «Pepsi» здесь не жалуют.

Мы кружим по кварталу, следуя известной лишь Нисида-сан

запутанной схеме. Оказывается, по мусору о жителях домов можно очень многое выяснить: у кого была вечеринка, кто много пьет, что люди выбрасывают и отправляют в переработку. Нисида-сан знает, кто из местных выгуливает собаку перед завтраком, кто недавно поссорился, чьи дети тайком курят и по ночам убегают из дома. Он первым замечает, что кто-то из соседей купил машину, и знает, на какую именно электричку спешит вот этот служащий. Пусть бездомных держат за невидимок, но сами они не слепы.

Но и у нас есть глаза. Дважды за свой обход Нисида-сан останавливается, когда ему кажется, что никто не смотрит, и покупает в автомате стаканчик саке. Два быстрых глотка – и стакана как не бывало. Одна пятая часть дневного дохода. А ведь он еще даже не завтракал.

К 9:30 велосипед уже еле едет под тяжестью банок. По обе стороны багажника и руля привязаны черные и желтые пакеты. Наконец Нисида-сан замедляет ход. Теперь можно спокойно поговорить.

Оказывается, в Кюсю у него есть сестра и брат. Брат был плотником, он на 6 лет старше Нисида и сейчас уже, наверное, на пенсии. Сестра замужем за служащим. Они не виделись почти 20 лет. Сам Нисида-сан не был женат, детей у него нет.

«А если бы вы встретили женщину и полюбили ее, женились бы?»

Он качает головой. «У меня нет средств, чтобы обеспечить семью. Да и работа нестабильная». Нисида-сан смотрит на меня.

«По части брака мы с вами схожи, – без малейшей злобы замечает он. – И у вас, и у меня шансов маловато».

«А если бы у вас были дети, какое напутствие вы бы дали им в жизни?»

Он отвечает уверенно, не раздумывая. «Гордиться своей работой. Быть честным человеком».

Я решаю задать сложный вопрос. «Если бы вы нашли десять миллионов иен, как бы поступили?»

«Отнес бы в полицию, – тут же отвечает он. – По закону нашедшему полагается двадцать процентов».

«Ну а допустим, вы бы выиграли в лотерею?»

Он задумывается. Кажется, над этим он вообще не размышлял. Отвечает, что снимет хорошую квартиру на 1-2 месяца Или поедет на курорт с горячими источниками полечить больные суставы.

Кажется, он вполне доволен своим местом в жизни. Мог бы, конечно, зарабатывать побольше, если бы по вечерам собирал еще картон, но предпочитает отдыхать. Ему больше ничего не нужно

разве что саке.

Добираемся до центра приема тары. Нисида-сан взвешивает утренний улов и тоскливо смотрит на весы.

Получив наконец деньги – 8 долларов 50 центов, он приглашает нас в свое любимое местечко. Я отчасти ожидаю, что это окажется бар, но, к моему удивлению, мы идем в публичную библиотеку. Нисида направляется сразу к стойке с журналами, берет потрепанный экземпляр научно-популярного журнала и усаживается в кресло. В зале тепло и тихо; весь вечер в его распоряжении.

Невольно вспоминаются толпы несчастных служащих, которые спешат на электричку в 7 утра и возвращаются домой лишь за полночь. Нисида-сан далеко до их материального благополучия, зато у него есть нечто иное, имеющее куда большую ценность: время. Время поразмышлять, выспаться, почитать книгу.

В тот же вечер приходит письмо от Асао. Я пишу ответ. После полуночи звонит телефон. Асао пьян.

«Мне нечего тебе сказать, но я все равно звоню. Я по тебе скучаю. Я хочу тебя».

Я не хочу Асао. Ни капельки. Я хочу спать. Мы оба встали в 4 утра. Он снова затягивает волынку: я по тебе скучаю… В перерывах между признаниями раздаются громкие прихлебывания из бутылки.

«Я хочу опять тебя увидеть. Не только для секса, чисто по-дружески».

«Ну, спасибо».

Вот он, мой первый поклонник больше чем за год. Неудивительно, что Гэндзи побледнел, когда я в шутку попросила найти мне мужа.

«Давай поужинаем вместе».

Я отклоняю приглашение, ссылаясь на занятость Асао начинает ныть, что у меня нет на него времени. «Тебе нужен такой активист, как я…»

Бинго.

«Я пьян».

Еще раз в яблочко.

Но отдаться от Асао оказывается не так уж просто. Он снова звонит через час, потом 3 раза в 2 часа ночи и дважды в 2:30. Наконец, я честно признаюсь, что скорее пойду на свидание с Нисида-сан. Выключаю телефон и ложусь спать.

ГЛАВА 21

Морита-сан опять для меня постаралась. До меня дошел слух, что на далеком гористом полуострове Исэ есть деревушка, жители которой празднуют Новый год весьма необычным способом. Все население собирается на скалистом берегу и, когда часы пробьют полночь, нагишом бросается в океан. В синтоистской традиции это ритуал очищения, освобождающий душу и тело от токсинов, накопившихся за прошедший год. Морита-сан выясняет, что деревня называется Идзика, и находит гостиницу, где меня соглашаются принять 31 декабря. Меня даже приглашают на новогодний ужин!

Японская еда и в обычный день напоминает сказочный пир, однако ничто не сравнится с новогодними гастрономическими роскошествами. Идзика – рыбацкая деревня, поэтому в меню преобладают морепродукты. Из них делают все – от закусок до мороженого.

Но главное – все очень свежее. Сомневаюсь, что хоть одно блюдо попало на стол из духовки или со сковородки. Рис посыпан тонким слоем икры морского ежа. Оранжевая, кремообразной консистенции, она точно еще минуту назад лежала в ведерке на дне рыбацкой лодки. Устрицы – мягкие, как мокрая салфетка. После них во рту остается металлический привкус, как будто монетка лежала на языке. Тонкие ломтики сырой рыбы с лимоном тают во рту, как масло, и абсолютно не имеют запаха. Раковины, обитателей которых вынули, выпотрошили, макнули в уксус и сунули обратно. Сушеные копченые моллюски, вымоченные в соленом соусе из морских водорослей и рыбной стружки. Лососевая икра, лопающаяся, как пузырьки, и пахнущая тухлой морской водой. Сырой кальмар, нарезанный полосками и ферментированный в собственных внутренностях, на вкус – как начинка карбюратора, по консистенции – как резина. Все это съедается под пристальным наблюдением хозяйки, которая не улыбается, пока я не доем последнюю крабовую клешню.

Выхожу из гостиницы как раз вовремя: по одной из крутых цементных лестниц спускается длинная процессия, состоящая из одних мужчин. Они, как и положено на ежегодных новогодних гуляниях, ходят от дома к дому, останавливаясь у дверей, и хором затяг, кивают: «*Ясёй, ясёй, хуэй*!» Жители домов вознаграждают их апельсинами, саке, сушеной рыбой и рисом. Закончив обход, они идут в дом главного заводилы и там напиваются в дым, видимо готовясь к купанию в ледяной воде.

Я пристраиваюсь в хвост, пою вместе со всеми и ем

апельсины.

«А когда вы планируете идти купаться?» – как бы между делом интересуюсь я.

Они дергают друг друга за рукава и совещаются.

«В семь», – говорит один.

«В шесть», – добавляет другой.

«В одиннадцать».

«В полночь».

Все улыбаются и идут к следующему дому.

В 10:30 бегу на пляж, захватив камеры. Узкая полоска песка огорожена цементным парапетом высотой с 4-этажный дом. Вниз ведет единственная лестница, вырубленная под довольно крутым углом. Воет ветер, на море высокие волны с острыми гребешками.

Отыскав площадку среди скал, закрываю глаза и подставляю ледяному ветру. После пребывания в течение двух месяцев в Осаке среди смога, людей, мигающих неоновых огней душа стремится к безлюдию и диким просторам, не тронутым цивилизацией. Я дышу океанским воздухом. Моллюски в животе чувствуют запах дома и начинают шевелиться.

В 10:45 кишечник начинает бунтовать. Слишком много свежей рыбы, которая просится наружу. Такое ощущение, что в животе у меня ожившие моллюски тащат за собой мешки с ежовой икрой, как новоявленные Санта-Клаусы, а устрицы в ужасе ищут раковины. Подумав о кальмаре, я тут же чувствую во рту привкус ферментированных чернил.

11:30. Стою на пляже в полном одиночестве. В деревне воцарилась зловещая тишина. На дорожке никого, музыки не слышно, не видно фонариков… Может, слухи об очищающем ритуале и есть всего лишь слухи?

12:00. Я очень разочарована. Как я готовилась к этому дню! Подумав, что сторонний наблюдатель с камерой мало кому понравится, я и сама хотела окунуться. Даже надела купальник, повязав сверху большое полотенце. Если я сейчас пойду домой и залезу под теплое одеяло, то поступлю, как настоящая трусиха.

Минуточку. Я же здесь. И океан – вот он, передо мной. Почему бы не окунуться?

Припрятав вещи у лестницы, снимаю утепленную куртку, жилет, фланелевую рубашку и теплое белье. На пляже все равно никого нет – так зачем мне купальник? Шагаю к воде по острым камням. Постепенно входить в ледяную воду – удовольствие не для слабонервных, поэтому я ныряю и делаю несколько быстрых гребков. Нос тут же замерзает, становится трудно дышать. Волны высокие и непредсказуемые. Меня охватывает восторг и ужас. Еще 10 футов, и можно поворачивать к берегу.

«Ясёй, ясёй, ясёй!»

Я резко оборачиваюсь. По лестнице движется вереница людей с фонариками. Деревенские накачались саке и набрались наконец храбрости окунуться в ледяную воду.

Ширина пляжа – не больше 10 футов. Моя одежда и камеры спрятаны за скалами над линией прилива, у подножия лестницы. Я в ловушке. Мне становится страшно. Что же делать? Решаю хотя бы подождать, пока они разденутся – тогда мы будем на равных.

Оказывается, это была не очень хорошая идея. Ведь мне гораздо сильнее хочется вылезти из воды, чем им в нее залезть. Они не спешат, устраивают на пляже своеобразный филиал раздевалки спортклуба, дерутся полотенцами, пускают по кругу бутылки согревающего саке и испуганно высматривают в черной воде притаившихся опасных тварей. Я тем временем уже не чувствую рук и ног. На ум приходит статья, которую я недавно читала: в национальном парке Глейшер во время заморозков у деревьев замерзли клетки, и они взорвались!

Наконец терпению моему приходит конец. Еще чуть-чуть – и им придется меня спасать.

«Добрый вечер, ребята»,- произношу я на почтительном японском.

Все замирают, как ослепленные фарами кролики, и начинают оглядывать черные воды с утроенным испугом.

«Кто это?» – наконец спрашивает самый отважный.

Почему-то на ум приходит только один ответ: «Скрытая камера». Но я не знаю, как будет «скрытая» по-японски, а словарь лежит на берегу, рядом с полотенцем. Ни один из диалогов из учебника в данной ситуации не подходит. Более того, я вообще-то приехала в Идзику – да и в Японию, собственно, – для того, чтобы снять документальный фильм. Настало время выбирать – камера или полотенце?

«Не могли бы вы передать полотенце?» – я усиленно делаю вид, что ничего такого не происходит. А ведь это моя первая режиссерская неудача.

Японцы хоть и теряются в нестандартных ситуациях, но чего у них не отнимешь, так это врожденного такта. Услышав мою просьбу, они наконец вышли из ступора и поняли, что надо делать. Мне тут же протягивают с десяток полотенец, держа их на манер плаща тореадора и скромно потупив глаза. Я кутаюсь в пушистое полотенце, которое ветер так и норовит сорвать, и бегу к куче своей одежды. Пока одеваюсь, безымянная рука протягивает мне бутылку саке и стаканчик.

И вот я снова в приличном виде. Мои новые друзья решают, что нет причин приостанавливать очищающий ритуал, и бросаются в воду. Я беру камеру, но руки не берутся снимать: надо же как-то отблагодарить их за деликатность.

И я прощаюсь. К несчастью, Идзика стоит на высоком утесе, и чтобы добраться до гостиницы, предстоит преодолеть 434 ступени. Карабкаясь по лестнице, чувствую, как мое тело коченеет, точно дохлая кошка на дороге после захода солнца.

Прежде чем принять ванну, в Японии принято соблюсти определенный ритуал. Одежду аккуратно складывают и оставляют в плетеной корзине в предбанничке. Затем хорошенько оттирают грязь под душем, который висит так низко, будто предназначен для карликов. Волосы нужно подколоть и обязательно вычистить грязь под ногтями. Я же лишь сбрасываю ботинки и камеры, прежде чем рухнуть в горячую воду. К счастью, время уже за полночь, и все давно легли спать.

ГЛАВА 22

Из Идзики мой путь лежит на южную оконечность полуострова Кии. Мне предстоит стать свидетелем *кангио* – зимнего ритуала очищения, проводимого группой строгих аскетов. Вдоль священной тропы, ведущей в Кумано, расположены 48 водопадов. Ритуал заключается в том, чтобы посетить их все, часами простаивая под студеными струями. Я ломаюсь на 17-м. Ноги немеют до такой степени, что я ударяюсь пальцами о подводные камни и даже не чувствую боли, пока не увижу собственные кровавые следы на снегу. Каждый раз заставляя себя встать под ледяной душ, я испытываю мгновенную пульсирующую боль, точно голову проткнули иглой. Самое обидное, что после всех этих мучений просветление так и не приходит. Зато приходит желание побыть в уюте и тепле.

Я возвращаюсь в Осаку, залезаю под 4 одеяла и смотрю в стену. Она ходит ходуном, как будто дышит, колышимая морозным ветром. который свистит в аллее, заворачивает за угол и ударяет прямо во входную дверь. Сжимая в руке чашку чуть теплого чая, мечтаю об Индонезии и Самоа. Там на рынке можно купить не только маринованные овощи, а лед существует только в составе коктейля.

Куда мне не хочется ехать, так это на знаменитое зимнее представление театра кабуки в Куромори, в 500 милях к северу. Морита-сан советовала снять спектакль для моего фильма К моему ужасу, Куромори находится близ Сакаты – это город в «задней части» Японии, где так холодно, что даже лебеди, прилетающие туда на зимовку, убивают друг друга, уничтожая численность и без того исчезающего вида. Осилю ли я еще неделю в ледяном краю?

Вообще-то, по теории, в Сакате должен быть мягкий, умеренный климат. Однако есть одна геологическая загвоздка. Зимой из Сибири приходят волны холодного сухого воздуха, проносящиеся над Японским морем и смешивающиеся с теплыми течениями, идущими к северу. Там в воздух попадает огромное количество влаги, которая затем оказывается над Японскими Альпами и выпадает в виде снега, высота которого иногда достигает 30 футов. Что же это должно быть за представление, чтобы высидеть его в такой холод? Тем более что пьесы кабуки идут по 7 часов.

Нет уж. Буду сидеть дома.

А потом Адам рассказывает историю, которая все меняет.

«Шесть лет назад я влюбился впервые в жизни. – Адам

уплетает скользкую лапшу удон, но на лице его задумчивая улыбка, и мысли где-то очень далеко. – Он был японцем, необыкновенно красивым и милым, умным, забавным, сексуальным, обаятельным, нескучным и настоящим мечтателем. Но увы, у него уже был парень – иностранец, который тогда уехал в отпуск в Австралию. Мой друг сказал, что больше не любит своего бойфренда и между ними практически все кончено. Пришел ко мне домой – тогда там еще не было столько хлама. Мы целую неделю не выходили из комнаты, заказывали еду на дом, днем спали, а по ночам подолгу гуляли в Хиракате. Это было ровно шесть лет назад, в эту самую неделю. Через несколько дней он признался, что в конце недели возвращается к своему парню, а наш роман для него не более чем увлечение. Мое сердце было разбито – я понимаю, что эти слова звучат банально, как строки из плохой книжки, но в ту минуту я чувствовал себя именно так. Оно именно разбилось, я почувствовал, как оно сжалось, а потом взорвалось тысячей осколков. Я даже вызвал такси и поехал в больницу, чтобы доктор проверил, все ли с ним в порядке. По дороге домой я плакал, а потом решил, что буду дорожить каждой минутой, которая нам осталась. Это была чудесная и ужасная неделя – ужасная потому, что мы знали: все это закончится.

В субботу (наш последний день) я должен был идти в театр кабуки с приятелем. Я в слезах проводил своего друга до станции, и мы попрощались, зная, что больше никогда не увидимся. Это был единственный раз, когда я по-настоящему любил, и я был на сто процентов уверен, что такого чувства мне больше никогда не суждено испытать. Мой друг прошел через турникет и сел в поезд. Через три минуты – самые долгие минуты в моей жизни – пришел мой приятель, который не знал о том, что я голубой, и мы пошли в театр. Я надел маску, как обычно, нацепил свою притворную улыбку, но в голове только и крутилась прошедшая неделя, сжигая мне душу. Вокруг все было как в тумане. Мне хотелось просто забыть обо всем, но как я мог забыть любовь всей своей жизни?

В театре у нас были отличные места – четвертый ряд, рядом со сценой. Я впервые смотрел пьесу *суперкабуки* – это более современный, адаптированный вариант традиционного представления. В пьесе рассказывалось о Кагуя Химэ, принцессе Луны. Она не знала, что такое любовь, и поэтому ее послали на Землю, где она влюбилась в прекрасного принца. В конце принцесса узнала, что ей придется покинуть любимого, вернуться на Луну и потерять все воспоминания о нем. Если же она останется, то и Земля, и ее любимый будут уничтожены.

Представь себе эту историю, рассказанную в представлении с великолепными костюмами и спецэффектами – люди, летающие над залом на веревках, краски, яркие, как в бреду. Я как будто попал на Солнце и смог увидеть Землю в совершенно другом измерении. – Он замолкает. – И за все четыре часа я ни разу не вспомнил о нем».

И я решаю ехать.

Прихожу домой собирать вещи и вижу, что в мое отсутствие Джерри закатил запоздалую новогоднюю вечеринку. Гостиная и кухня завалены объедками и стаканами с пролитым вином. Даже моя подушка провоняла застоявшимся сигаретным дымом. На доске для сообщений нацарапано: уехал на несколько дней. Я собираю вещи, открываю окна, чтобы объедки не сгнили, и покидаю этот бедлам.

16 часов в прокуренном автобусе, ночь в Сакате. С неба тихо падают сухие белые хлопья – значит, здесь не так уж холодно. 2 девочки лет по 15 терпеливо ждут, когда загорится зеленый свет. Голые белые ноги торчат из-под коротких школьных юбочек Отважные жители Сакаты выезжают на скользкий тротуар на велосипедах. Я поражена и немного напугана. Кажется, местные уже приобрели иммунитет к морозу.

Куромори оказывается поселочком на 400 семей. Единственная достопримечательность – завод по производству натто. Театр в такой маленькой деревне – непозволительная роскошь. Для представления каждый год переоборудуют местный синтоистский храм.

В 8 утра в храме уже полно людей, в основном тех, кому за 50. Женщины таскают доски для настила, выступающего прямо в зрительный зал. Они укутаны платками, на носу очки с толстыми стеклами, замерзшими от холода. Мужчины спорят, в каком порядке устанавливать стропила. Несколько человек усердно ворочают лопатами снег, пытаясь докопаться до твердой земли.

Кажется, они чересчур взволнованы предстоящим событием. Организатор же стоит с совершенно невозмутимым видом. Он единственный здесь в костюме и в галстуке.

«Скоро успокоятся»,- говорит он.

«Вы тоже будете играть?»

«Нет! – смеется он. – В пьесе принимают участие только те, кто родился в Куромори. А я здесь с 4 лет. Родился в 10 милях к югу».

Однако именно он выбирает пьесу и приглашает актеров. А ведь ролей почти 30. Так что дело это нелегкое, особенно в это время года и при таком морозе.

«Народ соглашается играть в спектакле только ради саке, которое разливают после репетиций», – смеется он.

Меня бы ему одной бутылкой горячительного завлечь не удалось. Ведь ради этого придется выучить несколько часов диалогов на почти непонятном языке. Однако сложнее всего

найти троих субтильных мальчиков-подростков, которые согласились бы играть роли прекрасных девушек со всем из этого вытекающим: толстым слоем грима, цветочными кимоно и розовыми бумажными зонтиками. В традиционном театре кабуки все роли играют только мужчины, хотя само это искусство возникло именно благодаря женщине.

В 1603 году синтоистская жрица по имени Идзумо-но-Окуни исполнила в Киото намеренно откровенный танец, доведя зрителей до дикого экстаза. Ее примеру последовали другие, добавляя к рискованному выступлению комические скетчи и эротические сцены. Самые предприимчивые актрисы пользовались возбуждением зрителей и по совместительству оказывали им интимные услуги. Это не понравилось сёгунату правителя Токугавы, и в 1629 году женщинам запретили принимать участие в кабуки. Все женские роли отдали мужчинам, которые достигли в изображении противоположного пола таких высот изящества и совершенства, что даже гейши начали просить у актеров совета в вопросах моды и этикета. Вскоре труппы кабуки стали выступать по всей стране, а в бедных деревнях, где развлечений было не так уж много, начали ставить собственные представления. Кое-где, как в Куромори, традиция прижилась и процветает по сей день.

Начало пьесы через 48 часов, и вся деревня при деле. В углу сидят 2 старушки, обложившись отрезами ткани, которые волочатся по полу, как широченные кринолины. Они отклоняются назад и вытягивают руки, продевая нить в иглу, прибирают ткань и делают 1 из 10 000 идеальных стежков.

Так как никто не хочет отращивать самурайский хвостик или выбривать кружок посреди макушки, в ход идет несколько коробок париков. 2 парикмахера работают с превеликим усердием, вытряхивая из облезлых шиньонов мышиный помет и втирая в искусственные волосы специальное масло. Женщины выстроились в линию и вытаскивают из чулана длинные бруски пенопласта. Пенопласт предназначается для зрителей: сидеть придется на снегу.

Вся стена увешана фотографиями. На одном из снимков изображена вся труппа, действие спектакля происходит как будто напротив заснеженного кладбища. Я присматриваюсь повнимательнее, и оказывается, что надгробия – это на самом деле зрители, съежившиеся, как эскимосские собаки в буран. Похоже, все настоящие самураи сидят в зрительном зале.

Вечером возвращаюсь в промозглую комнату гостиницы и читаю средневековые японские пьесы. Весь пол прожжен сигаретами, но я это едва замечаю. Японский Шекспир Тикамацу

переносит меня в параллельный мир, возникающий из ниоткуда на фоне голых стен и облупленной краски.

Героиня пьесы – храбрая Масаока, кормилица, пожертвовавшая жизнью собственного ребенка ради спасения Цурутиё, сына хозяина и повелителя. В первой сцене отец Цурутиё вынужден отойти от дел преждевременно – сказываются годы беспутной жизни. Титул принимает его юный сын. Такая ответственность ставит мальчика в очень опасное положение, и Масаока под предлогом болезни держит его на женской половине.

Масаока обучает своего сына пробовать еду маленького господина Цурутиё, которая может быть отравлена. Она готовит пищу, раскладывая рис в чашечки для чайной церемонии, чтобы мальчикам не доставалось слишком много и они всегда были немного голодны.

Злодеи к тому времени избавляются от всех членов семьи, кроме маленького Цурутиё. Они подсылают шпионку – жену высокопоставленного слуги – с отравленными пирожными. Сын Масаока набрасывается на еду первым, как его и учили, и съедает одно. Яд действует немедленно; мальчик падает на пол и корчится в муках. Злодейка достает нож и убивает его, чтобы скрыть свое отвратительное предательство. Даже глядя, как умирает ее сын, Масаока остается бесстрастной. Ее спокойствие вводит заговорщиков в заблуждение, и они начинают думать, что она поменяла мальчиков местами и им все-таки удалось умертвить Цурутиё. Они решают, что Масаока на их стороне, и вручают ей тайный свиток с именами всех преступников.

Оставшись в одиночестве, Масаока предается горестному плачу. Злодейка втайне наблюдает за ней. Она бросается на Масаока, но та без промедления наносит удар ножом.

В тот самый момент появляется огромная крыса и хватает свиток. В конце концов возникает мужчина со свитком в зубах и исчезает в небе.

Конец истории, признаться, недоработан, но он хотя бы не такой зловещий, как в «Двойном самоубийстве в Сонэдзаки». В этой пьесе речь идет об Охацу, куртизанке из знаменитого чайного домика в Киото. Она тайно влюблена в Токубэи, служащего из соседнего магазина. Токубэи не выходит на работу уже несколько недель. Охацу переживает, но не подает виду.

Наконец Токубэи появляется с плохими вестями. Его дядя так доволен его работой, что договорился о женитьбе юноши на молодой наследнице. Токубэи хочет отказаться от предложения, но его жадная мачеха уже приняла богатое приданое от родителей невесты.

Токубэи с трудом уговаривает мачеху вернуть приданое. По

дороге домой он встречает старого друга, который сильно нуждается в деньгах Токубэи соглашается дать ему взаймы при условии, что долг будет выплачен через 3 дня. Друг берет деньги и исчезает. В конце концов дяде юноши приходится выплачивать приданое, а Токубэи приказывают уехать из Киото и никогда не возвращаться.

В этот момент появляется непутевый друг и отрицает, что Токубэи когда-либо давал ему взаймы. Он говорит, что расписка якобы подделана. Отчаявшийся Токубэи нападает на него, и начинается драка.

Позднее предатель приходит в чайный домик Охацу и пытается выкупить ее теми же деньгами, которые украл у ее возлюбленного.

Под покровом ночи Охацу выходит из комнаты, одетая с ног до головы в белое и сжимающая в пальцах острую бритву. У входа в чайный домик она встречает Токубэи, и они уходят, чтобы вместе покончить с собой. После их побега дядя юноши узнает правду о том, что произошло. Но Токубэи и Охацу не подозревают о том, что их репутация оправдана и уходят в свое последнее путешествие в лес Сонэдзаки. Там Токубэи закалывает Охацу, после чего убивает себя.

Сюжеты пьес могут показаться абсурдными, но в XVIII веке представления кабуки были сродни сегодняшним выпускам новостей. Прослышав о свежем местном скандале, драматурги меняли имена и даты, и через несколько дней пьеса была готова. Как и Шекспир, Тикамацу писал о проблемах простых людей, приукрашенных для эффекта парой отрубленных голов, потерянными мечами, проданными в публичный дом женами, реками саке и крови. В основном персонажи разрывались между мучительными требованиями долга и обязательствами, с одной стороны, и эмоциями и личными стремлениями, с другой стороны. Положительные герои необязательно должны были обладать высокими моральными качествами, на первом плане всегда стояла верность господину. Редко кто доживал до последней сцены, подпорченную репутацию по большей части удавалось восстановить лишь посмертно. Особенно доставалось женщинам (точнее, мужчинам, игравшим женские роли): то жене приходилось продать себя в публичный дом, чтобы оплатить долги мужа или спонсировать его очередную вендетту; то любимая подруга соглашалась выйти за отвратительного старика, чтобы ее возлюбленный смог вернуть меч, хранившийся в его семье поколениями. Способными на такие геройства женщин делали беспрекословное подчинение конфуцианским законам и полная зависимость от мужчин.

В 3 часа ночи моральные ценности феодальной эпохи уже становятся для меня само собой разумеющимися. Конечно, Масаока должна была пожертвовать жизнью сына. Это был единственно правильный выход. Завтра я приду в себя, но сегодня все кажется абсолютно логичным.

День премьеры. Храм набит битком. Такое впечатление, что костюмы и парики примеряет половина деревни. Может, кроме меня, зрителей и не будет?

Дети в подсобке: им гримируют личики, руки и ноги. Мамы крепко завязывают банты у чад на талии, покрывают руки и ноги толстым слоем розовой краски, красят угольно-черным губы и глаза.

Старушка, все эти дни шившая костюмы, наконец уснула, прислонившись к стене. Голова склонилась на грудь, руки спокойно лежат на коленях. Между указательным и средним пальцами по-прежнему зажата игла.

На втором этаже курит один из главных актеров. Его голова обтянута резиновой шапочкой, лицо покрыто бело-голубой краской. В Куромори он выступает уже 20 лет. Начинал подростком и не хотел играть, как все, но с тех пор прошел долгий путь.

Он вынимает сигарету изо рта.

«Когда-нибудь я стану великим актером, как Дансиро!»

Его глаза сверкают, точно он на секунду переносится из маленькой заснеженной деревни на огромную сцену кабукидза в центральном Токио.

«По профессии я торговец. Где еще мне доведется разыгрывать произведения искусства на настоящей сцене, перед живыми зрителями?»

Он прав. В большинстве японских театров кабуки актеры проходят долгое и строгое обучение. По правде говоря, оно такое долгое, что начинать нужно в детстве, прежде чем ребенок научится ходить. Знаменитые династии актеров кабуки насчитывают по 17 поколений. Семейные секреты актерского мастерства передаются от отца к сыну – совсем как у мастеров самурайских мечей или у ремесленников-гончаров.

Актер, играющий главную детскую роль, – сын нашего торговца. Может, и у него в семье зародилась актерская династия?

«Ничего подобного. – Он смущенно отводит глаза. – Я всего лишь торговец». Но украдкой все же смотрит на сына, который одевается, выучивая последний диалог. Гордая родительская улыбка озаряет его лицо.

Я спешу на улицу, чтобы занять хорошее место на пенопластовой подстилке. Зал постепенно наполняется людьми. Зрители или в возрасте, или, наоборот, совсем дети. Они снимают обувь, выставляют на снег бутылки саке и термосы с зеленым чаем и готовятся провести долгий день на морозе.

Я вспоминаю предостережения Адама: «Запомни самое главное; не смейся над преувеличенными жестами, дурацкими костюмами, вульгарным гримом и гипертрофированно писклявыми голосами. Не переживай, что не понимаешь ни слова из диалогов, – их никто не понимает. В кабуки сюжет развивается медленно и не всегда имеет смысл. Выучи его заранее, хотя обычно актеры играют только свои любимые сцены. Оденься потеплее».

Адам смотрит мне в глаза: внимательно ли я слушаю? «Мой любимый момент в кабуки – это когда актер принимает гипертрофированно выразительную позу, косит глаза и стоит так несколько секунд».

Раздвигается занавес.

Девушка отвергает поклонника, тот впадает в ярость и убивает ее. Молодой герой Ясуносукэ клянется отомстить. Он убивает злодея и бежит из города. Конец первого акта. Он длился 3 часа.

Пальцы прилипли к камере. Отдираю их вместе с кожей. Ладони окоченели и побелели. Пьеса продолжается. Я сверяюсь блокнотом: похоже, актеры решили пропустить второй акт.

Содержание третьего акта: наш герой Ясуносукэ вырос и стал алкоголиком. До него доходит слух, что друг попал в беду. Он спешит на выручку («спешит» – в стиле кабуки), но приезжает слишком поздно. В приступе ярости, напоминающем эффектно поставленный танец, Ясуносукэ убивает 19 злодеев. Конец спектакля.

Начиная с полудня идет снег.

Завтра настил уберут, а пронумерованные доски отправятся обратно в чулан. Потные парики погрузят в деревянные коробки вместе с промасленными расческами. Пенопластовые подстилки переберутся на чердак, а деревянные мечи – все разом в большую бочку.

Но в эти 2 дня вся жизнь в Куромори сосредоточена вокруг храма. Жителей притягивает сюда, точно гигантским магнитом. Маленькая деревня становится не просто скоплением домов с заводом по обработке соевых бобов посередине. Ее жителям выпадает возможность сбросить груз повседневных правил и обычаев, надеть самурайский парик, повесить на пояс

сверкающий меч и пройтись туда-сюда по сцене. Они ненадолго становятся звездами – как Рэндзан, барабанщик тайко. И для этого не надо годами усердно учиться. В эти дни жители Куромори могут размахивать руками и принимать эффектные позы, им под силу умертвить 19 злодеев всего за 2 минуты. Серость и предсказуемость настоящего сменяется драматическим прошлым, эпохой самурайских мечей и чести, самопожертвования и героических поступков. Ради этого стоит поучить диалоги и пару дней постоять на морозе.

И возможно, тот маленький мальчик когда-нибудь захочет стать актером кабуки, как папа.

ГЛАВА 23

В Японии есть одна традиционная община, в которую я пытаюсь проникнуть уже очень давно. Речь идет о *гейшах*. Они так оберегают свои секреты, что даже Гэндзи не смог достать мне приглашение в чайный домик, хотя специально ездил ради этого в Киото.

Назад он вернулся под впечатлением «Хозяйка чайного домика задавала много вопросов и каким-то образом смогла выведать из меня кучу сведений, а сама толком ничего и не рассказала, – он смущенно качает головой. – Я сообразил, что произошло, только после окончания встречи!»

Хозяйка оказалась сильной и уверенной в себе женщиной, привыкшей к общению с высокопоставленными и успешными японскими бизнесменами. Она была вежлива, но не подобострастной. Хотелось бы мне с ней встретиться.

«А как бы вы отреагировали, если бы Дзюнко решила стать гейшей?» – спрашиваю я Гэндзи.

Классические танцы гейш и игра на *сямисэне** высоко ценятся в японском обществе. Любая воспитанная девушка могла бы гордиться такими умениями, когда придет время выходить замуж.

---

* Японская лютня. Гейш обычно обучают различным видам искусств: на музыкальном инструменте (как правило, на сямисэне), традиционным видам пения и танца, ведению чайной церемонии и составлению цветочных композиций *икебане*, поэзии и каллиграфии, живописи, то есть тем видам искусства, которые позволят им в дальнейшем развлекать своих клиентов.

«Ни в коем случае!» – отвечает Гэндзи с несвойственной резкостью. Когда я спрашиваю «почему», он не находит ответа.

И вправду, большинство родителей считают, что быть гейшей – просто замечательно, если речь идет не об их дочерях. Отчасти это объясняется тем, что по традиции гейши не выходят замуж. Трудно принять такое значительное решение в отношении 20-летней девушки. Ведь оно лишит ее главного предназначения японской женщины – роли жены, а в один прекрасный день – и матери.

Но есть еще кое-что. Гейша обладает теми женскими качествами, которые для обычной женщины могут быть, мягко говоря, нежелательными. Жене запрещено общаться с коллегами мужа, да и в любом случае у них не нашлось бы общих тем. Гейша же в совершенстве владеет искусством вести остроумный диалог с

мужчинами. Жена должна быть скромной, гейша же ведет себя раскованно. Жена занята домом и детьми; гейша независима и ни перед кем не отчитывается. По существу, правила современного японского общества на гейш не распространяются: они не должны готовить еду и убирать дом и могут растить детей как матери-одиночки, не подвергаясь при этом общественному порицанию.

Община гейш – одна из немногих в Японии, где женщины не являются слабым полом. У гейш есть клиенты, а иногда даже и возлюбленные, но в глубине души они в мужчинах не нуждаются. Это чисто женская община, самая влиятельная в Японии. Если говорить начистоту, мужчины гейш очень боятся. Я, собственно, поэтому ими так и заинтересовалась.

Мою гейшу зовут Кубаи-сан. Ей 63 года. Живет она в часе езды от Осаки, недалеко от города Кобе. У нее двойной подбородок и дружелюбное, приветливое лицо. Признаться, она больше похожа на соседскую бабулю, чем на девушку из «мира цветов и ив». В супермаркете я бы не обратила на нее внимания.

Спотыкаясь, называю свое имя и кланяюсь как можно ниже. Я ужасно боюсь сделать что-то не так что, если она обидится и исчезнет, взмахнув рукавами кимоно и оставив после себя облако духов? Но Кубаи-сан оказывается милой и ничуть не высокомерной. Я сразу же проникаюсь к ней симпатией.

«Жизнь гейши – хорошая жизнь, – рассказывает она. – У гейш много свободного времени, они знакомятся с людьми со всей Японии. Даже если мне придется развлекать премьер-министра, я буду говорить с ним, как с любым другим клиентом».

Но у гейш непостоянный график, и эта работа не дает никаких гарантий и социальных льгот. В Киото гейши получают щедрые субсидии от правительства, но если гейша живет в другом городе, свести концы с концами ей бывает непросто.

«Гейши много зарабатывают, но и расходов тоже немало».

У Кубаи-сан, например, есть коллекция из 70 кимоно, самое дорогое из которых стоит 15000 долларов.

«Для кимоно нужна специальная чистка – *арайхаи*, а это очень дорогостоящий процесс».

В маленькой квартире все кимоно не помещаются, и приходится арендовать склад с противопожарным оборудованием и студию, в которой Кубаи-сан каждый вечер одевается.

Хотя она сидит с прямой спиной, вид у нее совершенно безмятежный. В ней есть какая-то монашеская умиротворенность: она не размахивает руками, не хихикает и не теребит волосы. Я вдруг понимаю, как давно уже не слышала, чтобы женщина говорила о своих пенсионных планах. Благодаря Кубаи-сан я впервые со дня приезда в Японию чувствую себя в своей тарелке.

«Мои родители – японцы, а вот выросла я в Китае. Сюда приехала, когда мне было четырнадцать, – рассказывает она. Я делаю мысленные подсчеты. Должно быть, это случилось после войны, в эпоху великих трудностей и голода. О последующих годах она ничего не упоминает. «В двадцать четыре я вышла замуж, но спустя год муж умер от болезни. После этого работа гейши поглотила все время. Другого мужа искать было некогда».

«А вы бы вышли замуж сейчас?»

Она раздумывает над моим вопросом. «Я бы согласилась встречаться с мужчиной. Но выйти замуж – нет».

Детей у нее нет. «Я стала гейшей потому, что любила петь и танцевать, даже в детстве, в три-четыре года». Уже тогда она поняла, что ей не суждено стать красавицей, но это лишь стимулировало ее усерднее заниматься на сямисэне.

«Красивые гейши легко завлекают клиентов, – говорит Кубаи-сан. – Но лишь мастерство способно обеспечить преданность клиента на долгие годы. Само слово „гейша", – продолжает она, – означает „человек искусства". Настоящая же гейша стремится стать ходячим произведением искусства. То, как она ходит, сидит, разговаривает, – все это нужно полировать до блеска. Гейши создают вымышленный мир, мир фантазий. Она – само воплощение ики».

Кубаи-сан внимательно смотрит на меня: она хочет убедиться, что я ее понимаю.

Ики. Это слово не имеет ничего общего с бессловесной скромностью домохозяйки и инфантильным кривлянием девочки-подростка. Ики означает опыт, но не пресыщенность, невинность, но не наивность, врожденную элегантность, но не приобретенные или притворно-вежливые манеры. Ики – это в некоторой степени и сексуальность, которая, однако, никогда не выставляется напоказ. Быть ики – значит быть раскованной и оригинальной. Таким женщинам свойственны искренние чувства, однако они никогда не впадают в крайности, не становятся излишне сентиментальными от влюбленности или, напротив, циничными, вкусив горького опыта разочарований. Гейша оберегает своих клиентов, ей можно доверить любой секрет.

На стене висит картина – маленькая ножка гейши в белоснежном носочке и сандалии ступает в снег. Этот сюжет изящен и несет в себе скрытый эротический подтекст, но в то же время полон непоколебимой силы и тихой самодисциплины. Женщины, у которых есть ики, пережили трудности, но никогда не станут упоминать об этом. Ики – это сочетание силы и утонченности, самостоятельности и нежности. Молодые девушки не могут быть ики. Это приходит лишь в зрелом возрасте и дается

немногим – даже немногим гейшам.

На обратном пути спрашиваю у своего гида, студентки колледжа, стала бы она гейшей? Девушка решительно качает головой: «Гейшами становятся только те женщины, у которых проблемы с семьей или мужем».

Сама она учится на третьем курсе, учит английский, но профессию пока не выбрала. Приятеля у нее никогда не было, но она очень хочет замуж Она мало что понимает, но постоянно кивает головой.

«Что ты думаешь о Кубаи-сан и ее профессии?»

Девушка пожимает плечами. «Этим женщинам нет места в современной Японии». Она никак не может вспомнить слово, но наконец припоминает: «Гейша – это анахронизм».

Спустя 3 недели меня приглашают на вечер с гейшами и клиентами в старом Киото. Мне даже предлагают взять напрокат кимоно со всеми аксессуарами. Я не верю своей удаче. Гейши Киото обслуживают весьма привилегированных клиентов. Сегодня лишь немногие желают провести несколько часов в загадочном «мире ив и цветов», как и выложить 5000-10000 долларов за вечер.

Но если вы решили нанять гейшу, недостаточно просто прийти к ней с пачкой наличных – требуется персональная рекомендация одной из хозяек престижных чайных домов. Причем, потратив столько денег и усилий, клиент не может рассчитывать на интим (что бы ни думали некоторые иностранцы) и даже на приличный ужин. Гейши – не официантки, и уж точно не проститутки. Пожалуй, их можно назвать самыми эксклюзивными спутницами в мире. А для директоров японских компаний они являются еще и статусным символом.

На поиски чайного дома уходит почти час: такие заведения не занимаются саморекламой. У подножия лестницы рядком выстроились традиционные сандалии гёта. В стенах тихих коридоров с равными интервалами расположены альковы с бесценным фарфором и мини-садами. Нигде ни пылинки.

В боковой комнате гейша и майко – 2 ученицы – поджидают вечерних гостей. Я называю свое имя и стараюсь вести себя как можно незаметнее. Наконец приходят 2 клиента. Тучных бизнесменов проводят в традиционную комнату с устланным татами полом.

Вечер пролетает незаметно. Гейши и майко шутят и поддерживают остроумный разговор, майко танцуют и поют нежными голосами. Саке льется рекой, и смех не замолкает. Гейша как старшая полностью контролирует ситуацию, хотя, глядя, как она держится с мужчинами, этого не скажешь. Радом с

ней они чувствуют себя хозяевами вселенной. Она потакает им, как мать своим 5-летним сыновьям, но ни разу не позволяет перейти границы. Они сами не замечают, что реагируют на нее, точно надрессированные колли. С робким младшим сотрудником она нежна и разговорчива, со старшим – дружелюбна и даже фамильярна, а с двумя бизнесменами, которые пытаются острить, ненавязчиво шутлива. Обеим майко пока далеко до ее красноречия; они играют роль юных, невинно-кокетливых девушек Когда в разговоре наступает пауза, гейша сразу же предлагает сыграть в веселую игру. Смысл ее заключается в том, чтобы взять палочками скользкий камень. Она подает сигнал одной из майко, и та позволяет стеснительному бизнесмену выиграть. Совершенно ясно, что мужчинам хоть и льстит внимание сексуальных юных учениц больше всего они хотят произвести впечатление на гейшу.

Когда вечер подходит к концу, гейша и обе майко садятся на колени у выхода и с выражением глубочайшего сожаления просят у клиентов позволения уйти. Они оставляют клиентов в блаженном подпитии, в кошельках которых заметно помельчало, но взамен каждый из них смог почувствовать себя суперменом.

Женщины скользят по длинному коридору, тихонько перешептываясь, и оказываются в комнате с баром и стереосистемой в углу. Я иду за ними, чтобы сказать «спасибо» и пожелать спокойной ночи, но они приглашают меня войти. Одна из майко достает бутылку виски, гейша зажигает сигарету. Вскоре к нам присоединяется хозяйка чайного домика и вторая гейша, которая только что закончила развлекать двоих клиентов. Она резким движением снимает парик, бросает его на барную стойку и с явным облегчением встряхивает волосами. Старшие гейши садятся в обычные кресла, болтают, смеются и выпускают колечки дыма, обсуждая сегодняшних клиентов. Оказывается, один из бизнесменов был очень похож на своего любимого борца сумо. Гейши ведут разговор с непринужденностью, которая приходит с годами дружбы, с годами жизни, которую другие просто не могут вести, потому и не понимают.

Поплутав по переулочкам старого Киото, я наконец нахожу нужное место: салон красоты для майко. Здесь любую туристку готовы превратить в красавицу из «мира ив и цветов», правда, за совершенно безбожную сумму.

Я снимаю одежду, в которой пришла, забираюсь в кресло, подозрительно похожее на стоматологическое, и закрываю глаза. Мастер растирает мое лицо детским маслом, а затем намазывает его слоем белой краски – от линии роста волос до самой груди.

По ощущениям похоже на очищающую маску с каолином. Теперь мешков под глазами совсем не видно. Я приоткрываю глаз и украдкой смотрю в зеркало: в лице ни кровинки, точно на меня только что напал голодный вампир.

«Не дергайтесь», – говорит мастер и добавляет к белому каплю вишнево-розового. Так намного лучше: из трупа я превращаюсь в фарфорового херувимчика. Моя гримерша обводит оба глаза густой черной тушью, а на внешние утолки капает чуть-чуть вишнево-красного. Добравшись до бровей, она хмурится и закусывает губу. Еще немного белого – и брови исчезают. Она рисует их заново, черным и красным.

Лежа с зажмуренными глазами, думаю о том, что раньше гейшам приходилось намного труднее. В эпоху Эдо они полностью сбривали брови и рисовали их намного выше, чем у обычных людей, прямо посередине лба. Волосы отращивали как можно длиннее – девочка считалась особенно красивой, если локоны волочились за ней, подобно свадебной вуали. Кожу отбеливали соловьиным пометом и специальной пудрой под названием *осирой*. Пудра содержала свинец, потому гейша и ее ребенок, если она кормила грудью, получали свинцовое отравление.

«Не улыбайтесь», – приказывает гримерша.

Никакая отбеливающая паста не сделает мои зубы такими же белыми, как моя новая искусственная кожа. В прежние времена это не имело значения: тогда в моде были черные зубы. Гейши опускали ржавую железку в чан с уксусом на несколько дней. Зубную щетку макали сперва в образовавшуюся коричневую жидкость, затем в толченый дубильный орех, и этой смесью натирали зубы.

«Не облизывайте губы».

Мастер аккуратно обводит губы, делая их вполовину меньше. Я выгляжу так, словно съела лимонную корку.

Теперь пора делать прическу. Настоящим майко приходится по 3 часа просиживать у парикмахера. Чтобы прическа не теряла форму, спят на маленьких, похожих на кирпич, подушечках. Я выбрала прическу с шиньоном. Мои волосы расчесывают и красят в черный цвет, затем втирают белый воск и начинают выкручивать, тянуть и заворачивать пряди, придавая им вид трубочек и волн. Кожу вокруг лица намазывают клеем и прикрепляют шиньон, который по ощущениям напоминает очень тяжелый мотоциклетный шлем. Кожа на лбу и вокруг глаз натягивается, и я становлюсь похожа на молодящуюся клиентку пластического хирурга, сделавшую слишком много подтяжек. Шея затекает, и я наклоняюсь вперед «Сидите прямо».

Шиньон сидит на алюминиевом каркасе. Проволока уже натерла кожу, а ведь я только-только его надела

Гримерша покрывает клей слоем краски и проводит меня в комнату, от стены до стены заставленную вешалками с кимоно. Майко должна быть яркой, живой, излучать кокетство и невинность. Я изображаю игривую непорочность.

«Не корчитесь», – фыркает мастер.

Меня наряжают в роскошное фиолетовое кимоно. Все это время я стою с распростертыми руками, как огородное пугало. Рукава доходят до щиколоток, пояс начиняется под грудью и заканчивается чуть выше бедер.

«Сделайте выдох».

Моя мучительница туго затягивает пояс. «Еще».

Больше я выдохнуть не могу.

Она тыкает мне под ребра, я взвизгиваю от боли, и завязки поддаются еще на дюйм. Чувствую себя как лошадь под тяжестью сбруи. Смотрю в зеркало и вижу незнакомое лицо. У меня огромная прическа, украшенная заколками и цветами, как будто на новогоднюю елку навешали слишком много игрушек. Фигура запеленута, как у готовой к погребению мумии. Мне хотелось почувствовать себя ики, но вместо этого я стала похожа на огромный рождественский подарок.

Меня выталкивают из двери, желают приятной прогулки по Гиону*. В моем распоряжении 45 минут. Я еле волочу ноги в тяжелых деревянных башмаках. Пояс оби сдавливает внутренности, веточка искусственной глицинии бьет по носу. Щеки зудят, а почесаться нельзя: испорчу грим. Шиньон уже натер голову в трех местах. Решаю попить из фонтанчика в синтоистском храме на углу, но понятия не имею, как наклониться.

_____

* Квартал гейш в Киото.

_____

Останавливаюсь на минуту, чтобы собраться с мыслями.

«Ты должна думать, как гейша».

Выпрямляю спину, и пояс немного ослабевает, я даже спокойно дышу «Голову держи ровно».

Перестаю трясти головой» и блестящие заколки тут же прекращают звенеть, как сани Санта-Клауса.

«¦Руки держи высоко».

Поднимаю руки и больше уже не наступаю на рукава.

«Скользи».

Я начинаю двигаться маленькими шажками, еле отрывая ноги от земли, и тело перестает дергаться, как барахлящий

автомобиль.

Мне навстречу идет группа японцев. Они смотрят на мой костюм и начинают тихонько переговариваться. Увидев мой европейский нос, они заметно возбуждаются. Но я ничуть не смущена. Тяжелый костюм стал для меня своеобразной броней – их смех и любопытные взгляды на меня не действуют. Я словно превратилась в другого человека.

Прогулявшись по кварталу, возвращаюсь в салон. Рукава кимоно целы, а от шиньона страшно разболелась голова. Не могу сказать, какое ощущение лучше – когда с тебя снимают парик или кимоно. Последний раз взглянув на незнакомое лицо, я умываюсь над раковиной. Этот опыт заставил меня проникнуться огромным уважением к гейшам и жертвам, на которые им приходится идти. Гейша ни на минуту не может забыть, кто она такая и символом чего является.

Через неделю мы с Кубаи-сан встречаемся за чашкой кофе. Я смущенно рассказываю о своем визите в майко-салон. Кубаи-сан смеется, а потом начинает расспросы: «Какого цвета было кимоно, какие заколки они использовали?»

«*Кимоно*, – объясняет она, – очень отличается от западной одежды. На Западе люди всегда хотят выделяться, носить только самые модные вещи. Кимоно же должно гармонировать с окружающей обстановкой. Его цвет зависит от времени дня времени года, занятия женщины, от ее возраста и социального статуса; есть также повседневные и праздничные. Фиолетовый тебе совершенно не подходит», – сокрушенно подытоживает Кубаи-сан.

Я вешаю голову.

«Не переживай», – говорит она и сочувственно похлопала меня по руке. А потом вдруг приглашает меня к себе домой

У нее очень маленькая квартира на третьем этаже большого многоквартирного дома, прямо напротив лифта. Кухня, гостиная, кабинет устроены в одной комнате, а сбоку приютилась маленькая спальня. Заставлен каждый угол. У Кубаи-сан есть 3 телефона и факс, но ни одной фотографии с семьей и друзьями. В маленьком алькове на первом этаже 2-этажной кровати стоит новенький компьютер, но она пока не научилась им пользоваться.

«А кто там спит?»

«Никто. Раньше мама спала, но потом умерла».

Кубаи-сан редко готовит еду. Ей это просто ни к чему, да и кухня совсем крошечная. Ест она готовую еду из супермаркета на углу.

Кажется, Кубаи-сан очень одинока. Но у гейш очень

сплоченная община, они как сестры. У каждой майко есть «мама» и «старшая сестра», которые учат ее завязывать кимоно, знакомят с клиентами чайного домика и постепенно обучают ремеслу. Эта связь на всю жизнь. Между младшей и старшей «сестрами» даже устраивают нечто вроде свадебной церемонии.

«А я никогда не была майко», – говорит Кубаи.

Что же случилось почти 50 лет назад, в 1952 году? Почему она уехала из Китая и что за мир обнаружила, оказавшись в Японии. Как стала гейшей в совсем детском возрасте, если рядом не было никого из близких? Я не осмеливаюсь спросить. Это было бы не ики. По крайней мере, это я усвоила.

ГЛАВА 24

Резкий неприятный скрип прерывает мой сладкий сон. Неужели Джерри снова готовит попкорн? Натягиваю подушку на голову, но звук не умолкает. Скрежет металла о металл выдергивает меня из мира приятных снов. Я снова оказываюсь в реальном мире, где темно и холодно, как в аду, и тут же вспоминаю, что нахожусь в монастыре. Оказывается, уже 4:30 утра – значит, пора вставать и читать мантры. За бумажной дверью уже слышится шорох десятка ног, облаченных в сандалии и шаркающих по начищенному деревянному полу.

Мы приветствуем друг друга молчаливым кивком и проходим в большой зал, увешанный тусклыми оранжевыми фонарями и буддистскими мандалами*. Под шорох одежд и хруст суставов монахи опускаются на колени. Из рукавов появляются книжечки с сутрами. Морозным воздухом больно дышать.

_____

* Мандала (на санскрите – круг) в широком смысле является схемой, планом или геометрическим рисунком, символически изображающим вселенную. Мандалы используют при медитации как объект для сосредоточения внимания.

_____

Комната наполняется глубоким резонирующим звуком, обладающим такой полнотой и мощью, что кажется, его просто не могут издавать всего 15 голосов. Они поднимаются и падают, накатывают и убывают, кружат по комнате, точно дым благовоний над центральным алтарем.

Коясан считается штаб-квартирой сингонской ветви буддизма*. 120 храмов расположены в уединенной долине, которую окружают 8 горных пиков, символизирующих лепестки лотоса. Храмовый комплекс был построен буддистским святым Кобо Даиси -пожалуй, самым известным персонажем японской истории. Святой и ученый, Кобо изобрел японский алфавит *кана*, был незаурядным каллиграфом, инженером, литературным гением, художником, педагогом и общественным деятелем. Но в молодости родители считали его сплошным разочарованием.

_____

* Сингонская (или эзотерическая) ветвь – основная школа японского буддизма и одна из 2 ветвей ваджраяны (алмазной колесницы), которая в свою очередь считается одной из 3 ветвей буддизма наряду с махаяной (великой колесницей) и хинаяной (малой колесницей).Основные концепции ваджраяны – общебуддийские, однако в ней сделан больший упор на

возможность достижения состояния Будды в течение одной жизни.

Кобо Даиси родился в 774 году на острове Сикоку. Уже в детстве у него были прекрасные задатки. По задумке родителей, он должен был хорошо учиться и впоследствии зарекомендовать себя при дворе императора. Но у Кобо, даже в детстве отличавшегося большой самостоятельностью, были совсем другие планы. Если верить легенде, в 7 лет он взобрался на гору недалеко от своего дома. Оказавшись на вершине, он сказал: «Если моя жизнь действительно представляет ценность, я не погибну», – и бросился вниз. Появился ангел и подхватил Кобо на свои крылья. В этот момент мальчик пообещал посвятить жизнь служению Будде и спасению человечества. Затем он пошел домой и, будучи умным мальчиком, решил ничего не рассказывать родителям.

Кобо закончил школу и, следуя воле родителей, поступил в Национальный университет Нара. Позднее он писал, что эти годы для него были полны боли и страданий. К карьере придворного чиновника у него не лежала душа, он чувствовал огромную пустоту в своей жизни. Как-то раз Кобо встретил монаха, который поведал ему, что, если миллион раз произнести одну и ту же мантру, можно обрести такую память, что раз запомнив, уже ничто никогда не забудешь Кобо собрал книги, бросил университет и стал практикующим аскетом. Родители были в ужасе.

Семь лет Кобо странствовал по острову Сикоку, изучая священные тексты и перебиваясь милостыней. Родители уговаривали его вернуться, но в конце концов опустили руки и стали говорить, что их сын умер. А в 804 году Кобо стал одним из послушников, которым предстояло совершить путешествие в Китай. Корабль чуть не разбился в бушующем море и причалил в маленьком порту, находившемся в тысяче километрах к югу от пункта назначения. Китайский губернатор подумал, что на борту пираты, и запретил монахам покидать судно. Капитан корабля в растерянности попросил Кобо написать губернатору письмо. Во время своих странствий Кобо научился писать и говорить по-китайски и приобрел глубокие познания в литературе и культуре Китая. Его письмо было вежливым и убедительным, каллиграфия безупречной. Губернатор разрешил монахам продолжать путь.

Через полгода после отплытия из Японии корабль наконец прибыл в столицу Китая. Через полгода седьмой патриарх эзотерического буддизма предоставил Кобо аудиенцию. Когда юношу впустили во дворец, гуру обрадовано произнес: «Я знал,

что ты придешь. Я ждал очень долго». Кобо понадобилось всего 3 месяца, чтобы обучиться всему необходимому и самому стать буддистским монахом. Он сел на следующий же корабль, направлявшийся в Японию, и вышел на южном острове Кюсю, где и провел несколько лет в ожидании разрешения вернуться в Киото. Наконец старый император умер, на трон взошел его наследник, и судьба Кобо резко изменилась. Ему выделили землю вокруг горы Коя, где надлежало построить монастырь – центр новой ветви буддизма, которая получила название сингонской. Через 30 лет, в 62 года, Кобо вошел в состояние вечной медитации. Он обещал вернуться через 5670000 лет. Пока же он наблюдает за нами с небес.

В тусклом свете свечей монахи листают книгу сутр. Изо рта валит пар, смешиваясь с запахом благовоний. Со времен Кобо Даиси здесь мало что изменилось.

Коясан на острове Сикоку – это не просто учебный центр для сингонских буддистских монахов. Здесь начинается знаменитое паломничество японских буддистов по 88 священным храмам, образующим кольцо протяженностью 700 миль. Тропа проходит по следам молодого Кобо Даиси: именно в этих краях он странствовал в поисках просветления. Большинство паломников заходят в Коясан лишь для того, чтобы посетить могилу Кобо. Я же попросила разрешения пожить в храме в качестве послушницы и изучить основы буддийского учения, прежде чем отправиться в долгое и трудное путешествие.

700 миль ходячей медитации, созерцания каждого шага. Это в равной мере красота и аскетизм. Говорят, что если искренне придерживаться дисциплины, разум и сердце рано или поздно последуют за шагами.

Через 2 месяца я вернусь домой в Штаты. За все эти месяцы я ни на шаг не приблизилась к тому неуловимому чувству внутреннего спокойствия, которое было моей целью. Это паломничество-моя последняя надежда. За 8 недель я должна найти ва – иначе прилечу домой с пустыми руками.

Для тех, кто жаждет строгой дисциплины, Коясан – лучшее место начала обучения. Жизнь в монастыре предельно проста и аскетична. Здешний распорядок призван избавить монахов от желания вкусить мирские развлечения, от привязанности к материальному миру. Еда только вегетарианская – на завтрак простой мисо-суп и большая плошка риса. По кругу передают тарелочку с маринованными овощами, но никто не берет больше одного ломтика. Монахи доедают каждую рисинку и наливают зеленый чай в освободившиеся плошки. Овощи используют для

того, чтобы подобрать остатки еды, а потом съедают и допивают чай. Прибрав за собой, принято читать благодарственную сутру. Потом все расходятся по своим делам. Младшие послушники собирают посуду и бегут на кухню ее мыть.

Я предлагаю помочь по хозяйству, и меня тут же записывают в уборщики. Мы отчищаем каждый сантиметр сверкающего пола. Вода замерзает в тазах, пальцы немеют от холода. Закончив работу, послушники спешат на занятия – беспрерывные собрания и изучение сутр не прекращаются до глубокой ночи. Меня же зовет настоятель, приветливо улыбаясь и махая рукой.

Его зовут Коити-сан. Раньше настоятелем храма был его отец, потом управление перешло к нему. Сколько он себя помнит, Коясан всегда был его домом – простые платья и шлепанцы, кленовое дерево с ярко-красными листьями у ворот. У него двое сыновей; одному из них однажды предстоит стать настоятелем. Коити-сан смеется часто и искренне, как правило, над собой. Он сидит и совершенно невозмутимо ведет беседу, пока послушник бреет ему голову. Юные ученики спешат выполнить любое его поручение, но я ни разу не видела, чтобы он сердился или повышал голос. Коити-сан очень похож на Гэндзи с одним отличием: его жизнь регулируется гораздо более простыми правилами.

Свою жизнерадостность и оптимизм он проявляет при любом случае. Кажется, они постоянно присутствуют в его жизни, как имбирь в имбирном прянике. Он умудряется все воспринимать всерьез, но при этом ни на что не обращать внимания.

«Как можно не обращать внимания на этот колокол?» – недоумеваю я как-то утром, после особенно ужасного пробуждения.

«Если понять, что мир – это иллюзия, сон уже не имеет над тобой власти», – отвечает он.

«Но если мир – всего лишь иллюзия, можно просто не вставать по утрам!»

«Однако есть вещи, которые необходимо делать»,-смеется он. И с этими словами надевает шарф и выходит на мороз.

Вечером я смотрю, как он сгребает опавшие листья. Его движения медленны и упорны, а горки листьев идеально ровные и расположены на одинаковом расстоянии. Он полностью поглощен работой и не делает ни одного лишнего движения. На его лице написано такое умиротворение, точно уборка листьев для него – это награда, а не обязанность. Не думаю, что секрет в сутрах, которые он выучил, или в бесконечном повторении жестов, или в замысловатых изящных мандалах, покрывающих стены его храма. Кажется, ключ к пониманию сингонского

буддизма кроется в самом Коити-сан.

И все же… спокойствие Коити-сан как-то не вяжется с основной концепцией буддизма: вся жизнь состоит из страданий.

В ответ на мои сомнения он лишь смеется: «Причина страданий – в нашей привязанности к вещам, к материальному миру. Мы хотим, чтобы некоторые вещи были вечными – молодость, деньга, волосы. – Он сокрушенно проводит рукой по лысому черепу. – Волосы особенно хорошо иметь зимой!»

«Так, значит, не нужно ни к чему привязываться?»

«Да. И нельзя терять чувство юмора. Без него никак».

«Коити-сан, – набравшись храбрости, спрашиваю я, – а вы знаете, в чем смысл жизни?»

Он отвечает, не раздумывая: «Первое и самое важное в жизни, – произносит он с серьезным видом, – поддерживать чистоту в храме».

Проходит несколько дней, и я знакомлюсь с другими послушниками. Мне нравятся их робкие улыбки и то, как они заступаются друг за друга, если кто-то опаздывает. Нравится, с каким усердием они оттирают пол. О таких детях мечтают все родители. Они воспитаны, вежливы, послушны, но почему-то кажутся слишком серьезными для своего возраста. Даже самые младшие, которым всего 9, не думают бунтовать против жесткого и скучного распорядка. Кажется, упрямый дух молодого Кобо Даиси не выдержал под тяжестью правил и этикета.

Но как-то раз, поздно ночью, я слышу звук шагов. Это шаркают монашеские шлепанцы. Надеваю свои одежды и выхожу в коридор. Тень в шафрановом одеянии мелькает в бесконечных коридорах, на лестнице, за углом и наконец оказывается в безлюдной части монастыря. Из самого угла исходит жутковатый неоновый свет. Монах опускает монетку в торговый автомат и достает из него банку диетической колы. Кажется, Кобо Даиси может спать спокойно.

Неделю спустя, выходя из кухни, случайно сворачиваю не туда и оказываюсь на территории монашеского общежития. Оно ничуть не похоже на келью и подозрительно напоминает студенческую общагу. Всю стену занимает коллекция компакт-дисков и громоздкая стереосистема. 2-этажные кровати никто не трудится заправлять. На полу валяются гантели, а в одном углу – о боже! – телевизор! 14-летний послушник режется в видеоигру про сумо. Сказываются часы медитативной концентрации: мальчонка преодолевает уровень за уровнем. Сосед умоляет его заканчивать: скоро начнется матч любимой команды по бейсболу.

Наконец приходит пора уезжать из этой волшебной обители, населенной людьми в оранжевых одеждах и приютившейся среди

сосен и кедров на священной горе. Это настоящее убежище, где можно укрыться от всего мира. Кажется, что природа, космическая энергия и человеческая доброта объединились здесь, чтобы накрыть это место теплым обволакивающим коконом. Мне очень жаль, что надо уезжать.

Когда я уже надеваю ботинки, из храма выходит мать Коити-сан, чтобы попрощаться со мной. Она протягивает мне блестящее красное яблоко, которое уже несколько дней лежало у алтаря. Свежие фрукты в это время года – невиданная роскошь. Я аккуратно упаковываю яблоко в рюкзак, между слоями одежды. И когда мне хочется вспомнить о горе Коя, достаю его и вдыхаю аромат благовоний и безмятежного созерцания.

Гористый остров Сикоку похож на ядрышко в центре Японии. По мере того как паром рассекает ледяные воды, высоченные пики становятся все ближе. Горы опоясывает тонкая полоска пляжа; кое-где расположены рыболовецкие порты. Воображение само рисует картины: бесконечные пустые пляжи, белый песок, хрустящий под босыми ногами… бамбуковые леса в сумерках мох и полосатые тени, пустые стебли, ударяющиеся друг о друга с жутковатым звуком – точно привидение бренчит своими костями… маленькие заброшенные храмы в окружении кедровых лесов… Мне просто не терпится все это увидеть.

Мой путь начинается в оживленном порту Муя, где находится большая дорога, ведущая к первому храму. По обе стороны выстроились многочисленные магазинчики, торгующие товарами для паломников. Выбрав один, захожу внутрь.

Чтобы совершить паломничество, не нужно быть буддистом, но выглядеть соответствующе просто обязательно. Одежда должна быть белого цвета, который считается цветом смерти. Я должна быть одета в белое с ног до головы, потому что в процессе паломничества мне предстоит переродиться. Эта же одежда может стать моим похоронным саваном, если в путешествии мне вдруг взбредет в голову откинуть копыта и бессовестно обременить этим какого-нибудь деревенского старшину. В продаже есть несколько видов костюмов для паломников, и все стоят столько, что я сперва решаю, что ошиблась нулями. В храмах на эти одеяния от-кутюр проставляются клейма, позволяющие узнать, сколько храмов вы посетили. Стоимость услуги – 250 долларов.

«А стирать их можно?» – спрашиваю я, обеспокоенно прощупывая тонкую хлопчатобумажную ткань и небрежно сделанный шов.

«Конечно! – услужливо сообщает продавец и шепотом

добавляет, – но если вам поставят печать, краска потечет».

«А как же тогда…»

«А вы просто не пачкайтесь!»

Чего-чего, а этого я никогда не умела. Покупаю простой белый костюм. Если развалится по дороге, надену форму для дзюдо.

На рюкзак вешается маленький медный колокольчик, и теперь каждый мой шаг сопровождается пронзительным звоном. Он призван отпугивать демонов, но на самом деле привлекает бродячих собак. Но главный мой аксессуар – деревянный посох, символизирующий Кобо Даиси. С одной стороны выгравирована надпись: «Нас двое – мы путешествуем вместе». Убедившись, что на меня никто не смотрит, я делаю в посохе дырочку, чтобы можно было использовать его как штатив.

Остальные принадлежности необязательны: маленькая деревянная коробочка, в которой лежат полоски бумаги с именем и адресом паломника – ими нужно обмениваться, когда встречаешь другого паломника или получаешь подарок от хозяина магазина. (Помогает также при опознании.) Особая сумочка для пилигрима, куда кладут свечи, ароматические палочки и деньги. Узкий фиолетовый шарф, предназначенный чисто для красоты. И, наконец, четки, соломенная шляпа и сандалии из рисовой соломы, которые развалятся после первых 10 миль.

Покупаю шляпу и четки из сандалового дерева – так я по крайней мере не промокну и буду пахнуть приятно. Коробочка с посмертными записками и прочие финтифлюшки мне, пожалуй, ни к чему. Общий счет – 185 долларов: это паломничество явно не для бедняков.

Зато теперь у меня соответствующий вид. А в Японии это куда важнее, чем знать дорогу.

А дорогу я не знаю. По пути к первому храму я заблудилась трижды. Вместо карты у меня дневник одного старого паломника, которым поделилась подруга, пробежавшая трусцой весь путь от 1-го до 88-го храма. Ей, в свою очередь, он достался от соседки, соседке – от родителей друзей и так далее. Текст на японском, и со времени его написания на Сикоку много чего посносили и понастроили. Поэтому я опаздываю на обед в первый храм, а у его дверей меня тут же атакует группа репортеров с радиостанции. Оказывается, они приехали взять интервью у паломников, ожидая увидеть толпу людей с горящими глазами. Но проблема в том, что они явились на 2 месяца раньше, чем нужно. Большинство паломников – те, кто поумнее, и те, у кого не кончается виза, – отправляются в путь после весенней оттепели. Репортерша –

высокая и худая, совсем как Юкико, – тут же накидывается на меня.

«Вы – паломник?» – восторженно спрашивает она. На мне белый костюм, за спиной бренчит колокольчик. Разве я могу ответить «нет»? Девушка совершенно очевидно в отчаянии, сюжет на грани срыва.

«Можно взять интервью на японском?»

Ну уж нет! Я и так опаздываю, в пятый храм нужно успеть до темноты, иначе первую ночь придется провести под мостом. Тогда она предлагает вместе со своей группой поехать впереди меня, показывая мне дорогу. И я соглашаюсь.

Прямой эфир длится менее 6 минут. Я проделываю нужный ритуал: ополаскиваю руки и рот, звоню в колокольчик, кладу полоску бумаги в коробочку в главном здании, зажигаю свечу и ароматические палочки. И мы продолжаем путь: она с диктофоном на поясе и фургончик, который тащится за нами, как ленивый щенок.

Мне в ухо вставляют маленький наушник. На другом конце сидит продюсер программы, но я слышу лишь глухой треск: «Три, два, один… поехали».

«Почему вы решили совершить паломничество?» – сразу же спрашивает она и тычет микрофоном мне в нос. Я-то рассчитывала, что меня сперва спросят, что полегче: имя, национальность. Я пугаюсь, но тут вспоминаю конкурс «Мисс Америка».

«Ради дружбы народов и мира во всем мире», – отвечаю я.

Репортерша сияет. Я жестами показываю ей, что не слышу ни слова из того, что говорит продюсер, но она лишь отмахивается. В ухо ударяет статическое электричество, и она опять тычет микрофоном мне в лицо.

«Хай-хай (да-да)», – говорю я. Так говорят все дикторши в вечерних новостях, когда их соведущие-мужчины замолкают, чтобы перевести дыхание Теперь каждый раз, когда я слышу потрескивание в наушнике или вижу микрофон у себя перед носом, я с улыбкой отвечаю «хай-хай». Это длится 8 минут. Я чувствую себя собакой Павлова, но, кажется, моя хитрость срабатывает.

После интервью девушка сворачивает оборудование, машет водителю фургона и с облегчением плюхается на пассажирское сиденье.

«Минуточку, – говорю я, когда она уже собирается закрыть дверцу, – а куда мне теперь идти?»

Девушка советуется с водителем и тычет на дорогу тремя пальцами: «Туда. Мимо не пройдете».

И фургон уезжает на следующее задание.

Через 3 мили сверяюсь с картой. Оказывается, я пошла в противоположном направлении. В пятый храм прихожу, когда уже давно стемнело, и, лишь добравшись до места, вспоминаю, что в суматохе с этим интервью забыла посох в первом храме.

Теперь все мои дни состоят из цифр: сколько километров я прошла и сколько осталось, сколько мозолей натерла на каждой ноге и хватит ли на все пластыря, сколько я заплатила за ночлег в том или ином храме и есть ли время на обед. Похоже, у ворот в нирвану стоит кодовый замок, и попасть туда можно, лишь набрав нужную комбинацию.

Паломническая тропа проходит в основном в черте города, по асфальтированному шоссе без обочин и тротуаров. Вокруг серо и мрачно: одни поля, ряд за рядом покрытые пластиковыми теплицами, и ни одного живого кустика. На развязках из-за выхлопных газов невозможно дышать. Тонкий слой снега такой же серый, как зловещие тучи, почти каждый день нависающие над горизонтом.

В начале сезона паломников совсем мало, и если один другого нагоняет, то дальше несколько миль мы идем вместе.

Каёко с мужем поженились совсем недавно; тропу проходят уже во второй раз. Познакомились 2 года назад в 43-м храме, а в медовый месяц решили пройтись по собственным следам. На молодоженов они не похожи. У них явно что-то не ладится.

«В прошлый раз было намного лучше, – шепотом признается Каёко, когда ее мужу становится скучно и он нас обгоняет. – Тогда я не должна была стирать его носки и белье».

А они только у 9-го храма.

На горном перевале между 11-ми 12-м храмами ко мне присоединяются двое молодых людей. Нам предстоит пройти 10 миль вдоль 3 вершин, и я рада, что топать по снегу не придется в одиночестве. Мои спутники оказываются пуристами – посохи Кобо Даиси отполированы до блеска, походные ботинки обернуты соломой. В пути они потешаются над пожилыми пилигримами, которые заказывают популярный ныне паломнический тур по системе «все включено» и весь путь едут на автобусе, перемещаясь от храма к храму. На все про все у этих *бас-хэнро* уходит всего 11 дней. Карабкаясь по обрывистой скользкой тропе, я, признаюсь, с тоской представляю себе теплый уютный автобус, наполненный смехом веселых старушек. Мои кроссовки промокли насквозь.

«Что у вас там?» – вдруг спрашивает один из моих спутников и тычет пальцем в мой рюкзак, который по меньшей мере втрое

больше их сумок.

«Камеры», – отвечаю я.

Лица юношей кривятся от отвращения – оказывается, мои помыслы нечисты. Без единого слова они обгоняют меня, бросая посреди дороги. Мне остается лишь разглядывать их следы на снегу и слушать далекое эхо колокольчиков.

В тот вечер я впервые встречаю автобус с «паломниками быстрого приготовления», над которыми насмехались мои спутники-пуристы. Они выходят из автобуса, улыбаются и кланяются своему гиду и быстро переходят через улицу, направляясь к храмовым воротам. В группе около 40 человек, в основном пожилые женщины, все как один в одинаковых костюмах, вплоть до нижних рубашек и носков. Они толпятся во дворике, любуются крышей храма с загнутыми краями, статуей в пруду. Некоторые достают свечи и передают огонек по кругу, зажигая ароматические палочки, от которых тут же поднимается дым. Потом гид звонит в колокольчик, и паломники послушно становятся в линию, складывают руки в молитвенном жесте, кланяются и начинают петь. По двору разносится сутра, совсем непохожая на низкое гортанное пение монахов с горы Коя. Чистые, нежные женские голоса выводят мелодию: *наму-даиси-хендзё-конго*… Их глаза закрыты, пальцы с опухшими суставами крепко сложены на груди. Наконец звенит колокольчик, и пение замолкает. Паломники переходят в зал Даиси, чтобы еще раз повторить сутру.

В тот вечер в храмовой бане в глазах рябит от отвисших грудей и смеющихся морщинистых лиц. Ужинают паломники в общем зале ровно в 6:30. Находится место и для меня.

Оказывается, среди автобусных туристов одни вдовцы и вдовы. Некоторые оставили благоверных дома – поливать цветы и просиживать диван. Им очень нравится экскурсия и общество друг друга. Сегодня они за 12 часов проехали 11 храмов и пели сутры почти 30 раз. От усталости и впечатлений у них слипаются глаза. Буддизм исповедует лишь половина из них.

Они охотно отвечают на мои дотошные расспросы. Самых робких поощряют принять участие в разговоре, следят, чтобы никому не было скучно. Всего 2 дня назад они были незнакомыми людьми, теперь же у них образовалась компания.

Среди них есть одна женщина лет 45 – школьная учительница. Она выучила сотни детей, но своих у нее никогда не было.

«Внутри меня огромная пустота», – признается она и надеется, что путешествие заполнит этот вакуум. Напротив меня сидит женщина, которая молилась святому Кобо и таким образом

излечилась от болезни пищеварительной системы. Теперь она приехала, чтобы поблагодарить святого. Муж остался дома: он вообще не верил, что она когда-либо была больна. Она хочет с ним развестись и ждет знака от Кобо.

В группе всего двое мужчин. Один из них совершает паломничество, чтобы таким образом извиниться перед женой за то, что все эти годы уделял семье мало внимания.

«Наверняка ей приятно было услышать об этом», – вежливо говорю я.

Он опускает голову. «Она умерла от рака в августе прошлого года. А мне больше ничего не осталось».

Женщина за соседним столиком носит с собой маленькую урну с прахом мужа. Вернувшись домой, она развеет его в саду, где он каждую осень сажал свои любимые нарциссы. Рядом со вдовой – молодая женщина, которая носит с собой дневник деда. Он тоже путешествовал по этой тропе, только 20 лет назад.

Все эти люди провели вместе всего 48 часов, а уже знают друг о друге почти все. Сидят рядом в автобусе, едят одну и ту же пищу, вместе купаются, спят в одной комнате, носят одинаковую одежду и снимают друг друга своими фотоаппаратами. И эта жизнь большой общиной, где каждый шаг совершается вместе и известен заранее, совсем никого не раздражает, как не раздражает монахов дребезжание колокола в 4:30 утра.

За 2 недели я обхожу 23 храма Токусимы – префектуры, на территории которой, по преданию, должно произойти духовное пробуждение паломников. Следующий этап – префектура Коти – посвящен дисциплине. Храмы разбросаны на достаточно большом расстоянии друг от друга, тропа идет зигзагом вдоль обрывистых мысов и безлюдных пляжей с черным песком. Температура нередко опускается ниже нуля, а дождь идет не прекращаясь. И как я ни пытаюсь сосредоточиться на просветлении, в голове одни транспортные проблемы, мысли о деньгах, пройденных километрах и о том, остались ли у меня сухие носки.

Вообще-то, 88 храмов вдоль тропы символизируют многообразие буддистских греков. В каждом храме происходит символическое избавление от того или иного порока. По идее, избавившись от 23 пороков, я должна была уже почувствовать легкость и жизнерадостность, но вместо этого в голове сплошная каша.

Как-то вечером захожу в маленькую деревушку, приютившуюся в расселине на берегу. Воздух здесь пахнет рыбой и водорослями, лодки, привязанные у причала, издают скрип,

напоминающий крики дельфинов. Над головой парят чайки, а с парома доносится тихая музыка. В сумерках из маслянистой воды выпрыгивают рыбы, оставляя за собой радужные круги, которые постепенно рассеиваются.

У самого берега стоит маленькая гостиница. В дом ведет крутая лестница, а самые большие тапочки в коридоре оказываются малы на 3 размера. В душе нет горячей воды, приходится выгребать ее из ванной. Со стен слезают длинные полоски краски, точно эвкалипт сбрасывает кору. На террасе горит грязная лампочка, стены покрыты вековым слоем сажи, футон набит сухими жуками, которые при встряхивании противно гремят. Хозяйка гостиницы говорит на диалекте, который можно понять, лишь если вам не меньше 70 лет и вы выросли в глухой деревне на Сикоку. Она глуха, как статуя Будды, и ничего не видит без очков.

«Мне семьдесят семь лет», – с гордостью сообщает она. Ее муж был рыбаком и уже 10 лет как отошел в мир иной. Он чинил лодочный мотор и потерял средний палец: ободрал все мясо до кости. Как ни просил он врачей почистить кость и прикрепить палец обратно проволокой, они так и не решились. Видимо,у них совсем не было чувства юмора: отдать отрезанный палец и то еле согласились. Муж хранил его в банке на кухне и говорил, что возьмет его с собой в следующую жизнь. В конце концов жена заставила его убрать банку в чулан: она распугивала клиентов.

У нее двое детей, но они переехали в город: сперва в Окаяму, потом в Осаку и Токио. Домой наведываются редко. Она протирает пыльные пластиковые цветы, которыми заставлена вся комната. Они напоминают ей о семье, когда дети были еще маленькими. Тогда она каждый день покупала на рынке свежие цветы. Ей хотелось, чтобы дети полюбили природу, она надеялась, что когда они подрастут, то останутся на острове и скрасят ее старость.

«А вы замужем?» – вдруг спрашивает она.

«Нет, – отвечаю я, но тут вспоминаю, в какой я стране. – Пока нет».

«Сколько лет вы уже живете в Японии? Три? Четыре?» Услышав такой комплимент, я прощаю ей все, даже облезлую краску, которая падала мне на голову, пока я сидела в ванной.

«Вы сильная, как мужчина!»

Я прощаю ей и ужин, на 98% состоящий из риса с тоненьким ломтиком яйца.

«А весите вы, наверное, килограммов сорок пять?»

Да она, должно быть, совсем ничего не видит. Прощаю футон со свалявшейся соломой и туалет, который не смывается. В мисо-

супе плавают кусочки пенопласта и непонятного зеленого пластика. Но мне все равно. Говорю хозяйке, что она выглядит не старше 50. Она кладет мне добавку маринованной капусты.

«А вам сколько лет? – спрашивает она. – Двадцать пять?»

С этими словами я прощаю ей абсолютно все и оставляю огромные чаевые. Она бежит за мной по лестнице, пытаясь всучить их обратно.

В комнате вытряхиваю из футона скелеты насекомых, пытаюсь найти край подушки, где не было бы пятна, и, отчаявшись, ложусь спать. Сквозь глубокую темную пелену сна чувствую, как что-то жалит меня во внутреннее бедро, как иголочка кактуса. Я потираю место укола, но тут же чувствую второй – на этот раз ощущение такое, будто я села на канцелярскую кнопку. Я вскакиваю в постели, а эта тварь кусает меня в третий раз, как будто под кожу вогнали дюймовый раскаленный гвоздь. Даже в темноте я вижу гигантскую сороконожку шириной в мой палец и длиной с шариковую ручку. Клыки крепко вонзились мне в кожу и совершают движения на манер отвертки, пытаясь проникнуть глубже. Я прихлопываю зверюгу, но лишь после второго удара она соскальзывает на покрывало и стремительно исчезает в складках.

Бегу вниз. Бабуля крепко спит рядом с орущим телевизором Я зову ее, постепенно повышая голос. Нога пульсирует и немеет. Наконец бабуля просыпается. Я слишком поздно понимаю, что не знаю, как по-японски «сороконожка», и пытаюсь нарисовать насекомое на ладони.

«А, – говорит бабуля, – это *мукадэ*», – и протягивает мне спрей от насекомых. Я как можно спокойнее замечаю, что она меня укусила. Трижды. Бабуля роется в аптечке и достает маленький круглый пузырек Противоядие? Нет, оказывается, всего лишь йод. Что ж, по крайней мере, теперь я знаю, что укусы не смертельны. Намазываю их йодом и плетусь обратно в комнату, пытаясь припомнить, откуда приползла сороконожка, прежде чем впиться мне в ногу.

Я встряхиваю постель и прыскаю тварь инсектицидом. Она умирает полчаса, корчась и завязываясь морским узлом и все время пытаясь подобраться к футону. Я отбрасываю ее краешком журнала, который читаю. При взгляде на работающие челюсти с полудюймовыми клыками на ум приходит неприятное воспоминание о документальном фильме, где такое вот чудовище напало на только что вылупившегося тарантула. Сороконожка накидывается на бедного паучка, накачивает его ядом через полые и острые клыки, и этот яд затем превращает его плоть и кости в заранее переваренный супчик. Так и представляю, как у

меня под кожей образуется один из таких жидких пузырей по мере того, как жир и мышцы постепенно растворяются. При мысли об этом я не выдерживаю, встаю и давлю сороконожку ногой.

Снова встряхиваю матрас – теперь мне становится понятно, откуда там взялись все эти высохшие крылышки и головы насекомых. Примерно час смотрю телевизор, и боль в ноге утихает. Рассвет только через 4 часа. Я выбираю легкий путь и засыпаю.

Мне не всегда везет найти ночлег, а бывает, что от храма до храма идти больше суток. Когда нет дождя, я иногда сплю на кладбищах и моюсь, поливаясь из шланга, с помощью которого чистят надгробия. А бывает, ночевать приходится в пещере. Тогда я просыпаюсь с затекшими конечностями, еле продирая глаза, и удивляюсь, как это Кобо Даиси жил таким образом 7 долгих лет. А потом, в один прекрасный день, я заглядываю в свой зачитанный до дыр путеводитель и вижу карту, нацарапанную на полях: как добраться до «автобуса Хасимото». Хасимото был паломником, который прошел тропу и был расстроен тем, что на пути пилигримов попадается так мало гостиниц. Тогда он поставил автобус на заднем дворе своего дома и снабдил его всем необходимым, что может понадобиться путешественнику, решившему остаться на ночлег телевизором, кофе, чаем, сахаром, водонагревателем и, самое главное, маленьким обогревателем и кучей теплых одеял. За окном начинается дождь. Слушая, как капли ударяются о металлическую крышу, я засыпаю глубоко и сладко.

На несколько дней наступает потепление. Я снимаю с себя часть одежды, пока рюкзак не лопается по швам, и иду с голыми руками. Вокруг живописная деревенская местность, но, вместо того чтобы вдыхать в меня энергию, она как будто высасывает ее. Утром я встаю уже усталой и к полудню еле держусь на ногах. 3 недели безостановочного движения вперед наконец берут свое. Тогда я упаковываю тяжелую зимнюю куртку в бумажный пакет и отсылаю ее в Осаку – все равно она мне больше не понадобится. Через 2 дня начинается снег.

В храм Дзэнцудзи я попала как раз к началу ежегодного фестиваля голых. Смысл праздника в том, что 400 мужчин в одних набедренных повязках собираются у подножия пагоды и дерутся за обладание палкой, которую им бросает влиятельный синтоистский священнослужитель. Счастливчик, поймавший священный артефакт, торжествующе уносится восвояси и весь следующий год радуется своей удаче.

Я уговариваю служек разрешить мне взобраться на второй этаж пагоды. До начала шоу осталось 7 часов, а я уже заняла отличное место прямо под окном, где будет стоять священнослужитель. Правда, погода совсем испортилась, а я легко одета, и ветер пробирает до костей. Весь день я сижу, дрожа и сбившись в комочек, и чувствую, как вирус гриппа медленно проникает в слизистые оболочки.

В 5 часов начинают собираться полицейские. Они создают изгородь шириной в 30 человек рядом с пагодой и оцепляют забор, не подпускающий зрителей. До меня уже доносятся выкрики «Я-я-сёй! Я-я-сёй!». Тут и там мелькает обнаженная плоть: молодые люди в набедренных повязках небольшими группками бегают вокруг храма, пытаясь согреться. До начала фестиваля 3 часа.

В 7 часов сквозь забор прорывается первая группа мужчин, чья нагота едва прикрыта лоскутиками ткани. Они бегут, как стадо испуганных зверей. Рассыпавшись по двору, участники праздника принимаются подпрыгивать на одной ножке, стараясь не касаться сырой и холодной земли. Вот их уже несколько сотен, они хлопают себя по рукам, ногам и ягодицам, стимулируя кровообращение. Мурашки на коже видны с высоты 50 футов.

В 8 часов появляется священник. Его несут в паланкине, движущемся со скоростью ледника. Священнику не меньше 90 лет; интересно, сколько времени ему понадобится, чтобы подняться по лестнице? Мне становится очень жаль всех этих полуголых людей – даже сильнее, чем себя.

В 8:30 священнослужитель наконец появляется в окне над моей головой и выходит на балкон с невероятно напыщенным и официальным видом. Он произносит речь и начинает читать сутры в микрофон. Пока мы ждем окончания этой катавасии, местный продавец газет просвещает меня насчет истинного предназначения праздника.

Хоть он и выглядит как синтоистский фестиваль, в реальности это не что иное, как сходка якудза. Все присутствующие – члены банд – всего лишь ждут повода накинуться на своих противников. Так как это фестиваль голых, во двор храма допускаются лишь самые молодые члены местных мафиозных группировок, у кого еще нет обширных татуировок Матерые якудза расположились вдоль забора и наблюдают за тем, как идут дела у их протеже.

«Но как же священники такое позволяют?»

«Раньше банды контролировали весь город и дрались на улицах, – объясняет мой собеседник – Власти решили дать им возможность решить разногласия в одном месте и под своим

присмотром».

По сути, якудза предложили занять место среди обычных членов общества при условии, что они согласятся следовать правилам и будут громить друг друга лишь раз в год, во время фестиваля. Замысел сработал». Но лишь отчасти. Церемония продолжается уже более 40 минут, и молодым людям все это порядком надоело. Начинаются перебранки, переходящие во всеобщий мордобой. Священники кривятся, но продолжают читать свои сутры. В дело вмешивается полиция. Зачинщиков разнимают, но только и всего. Очевидно, служители порядка тоже в курсе правил игры.

В 9:30 чтение сутр резко прекращается, и в толпу бросают палку. Один якудза подскакивает вверх. На него тут же набрасываются 200 и принимаются мутузить друг друга по лицу и голове. Вокруг бедняги, схватившего палку, образуется настоящая давка. В конце концов человеческая волна подхватывает нескольких якудза, и те начинают давить и топтать противников ногами. Кровища течет рекой. Толпа движется в угол двора Участники фестиваля перелезают через забор и спрыгивают на землю. Я удивлена, как это никому не переломали шею – возможностей было сколько угодно.

Наконец священники подают сигнал, и полиция разгоняет толпу. Разбив на прощание пару носов, молодые якудза позволяют себя оттащить и увести с поля боя. Тем, кто остался недоволен, придется ждать до следующего года. Отомстить можно будет в том же месте, в то же время.

В пятницу вечером понимаю, что сделала ужасную ошибку, точнее, несколько. Во-первых, простыла, во-вторых, свернула не туда, в-третьих, натерла 3 мозоли и могу не успеть в город, а на выходные все банки закрываются. Тогда целых 2 дня мне придется перебиваться без денег. И я решаюсь нарушить паломнический этикет и сесть в автобус.

Водитель высаживает меня у банка. Нетвердой походкой прошагав в дверь, я протягиваю кассиру дорожные чеки и тихонько сажусь на скамеечку. Я выдохлась, как 40-летний автомобиль, который уже никогда не заведется, сколько раз не включай зажигание. Голова болит от постоянной перегрузки, суставы болезненно трутся друг о друга, а легкие как будто наполовину заполнились водой.

Скамейка без спинки: какому-то умнику, видимо, подумалось, что клиенты не должны слишком расслабляться. Обняв рюкзак, я кладу на него голову, чтобы как-то удержаться на плаву. А потом мир постепенно погружается в темноту –

медленно, как падает перышко.

Просыпаюсь в белой комнате, на высокой кровати под тонким одеялом. На секунду приходит мысль: может, я умерла? Но потом я вижу свой грязный оранжевый рюкзак, прислоненный к стене. Надо бы достать словарь и посмотреть, что значат эти иероглифы над дверью, но я так устала, что не могу даже поднять руки.

Когда я снова просыпаюсь, у кровати стоит врач. Он прекрасно говорит по-английски. Я очень рада, потому что мой язык попросту больше не способен выговаривать японские слова.

«У вас вода в обоих легких, – говорит он. – Пневмония. Что же вы так себя запустили».

Я киваю. Теперь понятно, откуда то ощущение, еще до обморока.

«Вы совершаете паломничество?»

Снова киваю. Интересно, что случилось с моим костюмом, буддистскими четками и посохом?

«Я тоже прошел тропу, – с гордостью признается он. – Дважды».

Он даже ночевал в автобусе Хасимото, как и я. Придвинув стул, он предается воспоминаниям. Я только и могу, что кивать головой. Поддерживать разговор мне сейчас не по силам. Наконец доктор берет мою карту.

«Антибиотики?» – спрашиваю я.

«Они не нужны».

«Можно посмотреть мой рентген?»

«Нет».

«Долго мне придется здесь лежать?»

«Три недели. Минимум».

«Три недели! Это невозможно. Я должна завершить паломничество… у меня самолет… у меня на это нет времени», – лопочу я.

Он вытягивает руку. «Вы больны. Организму нужен отдых».

Мне слишком стыдно признать настоящую причину своего испуга: у меня просто нет денег. Японские больницы почти такие же дорогие, как и в Штатах. Мой скудный бюджет и так уже лопается по швам. 3 недели в больнице обойдутся дороже, чем целый год на растворимой лапше в дешевых гостиницах. У меня есть американская страховка, но вес иностранцы, кого я встречала, как один утверждали, что в Японии она бесполезна. Одному моему знакомому повезло поскользнуться на лестнице и сломать ногу. «Голубой крест»* запросил всю документацию из больницы и потребовал, чтобы каждая страница была переведена официальным агентством – за его счет. Если хоть одно слово было пропущено, даже на полях, все документы отсылались

обратно. Спустя 1,5 года, потратив 4000 долларов на переводчиков, он наконец сдался. Его совет мне был таков: «Сломаешь ногу – вправляй ее сама, если только у тебя нет японской страховки».

_____

* Крупное страховое агентство, оперирующее в США и Великобритании.

_____

И это не единственная моя проблема. В японских больницах не предусмотрена система кормления и ухода за пациентами. Предполагается, что это будут делать члены семьи, навещающие больного. Нужно ли говорить, что на Сикоку у меня не так уж много родственников!

Мой мозг погружается в сон прежде, чем я успеваю принять решение.

Проснувшись, вижу перед собой металлическую тележку с дюжиной крошечных тарелочек. На каждой – по 2 кусочка суши и аккуратненький гарнир из маринованного имбиря и зеленой пасты васаби. В комнате никого нет. Суши просто божественные. Я ем до тех пор, пока не устаю жевать.

Теперь каждый раз, когда я просыпаюсь, на тележке стоят новые тарелочки. Подозреваю, что это дело рук медсестер, но я пока ни одной не видела. Даже не знаю, кого благодарить. Каждый день мне приносят столько еды, сколько здоровый борец сумо съедает за неделю. Я пишу «спасибо» соевым соусом на пустой тарелке. Когда просыпаюсь, с тарелки мне улыбается рожица.

Иногда я встаю и хожу по комнате. Мне по-прежнему не удается поднять рюкзак – он весит 35 фунтов, но сейчас для меня это все равно что рояль. Я даже не пробовала отжиматься. Как только смогу поднять рюкзак, тут же выпишусь из больницы и буду выздоравливать в дешевой гостинице.

Проходит 2 дня, потом 3 и 4. Мне все это кажется сном – щедрые дары медсестер, врач, который приходит со мной поболтать и рассказывает о тех временах, когда сам был паломником. Я была бы рада расслабиться и потерять счет смене дней и ночей, но знаю, что рано или поздно наступит день, когда придется платить по счетам Наконец заявляю доктору, что завтра мне нужно уезжать.

«Вы не готовы», – спокойно отвечает он. Я киваю и отвожу взгляд.

«Мне это не по карману», – пристыжено говорю я. Слова выходят с трудом, а щеки краснеют от смущения.

«Вы идете по тропе Кобо Даиси, – тихо отвечает доктор. – Так

верьте же в него».

Я киваю. Хотелось бы мне иметь хоть сотую долю спокойствия настоятеля Коити. Но я растеряла все, даже яблоко, подаренное его матерью, давным-давно пропало.

«Мне все равно пора», – говорю я. Даже Кобо мог быть упрямым, когда хотел добиться своего.

В ту ночь, очнувшись от крепкого сна, я вижу, что моего рюкзака нет. По прошествии стольких месяцев он стал частью моего тела. Это мой дом, моя безопасность, все то, что есть у меня в этом мире. Без него я чувствую себя голой, даже если одета.

Значит, вот как они хотят удержать меня? Ворочаясь и метаясь в кровати, я беспокойно засыпаю лишь к утру.

Проснувшись несколько часов спустя, вижу, что рюкзак вернулся на место. Только вот он уже не такой грязный и помятый каким я привыкла его видеть. Он блестит и хрустит, как новенький совсем как в тот день, когда я принесла его из магазина. Маленькую дырочку на левой лямке зашили ниткой подходящего цвета мельчайшими стежками. С нижнего левого кармана исчезло старое кровяное пятно. Всю мою одежду – рубашки, носки, нижнее белье – постирали, высушили и выгладили. Запасные батарейки в точности там, где я их оставила, но перевязаны красной ленточкой, чтобы не рассыпались. Черствую булочку недельной давности заменили на пакет с домашним печеньем. Все вещи лежат на своих местах, хотя их несомненно вытаскивали, осматривали и чистили. Как им это удалось? Неужто нарисовали схему, прежде чем выпотрошить рюкзак? Я сижу на полу, зажав рюкзак между ног, и изо всех сил сдерживаю слезы.

Когда наконец я выхожу из комнаты, одетая и еле передвигающая ноги под тяжестью рюкзака, врач и сестры ждут меня у стойки. Несколько раз благодарю их за заботу, еду и дружелюбие. Никакие слова ни на одном языке не способны выразить, как много это значило для меня. Мои благодетели улыбаются и кивают. А потом даю вопрос, которого боялась с того самого момента, как сюда: «Сколько я вам должна?»

Медсестры смотрят на врача, и он выступает вперед.

«*О-сэтай*», – говорит он с улыбкой. Это подарок, который делают пилигриму, чтобы улучшить карму в следующей жизни. Пилигрим не имеет права отказываться от о-сэтай.

Но то, что они для меня сделали, это не о-сэтай. Как и дюжина аккуратно завернутых суши, которые мне вручают сестры, когда я собираюсь уходить. Это самая искренняя щедрость людей, проявляющаяся в помощи незнакомцам, которых

они видят первый и последний раз в жизни. Это присущая японцам природная доброта.

На улице я начинаю дрожать, но не потому, что ослабла от болезни Я просто плачу и не могу остановиться.

Пройдя сотню шагов заворачиваю за угол и сползаю по стене. Доктор был прав – я не готова. Купив недельный запас лапши быстрого приготовления, ловлю такси и еду в местную гостиницу. Проспав 4 дня и 4 ночи, выкидываю из рюкзака лишние 20 фунтов, отбрасываю пуристский снобизм и возобновляю пользование общественным транспортом.

ГЛАВА 25

Говорят, что в префектуре Кагава паломники достигают нирваны. Не знаю, так ли это, но с моим приходом в Кагаву как по волшебству наступает весна, и воздух пропитывается ароматом цветущей сливы и теплого дождя. Я прохожу мимо сада, где работает женщина Услышав мой колокольчик, она разгибает спину и улыбается.

«Ага! – весело кричит она. – Звон весеннего колокольчика!»

Я часами сижу в храмах, любуюсь садами, слушаю колокольный звон, вдыхаю запах благовоний, которым насквозь пропитаны мои волосы, одежда, кожа. Мимо проезжают автобусы с бас-хэнро. Мы улыбаемся и киваем друг другу. Когда я стою на автобусной остановке, водители опускают окна и кричат: «Гамбаттэ, о-хэнро-сан!» (Вперед, благородный пилигрим!)

Благодаря посоху Кобо Даиси люди наконец перестали обращать внимание на форму моего носа и цвет моей кожи. Сама того не подозревая, я нашла способ стать здесь своей.

На сером фоне последнего года эти дни кажутся окрашенными золотом. Меня словно окружает теплое и безмятежное сияние, похожее на солнечные лучи, проникающие сквозь бумажную ширму. Я встаю, когда уже больше не хочу спать, хожу до появления приятной усталости, потом сажусь на автобус или поезд. Когда исхудалый паломник аскетичного вида замечает, что я сажусь в автобус и презрительно фыркает в мою сторону, я смеюсь и машу ему рукой.

Прогулявшись немного по пляжу, втыкаю посох в песок и сажусь рядом. Надпись на посохе гласит: «Нас двое – мы путешествуем вместе». Говорят, что в странствии паломников сопровождает Кобо Даиси, но мне почему-то кажется, что все люди, которых я повстречала с первого дня приезда, сейчас идут со мной. Они здесь, рядом, терпеливо ждут, чтобы я их заметила. За все эти месяцы у меня впервые есть время спокойно посидеть в одиночестве, подумать обо всех этих людях и о том, чему они меня научили.

Роберто, который сумел стать настоящим японцем, несмотря на неправильный разрез глаз и слишком мускулистую грудь. Он в совершенстве овладел искусством полировки мечей с помощью лишь воды, камня и безграничного терпения. Самурайское самообладание в нем мирно сосуществует с горячей преданностью мечу. Требуется огромное мужество, чтобы подчиниться системе и не бунтовать против ее законов. Роберто объехал полмира, добиваясь осуществления своей мечты. А

оказавшись в стране, где иностранцы автоматически считаются вне общества, безропотно смирился с насмешками и клеветой.

Адам, чья робость лишила его нормального детства, но не помешала проделать огромный путь к далеким берегам и попытаться завоевать сердца и мысли чужаков смелой уличной пантомимой. Адам лучше самих японцев знает, как носить маску и броню, но при этом открывает душу каждому встречному. Он аутсайдер, но, в отличие от Роберто, не хочет становиться своим. Но и в его жизни главенствуют 2 стихии – страсть и прямота. Адам и Роберто – такие разные, но, с другой стороны, они очень похожи.

И Юкико. Она проявила мужество, приняв в свой дом чужака, и терпеливо верила в то, что я все-таки смогу исправиться. Она верила в меня гораздо больше, чем я того заслуживаю. Вся ее жизнь была построена на фундаменте преданности, повиновения, иерархической строгости. Она тоже сейчас здесь, рядом со мной, и я чувствую, что она больше не злится.

Да и к чему злиться, если ты в такой хорошей компании. Здесь и Кубаи-сан, моя любимая гейша. И бездомный Нисида-сан и Канэко-сан со своими ябусамэ. Монахи с горы Коя, обретшие покой в мире перемен и неопределенности. Юка с ее толстыми пальцам, и лучезарной улыбкой. Ямабуси, разделившие со мной свои тяготы, страхи и мечты. Морита-сан, у которой не было ни одной причины мне помогать, а она все же помогла. Все эти люди, которых я повстречала на своем пути, – лавочники и рыбаки, медсестры и незнакомцы в поезде – все они протягивали мне руку помощи. Даже пресловутые японские бизнесмены – они давно не носят самурайские длинные волосы и сменили мечи на сотовые телефоны, но ценности, которыми они живут, не изменились со времен далеких предков. Я и на их счет ошибалась: их преданность системе вовсе не признак слабости, напротив, это свидетельство великой внутренней силы.

А как же ответ на мой вопрос? В конце концов я нашла его там, где меньше всего искала…

ВА

Сегодня я прошла 12 миль, в основном по шоссе со множеством машин и огромными пробками. Ноги болят от веса рюкзака и соприкосновения с асфальтом. В последний храм прихожу перед самым закатом. Запалив свечу и неохотно прочитав сутру, устраиваюсь на ночлег. И тут вдруг решаю спросить, нет ли поблизости школы дзюдо.

В глубине души я надеюсь, что мне ответят «нет», ведь я в двух местах натерла ногу и покалечила большой палец. И вчерашние суши – мой сегодняшний обед – похоже, были несвежими. Все, что мне сейчас хочется – принять горячую ванну, постирать вещи и завалиться спать.

«Есть!» – обрадовано отвечает священник.

Оказывается, школа Ёминури-додзё прямо за углом. Священник быстро объясняет дорогу и даже рисует карту. Узнав, что у меня черный пояс, он предлагает подвезти меня и рассказывает, что здешний сэнсэй обучал его сына. Теперь мне уже не отвертеться. Ковыляю наверх и выкапываю форму из недр рюкзака.

Школа оказывается совсем крошечной, как гараж на 2 машины. 9 учеников выстраиваются на деревянном полу. Когда доходит до ритуала приветствия, сэнсэй подходит ко мне и приказывает встать, в самый хвост, с новичками. Наверное, он не любит иностранцев… или женщин… или и то и другое. Может, повезет, и на меня весь вечер не будут обращать внимания? В глубине души я этому даже рада.

Мы разбиваемся на пары и отрабатываем любимые приемы. Моим партнером оказывается подросток, худой, как палка. Он как раз в том возрасте, когда мальчики начинают присматриваться к девочкам, поэтому очень стесняется схватить меня за что-нибудь не то. Я улыбаюсь и пытаюсь отшутиться, но у бедняги по-прежнему такое страдание на лице, точно он мучается несварением желудка. Тогда я расслабляюсь и становлюсь легкой, как перышко. Теперь, даже если он малость промахнется, то все равно опрокинет меня на спину.

Сэнсэй наблюдает за нами, оперевшись руками о резной деревянный посох. Он совсем дряхлый, весь сгорбленный, с седыми волосами. В жиденькой бородке не больше 12 волосков. Он шаркает ногами и с трудом забирается на мат. Он не носит очки и очень сильно щурится, поэтому его глаза как будто все время закрыты.

Мой партнер робко хватает меня за ногу. Я собираюсь

предложить ему другой прием, но тут вдруг чувствую, как кто-то стучит по ноге палкой. Обернувшись, вижу за спиной сэнсэя. Мой мальчик тут же убегает. Старик хватает меня за воротник и приказывает продемонстрировать мою лучшую технику.

стараюсь обращаться с ним как можно бережнее он же почти прозрачный, как хрупкая фарфоровая чашечка, не дай бог, разобью его на кусочки.

И вдруг меня точно сбивает 10-тонный грузовик, несущийся со скоростью 40 миль в час. Я сильно ударяюсь о землю и сперва не могу даже вздохнуть. Я даже не видела, какой прием он использовал.

Поднимаюсь на ноги. Сэнсэй без слов хватает меня за рукав. Пытаюсь отреагировать, на этот раз проворнее и уже не так заботясь о здоровье дедули, но, не успев сделать даже шаг, снова падаю на спину.

И снова встаю, стараясь не показывать досаду. Не понимаю, зачем он со мной так? Эти тренировки призваны внушить ученикам уверенность в своих силах, а если всегда получать отпор, рано или поздно начнешь думать, что у тебя ничего не получится.

Я пробую нанести другой удар, чтобы застигнуть его врасплох Он с легкостью блокирует мой прием. Его скорость, точность и сила движений просто невероятны.

Другие ученики уже не пытаются делать вид, что продолжают тренировку, а просто молча смотрят на нас. На лицах – сосредоточенная звериная жестокость: так волчья стая наблюдает за смертью слабой особи.

В течение получаса я пробую дюжину стратегий – от скоростного нападения до ложных и комбинированных приемов. Каждый раз, когда я ударяюсь оземь, мое негодование растет; Сэнсэй ни разу не поправил меня, не показал, что я делаю неправильно. Он вообще не сказал мне ни слова с тех пор, как я вошла в комнату, если не считать, конечно, этого противного писклявого хихиканья, которое он издает каждый раз, когда я падаю на мат. Эта схватка абсолютно бессмысленна. Он вообще не сэнсэй, а всего лишь мерзкий садист, отыгрывающийся на любом лопухе, которому не посчастливилось явиться к нему на тренировку.

Год назад я бы высказала ему все, что думаю, и гневно хлопнула бы дверью. Но теперь я совсем другой человек Хорошо это или плохо, но за это время я научилась быть гордой, «держать лицо» и хранить самообладание. Я буду стоять до последнего.

Проходит еще полчаса. Падая, я сосредотачиваюсь на том, как буду вставать. Вставая, обдумываю следующий прием.

Встречая сопротивление, размышляю о том, как сделать падение наименее болезненным.

И вдруг, по чистой случайности, моя нога соскальзывает на 2 дюйма влево. Я делаю захват и пытаюсь опрокинуть и перевернуть сэнсэя, как и во все предыдущие разы. Только на этот раз он поддается, как гибкий ивовый прутик Я выкручиваю руку, и он во весь рост растягивается на полу.

В зале повисает абсолютная тишина. Я знаю, что однажды смогу прочувствовать всю полноту этого момента, ощутить торжество, гордость, удовлетворение. Каждая секунда отпечатается в моей памяти, и когда мне исполнится 92, будет о чем вспомнить в кресле-качалке. Но сейчас внутри только пустота. Я стою и жду, что будет дальше.

Сэнсэй медленно встает. У меня ноет каждая мышца, я едва держусь на ногах. Завтра я не то что рюкзак не смогу поднять, даже кулак сжать будет больно.

Сэнсэй поднимает правую руку, как будто снова хочет схватить меня за воротник, и я впервые замечаю, что пальцы у него скрюченные, с артрозными шишками. Ему, должно быть, очень больно хвататься за грубую ткань.

Но, вместо того чтобы снова опрокинуть меня на спину, он резко тычет мне пальцем в грудь.

«Упорствуй, – говорит он по-японски и, подняв руку выше, касается моего лба. – Верь».

И уходит, хихикая себе под нос, шаркая ногами и опираясь на трость.

БЛАГОДАРНОСТИ

Путешествие похоже на айсберг. Те, кто принимает в нем непосредственное участие, делают лишь малую часть работы, от которой зависит общий успех. Настоящие же герои остаются в тени, и именно их нужно благодарить за неустанный труд. Это те добряки, которые в ответ на письмо с моей лихорадочной просьбой готовы были бросить всё и тут же собрать посылку с оборудованием. Мои многострадальные друзья, которые провожали меня со вздохом облегчения, но через год по необъяснимой причине все как один явились в аэропорт, чтобы встретить меня с самолета. Щедрые незнакомцы, которые, как по волшебству, возникали именно в тот момент, когда меня покидало мужество, и заставляли меня поверить в людей, когда я уже думала, что в них разочаровалась. Именно благодаря им осуществилось мое путешествие и появилась эта книга. Благодаря им моя жизнь имеет смысл.

Они – мои герои.

Джоди Роудс, мой агент и подруга. Поверив в человека, она готова сражаться за него, как тигрица за своих детенышей, и она никогда не отчаивается. Вот кого бы я взяла на необитаемый остров.

Крис Поташ, великолепный редактор, мастер характеров и сюжетов, кудесник художественного слова. Он безупречно вежлив и деликатен, как настоящий джентльмен. Общение с ним было одним из лучших моментов в работе над книгой.

Доминик Фуччи, из доброты душевной (и по глупости) ответивший на мой технический вопрос в Интернете. Если Доминик что не знает о постпроизводстве и медиа-менеджменте, значит, этого не знает никто. Он не жалел для меня ни советов, ни времени; за год я послала ему почти 700 писем, и он на каждое ответил. Вместе с документальным фильмом у меня появился настоящий друг.

Кэти и Дэвид Стейплз из «Images Group, Inc.» Они верили в меня, даже когда я этого совсем не заслуживала. Их уверенность придавала мне мужество в трудные времена, а поддержка помогала не сбиться с пути.

Не многие компании в мире обладают таким талантом и дальновидностью, как «Woolrich, Inc.» Именно эта компания предоставила мне удивительную одежду, которая вместе со мной пережила этот год и побывала в многочисленных переделках. В этой одежде я путешествовала, ходила в походы, плавала и спала. Единственное, что грело меня теплее их флисовых курток, –

мысли о людях, которые их сделали.

Роз Брэйтон, президент компании. В его жизни 2 главные ценности: честность и забота о людях. Он был со мной с самого первого дня.

Ледерле Эберхардт, вице-президент по дизайну и мерчандайзингу. Ее безупречный стиль в одежде позволил мне не замерзнуть и произвести впечатление на придирчивых японцев.

Тим Джозеф, директор по маркетингу и масс-медиа, с его заразительным энтузиазмом. Каждый разговор с ним вдохновляет меня на новое путешествие.

Джерри Райндер, вице-президент по продажам, и его команда: я не выжила бы без их постоянной поддержки и воодушевлений.

Но есть еще люди, которых встречаешь в пути. У них нет причин помогать чужакам, но они все равно это делают, а порой даже прилагают огромные усилия, чтобы помочь человеку, которого, может, видят в первый и последний раз. Всех их не перечислить, но есть все же те, у кого я в неоплатном долгу, – это моя японская семья. Я от всей души надеюсь, что когда-нибудь мы увидимся снова и, может, даже станем друзьями. На большее я и не рассчитываю.

И, конечно, Сэцуко Морита. Морита-сан, вы не просто делали свою работу. Без вас ничего из задуманного мною никогда бы не осуществилось. Огромное вам спасибо.